

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE - P
Дискурс★Ли

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 21 (2) 2024

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 21 (2) 2024

IPL INSTITUTE of
&L PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2024

«ДИСКУРС-ПИ»
Т. 21. №2
Июнь 2024

Издание посвящено
300-летию Российской академии наук

Научный журнал
Издается с 2001 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 10.08.2024 г.

Формат 70x100 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 18,14

Тираж 500 экз.

Заказ № 33932

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – академик РАН, председатель УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головко – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Адилбек Ермекбаев – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Издательский Дом «Дискурс-Пи», Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (К-1) по следующим специальностям:

– 5.5.1. История и теория политики (политические науки),

– 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

– 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки);

– 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),

– 5.7.2. История философии (философские науки),

– 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал входит в базу данных RSCI, «Киберленинка», в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS.

DISCOURSE-P
Vol. 21. No2
June 2024

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on August 10, 2024
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 18,14
Issues – 500
Order # 33932

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru

When cited the reference to the Journal
is obligatory

The authors are requested to adhere
to the academic style

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Academician of RAS, Chairman of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Adilbek Yermekbayev – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasilii Rusakov – Publishing House «Discourse-P», Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The Scientific Journal «Discourse-P» is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (K1). The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is included into the Russian Science Citation Index (RSCI),
the «CyberLeninka» database,
in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

Т.21. №2

Тропы метода

Русакова О. Ф., Русаков В. М.

«Мир без границ» (borderless world): три концептуальных подхода 8

Володенков С. В., Федорченко С. Н.

Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта
в социально-политической сфере: обзор современных научных работ 24

Шавеко Н. А.

Идеал правды в Московском государстве (XVI-XVII вв.):
политико-правовые аспекты 49

Парадигмы и процессы

Наумов А. О., Наумова А. Ю., Иващенко Н. П.

К вопросу о причинах провала «цветных революций»
(на примере «васильковой революции» в Беларуси) 72

Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л.

Архаический памятник Аркаим: практики освоения
и субъективные смыслы восприятия мемориальных ландшафтов 90

Филаретова Ю. С.

Гуманитарная деятельность международных
неправительственных организаций по вопросу
о сирийских беженцах и внутренне перемещенных лицах 111

Ялманов Н. И.

Экзогенные и эндогенные ограничители рациональности
в процессе принятия политических решений 129

Четвертая власть

Дымова А. В., Коптяева Н. Н.

Идеологема «коллективный запад»: русскоязычные vs англоязычные СМИ 150

Фурсов К. К.

Влияние политического медиадискурса вражды
на освещение специальной военной операции 171

Красиков В. И.

Национальное самовыражение
в контексте цифровых медиа и социальных сетей 188

Рецензии и обзоры

Пономарева Е. Г.

Призма идентичности 203

Vol. 21. No 2

Tropes of Method

Rusakova, O. F., Rusakov, V. M.

Borderless world: Three Conceptual Approaches 8

Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N.Risks of Using Artificial Intelligence Algorithms in the Socio-Political Sphere:
a Review of Contemporary Scientific Works 24**Shaveko N. A.**Ideal of Pravda in the Muscovy state (XVI-XVII Centuries):
Political and Legal Aspects 49

Paradigms and Processes

Naumov, A. O., Naumova, A. Yu., Ivashchenko, N. P.To the Question of Reasons for the Failure of Color revolutions
(on the Example of the Cornflower Revolution in Belarus) 72**Zubanova, L. B., Zykhevskaya, N. L., Shub, M. L.**The Archeological Site of Arkaim: Development Practices and Meanings
in Individual Perception of Memorial Landscapes 90**Filaretova, Iu. S.**Humanitarian Activities of International Non-Governmental Organizations
on the Issue of Syrian Refugees and Internally Displaced Persons 111**Yalmanov, N. I.**Exogenous and Endogenous Constraints of Rationality
in the Political Decision-making Process 129

The fourth power

Dymova, A. V., Koptyaeva, N. N.

Ideologeme "Collective West": Russian-Language vs. English-Language Media 150

Fursov, K. K.An Impact of Political Media Discourse on Covering
a Special Military Operation (SMO) 171**Krasikov, V. I.**

National Self-Expression: in the Context of Digital Media and Social Networks 188

Book Reviews

Ponomareva, E. G.

Prism of Identity 203

«МИР БЕЗ ГРАНИЦ» (BORDERLESS WORLD): ТРИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДА

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Василий Матвеевич Русаков,

Издательский Дом «Дискурс-Пи»,
Екатеринбург, Россия,
dragonera768@gmail.com

Получена 16.04.2024.

Поступила после рецензирования 22.04.2024.

Принята к публикации 29.04.2024.

Для цитирования: Русакова О. Ф., Русаков В. М. «Мир без границ» (Borderless World): три концептуальных подхода // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 8–23. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_8

Аннотация

Современным трендом мирового развития стал ряд кризисных моментов, возникший внутри процесса нарастания глобализации, что проявилось, с одной стороны, в виде усиления движения антиглобализма, выступающего против наступления

© Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2024

транснациональных корпораций на суверенитет и границы национальных государств, а с другой стороны – в новом размахе миграционных потоков, оказавшемся следствием неокOLONиальной политики стран Запада, заставившей ряд государств в целях защиты собственных границ от толп мигрантов выстраивать оградительные сооружения, то есть заниматься «стеностроительством». В итоге проблематика границ оказалась в центре пристального внимания мировой общественности и науки, при этом предметом обсуждения стали как вопросы сохранения и отстаивания национально-государственных границ, так и существующие проекты воплощения в жизнь различных концепций «мира без границ». Среди первых концептуальных проектов «мира без границ» можно назвать коммунистический проект отмирания государства вместе с его границами в результате построения бесклассового общества, разработанный К. Марксом и Ф. Энгельсом. Мысль об исчезновении государства и государственных границ активно отстаивалась также представителями различных анархических течений XIX – начала XXI века – от М. Штирнера, П. Ж. Прудона и М. Бакунина до Н. Хомского, М. Букчина и Д. П. Барлоу. Анархическая концепция «мира без границ» выступает альтернативным проектом развития общества как по отношению к коммунистическим, так и к буржуазным моделям будущего мироустройства, поскольку не приемлет государственную власть во всех формах ее проявления. Во второй половине XX века возникает неолиберальный концепт «мира без границ», обусловленный высокими темпами нарастания процесса глобализации, в котором доминирующую роль в общественном развитии играют транснациональные объединения, подавляющие суверенитет и размывающие границы национальных государств. Таким образом, предметом нашего изучения стали три концептуальных подхода к рассмотрению идеи «мир без границ»: коммунистический, анархический и неолиберальный. Основными методологическими инструментами исследования выступают методы концептуального, типологического, сравнительно-исторического и дискурсивного подходов, направленные на изучение данной идеи.

Ключевые слова:

государство, граница, мир без границ, суверенитет, глобализация, коммунизм, анархизм, неолиберализм

BORDERLESS WORLD: THREE CONCEPTUAL APPROACHES

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Vasiliy M. Rusakov,

Publishing House "Discourse-P",
Ekaterinburg, Russia,
dragonera768@gmail.com

Received 16.04.2024.

Revised 22.04.2024.

Accepted 29.04.2024.

For citation: Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2024). Borderless World: Three Conceptual Approaches. *Discourse-P*, 21(2), 8–23. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_8

Abstract

Globalization has evidently become a continuing trend in recent times with its advantages, limitations and crises attracting researchers' interest worldwide. One of the crucial challenges to be reflected in this paper seems to present itself in a two-fold manner. On the one hand, it should be described in terms of growing anti-globalization movement, which opposes transnational corporations advancing their claims over sovereignty, territory and borders of national states. On the other hand, it should be discussed in terms of increasing migration, which results from western neocolonial policy and forces states to build protective structures on their borders against crowds of migrants, i.e., to engage in *wall-building*. Consequently, much research in recent years has focused on two contradicting projects: preserving and defending of state borders and implementing *the world without borders*. Among earliest conceptions of *the world without borders* the communist project developed by K. Marx and F. Engels should be named. These German philosophers were first to introduce the idea of withering away of the state including its national borders when former social classes disappear and a new communist society will no longer require state and law. Different anarchist thinkers were advancing the communist idea throughout centuries: M. Stirner, P. J. Proudhon and M. Bakunin back in XIX and N. Chomsky, M. Bukchin and D. P. Barlow in the end of XX – early XXI. The anar-

chist project of *the world without borders* performs as an alternative for both communist and bourgeois models of the future world order, since it refuses to accept state power in all forms and manifestations. The second half of 20th century was the time of globalization wide-spreading, with transnational actors playing a significant role in social development, blurring sovereignty and borders of national states, so a neo-liberal project of the world without borders was developed in that period. With all these circumstances taken into consideration, this paper compares three conceptual approaches to *the world without borders*: communist, anarchic and neoliberal, relying on research methods of conceptology and discourseology.

Keywords:

state, borders, *the world without borders*, sovereignty, globalization, communism, anarchism, neoliberalism

Введение

В XX веке историческая тенденция капиталистического накопления вполне реализовалась в практике глобализации, осуществляемой транснациональным, прежде всего финансовым капиталом, не терпящим никаких границ, которые могли бы сковывать его экспансию туда, где рабочая сила дешевле, а капиталу дышится всего свободнее.

В 1990 году Кеничи Омаэ (Ohmae, 1990), японский специалист в области делового менеджмента, выпустил свою знаменитую книгу «Мир без границ: власть и стратегия во взаимосвязанной экономике» (“The Borderless World. Power and Strategy in the Interlinked Economy”), в которой заявлял, что в условиях бурного развития транснационального капитала традиционные пространственные границы между странами и регионами начнут постепенно стираться и в конце концов исчезнут. Согласно М. Хараламбосу и М. Холборну, описавших концептуальную позицию Омаэ, ее автор является одним из самых бескомпромиссных и искренне восторженных сторонников глобализации, рассматривающих ее с точки зрения неolibерального подхода. По Омаэ, в эпоху глобализации политические границы становятся все менее и менее значимыми, поскольку страны все больше формируют гигантскую, взаимосвязанную экономику – это особенно верно для большинства развитых государств, таких как США, европейских стран, Японии, к которым присоединяются быстро развивающиеся страны Азии – Тайвань, Сингапур и Гонконг. Согласно Омаэ, во взаимосвязанной экономике корпорации и потребители как никогда тесно связаны друг с другом, а роль политиков, бюрократов и военнослужащих снижается. В этом новом мире государственные границы и национальные суверенитеты превращаются в архаические пережитки, только мешающие поистине безграничному прогрессу экономики, а на его основе и прогрессу общества в целом (Haralombos, Holborn, 2013, pp. 1008-1009).

Идея о взаимосвязанном глобализирующемся мире, в котором происходит свободное перемещение индивидов, труда, собственности, капитала и финансов, получила дальнейшее развитие в целом ряде работ зарубежных исследователей, в частности, в трудах Т. Крессуэлла (Cresswell, 2006), З. Баумана (Бауман, 2008), Ю. Хабермаса (Хабермас, 2008), Дж. Урри (Урри, 2012а, 2012б) и др. Этот новый мир представляется как чрезвычайно подвижный, «текучий», мобильный, в котором жизнь подобна езде на велосипеде: всякое замедление, а тем более остановка, смерти подобна. И разумеется, в таком мире любые границы (остановки) становятся эфемерными.

Особую остроту проблематике исчезновения границ придал исход Холодной войны, связанный с распадом СССР, разрушением с таким трудом созданной после Второй мировой войны системой коллективной безопасности с ее принципом нерушимости послевоенных границ. Казалось, мир решительно пошел в направлении разрушения и слома всяческих границ, существовавших в условиях двухполярной системы мироустройства, и этому уже ничто не сможет помешать. Однако в реальной политической практике спустя более двух десятилетий все отчетливее стали обозначаться альтернативные тренды. Вот как об этом пишет известный американский политолог Филипп Боббит: «Спустя двадцать семь лет после падения Берлинской стены, спустя 25 лет после принятия Шенгенского Соглашения и спустя 26 лет после публикации Ohmae's *Borderless World*, границы вернулись... И это верно не только в Европе, но также и в Соединенных Штатах, где большой политический успех Дональда Трампа начался с его обещания построить стену, чтобы остановить перемещение (мигрантов) в Соединенные Штаты»¹ (здесь и далее перевод наш. – О. Р., В. Р.).

В этом, казалось бы, уже утвердившемся «мире без границ» в начале XXI века стали разворачиваться процессы, свидетельствующие о кризисе неолиберальной модели глобализации. К ним в первую очередь относится развитие идеологии и практики движения антиглобализма, подвергающего критике гегемонистский характер монополярной модели глобализации, где лидером и главным актором выступают США. Среди наиболее радикально настроенных идеологов антиглобализма можно выделить А. Каллиникоса (Каллиникос, 2005), С. Амина (Амин, 2007), Н. Кляйн (Кляйн, 2009) и др., предлагающих сторонникам К. Омаэ альтернативную стратегию развития мира, основанную на замене неолиберальных институтов управления обществом институтами подлинной демократии.

Среди важнейших мировых факторов, указывающих на кризис неолиберальной модели глобализации, следует назвать образование таких межгосударственных союзов как ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества) и БРИКС (международный альянс Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской республики, а также присоединившихся к ним в 2024 году десятка новых го-

¹ Bobbitt, Ph. (2016, March 9). *Borders in a Borderless World*. Retrieved November 21, 2023, from <https://worldview.stratfor.com/article/borders-borderless-world>

сударств), что стало индикатором практического отхода от предрекаемого Омаэ процесса стирания государственных границ. В своих документах государства – члены ШОС и БРИКС говорят о международной значимости принципа сохранения государственного суверенитета, а следовательно, и защиты государственных границ².

Кроме того, в современной аналитической литературе появились работы, раскрывающие мифологический характер концепции «мир без границ» (Balibar, 2009; Liam, 2010; Newman, 2006), а также исследования, посвященные проблемам лимологии – научной дисциплины, изучающей границы, приграничные процессы и территории, пограничные институты и их функции (Русакова, Русаков, 2017; Цеткова, 2015; Wilson, Hastings, 2012 и др.). Следует также отметить, что в настоящее время в мире действуют многочисленные исследовательские центры, специализирующиеся на изучении проблематики границ (border studies)³. В итоге в научную повестку решительно вошли интенсивные исследования вопросов о взаимосвязи проблематики границ с концептом идентичности, о легитимизации и обустройстве границ, об институционализации различных функций границ (разделительной, коммуникационной, идентификационной, функции безопасности и т.д.). Происходит расширение номенклатуры границ, на основе которой выделяются границы геополитические, межгосударственные, региональные, муниципальные, городские, морские, океанические, воздушные, космические и т.п.

Кроме того, именно эпоха глобализации породила миграционные кризисы, многие локальные и региональные конфликты, что с неизбежностью привело к беспрецедентному разрастанию практик всевозможного «стеностроительства»⁴.

В этой связи неизбежно возникают вопросы об историческом и социально-политическом смысле концепта «мир без границ», об особенностях дискурса идейных течений, которые его придерживаются и развивают. Дать ответы на эти вопросы – основная цель настоящей статьи. Основными

² См., напр.: *Йоханнесбургская декларация – II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускорения роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, 23 августа 2023 года* (Сэндтон, Гаутем, ЮАР). Взято 21 ноября 2023, с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/

³ *Border Studies: азиатский вектор* : (интервью с Полом Ричадсоном). Взято 21 октября 2023, с https://ojkum.ru/arc/2013_02/2013_02_06.html; *Centre for Border Region Studies (CBRS)*. Retrieved October 21, 2023, from https://www.sdu.dk/en/om_sdu/institutter_centre/c_borderregionstudies; *The African Borderlands Research Network (ABORNE)*. Retrieved October 21, 2023, from <http://www.aborne.org>; *Association for Borderlands Studies*. Retrieved October 21, 2023, from <https://researchoutput.csu.edu.au/en/activities/association-for-borderlands-studies>; *Boderland History*. Retrived October 21, 2023, from <https://borderlandshistory.org>; *International Boundaries Research Unit*. Retrieved October 21, 2023, from <https://www.dur.ac.uk/ibru/> и др.

⁴ Парасюк, И. (2013). *Стены и политика*. Взято 20 октября 2023, с <https://newsland.com/post/2123564-steny-i-politika?ysclid=lx4g9wam38356272286>

методами настоящего исследования являются методы концептуального, типологического, историко-сравнительного и дискурсивного подходов к изучению данного концепта.

Три подхода к постановке проблемы «мир без границ»

Исторический экскурс в появление самой идеи «мира без границ» показывает, что в XX веке сложилось три основных подхода к пониманию необходимости и природы данного явления. Первый подход обозначен нами как неолиберальный, в основе которого лежит идея капиталистической глобализации, где в роли главных акторов выступают транснациональные корпорации, стремящиеся к установлению собственной гегемонии и стиранию границ между национальными государствами.

Совсем иная трактовка концепта «мира без границ» дается в работах классиков марксизма. Так, в своей программной работе «Манифест Коммунистической партии» (1848) основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс одновременно подчеркивали и космополитический характер развития и господства мирового капитала и существование тенденции к всемирному росту и сплочению рабочего движения, призванного свергнуть власть мирового капитала (Маркс, Энгельс, 1955, с. 427).

В основе марксистского дискурса, раскрывающего основные тенденции мирового развития, лежит классовый подход, с позиции которого доказывается космополитическая природа не только мирового капитала, но и главного его классового противника в лице мирового пролетарского движения, выступающего под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 459).

Одним из главных достижений пролетарской революции должно было стать построение бесклассового общества, в процессе создания которого «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают... господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 444). Таким образом, по Марксу и Энгельсу, должна исчезнуть необходимость в существовании такого политического института, как государство, а следовательно, и его национальных границ. Позднее, в письме к Ф. Ван-Паттену 1883 года, Ф. Энгельс отмечал: «Маркс и я с самого 1845 г. всегда придерживались того взгляда, что *одним из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное отмирание и, в конечном счете, исчезновение политической организации, именуемой государством*» (Маркс, Энгельс, 1964, с. 9).

В России марксистский тезис об исчезновении государства получил дальнейшее развитие в работе В. И. Ленина «Государство и революция», в которой он, в частности, писал, поясняя слова Энгельса из его письма Бебелю: «Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т.е. нет различия между членами общества по их отношению к обществен-

ным средствам производства), – только тогда “исчезает государство и можно говорить о свободе”» (Ленин, 1969, с. 89).

Согласно марксистско-ленинской концепции классовой сущности государства, после того как созданные мировой буржуазией материальные предпосылки для осуществления «экспроприации экспроприаторов» вполне созреют, наступит время для развертывания мировой коммунистической (пролетарской) революции, ведущей к сокрушению власти национальных государств. Вместе с ее исчезновением должны исчезнуть и разделяющие человечество границы. Однако этому событию с необходимостью должен предшествовать продолжительный переходный период, во время которого государство продолжает свое существование, но уже в формах диктатуры пролетариата: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но существовать будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата» (Ленин, 1969, с. 35). Но поскольку, как показало время, начало мировой пролетарской революции все время отодвигалось, то практическая реализация идеи «мира без границ», связанная с полным отрицанием института государства, также отодвигалась. В этой связи Ленин и большевики были вынуждены изменить свои стратегические установки и переориентироваться на очередные задачи строительства социалистического государства, на укрепление его аппарата и государственных границ. Так, всего нескольких месяцев спустя после установления советской власти в мае 1918 года в РСФСР была учреждена пограничная охрана республики (Ежуков, 2008, с. 105). Иначе говоря, реальная жизнь заставила русских коммунистов надолго отказаться от практической реализации идеи «мир без границ», хотя в долговременной исторической перспективе данный проект не утратил своей актуальности.

В литературе XIX – начала XXI в. идея исчезновения государства, а также такого его важного признака, как государственная граница, наиболее настойчиво и активно формулировалась как представителями анархического направления общественной мысли XIX века (М. Штирнер, П. Ж. Прудон, М. Бакунин и др.), так и многими современными идеологами анархизма, такими, к примеру, как Н. Хомский, М. Букчин, Д. П. Барлоу. В «Антологии современного анархизма и левого радикализма» говорится: «Для анархиста государство – самый фатальный предрассудок из всех, что ослепляли человека на протяжении веков» (Цветков, 2003, с. 35).

Следует отметить, что для большинства современных анархистов борьба с государственными институтами, существующими в условиях капитализма, превращается в борьбу против транснациональных корпораций, чья политика напрямую связана с порождением и воспроизводством новых форм эксплуатации масс и способов отчуждения человека в условиях усиления процессов глобализации. В то же самое время анархисты ведут борьбу и против «государственного социализма» с его бюрократическими институтами, системой постоянного контроля за общественными организациями и процессами, связанными с воспитанием личности социалистического типа, с формированием заданных государством ценностных ориентаций, что, согласно их представлениям,

полностью противоречит принципу свободного развития личности. К примеру, такой известный антиглобалист и анархист, как Ноам Хомский, в своей книге «Государство будущего» отмечает: «...люди по своей сути – свободные, ищущие, самосовершенствующиеся существа, следовательно, государство – глубоко антигуманный институт. А это значит, что деятельность и само существование государства в конечном итоге противоречат полноценному гармоничному развитию человеческого потенциала в его богатейшем многообразии и поэтому несовместимы с тем, что Гумбольдт и, уже в следующем веке Маркс, Бакунин, Милль и многие другие рассматривали как истинную цель человека. (И скажу для протокола: лично я убежден, что это очень точное описание.)» (Хомский, 2012, с. 13).

Хомский является противником как «глобального капитализма», так и «авторитарного социализма», «когда производством управляют государственные чиновники, а в торговле руководят менеджеры, ученые и служащие»: «...Цель рабочего класса – освобождение от эксплуатации. Этой цели невозможно достичь, просто заменив буржуазию новым управляющим и правящим классом. Такое возможно, лишь если сами рабочие возглавят производство...» (Хомский, 2012, с. 33). Он предлагает обсудить свой либертарианско-социалистический проект видения государства (Хомский, 2012, с. 31), выдвигая следующие требования: «...государственная власть должна быть уничтожена и заменена демократической организацией индустриального общества с прямым народным контролем над всеми институтами. И осуществлять этот контроль должны как те, кто участвует в работе этих институтов, так и те, кого она напрямую затрагивает. Так что можно представить себе систему рабочих советов, потребительских советов, общественных собраний, региональных федераций и т. д. с прямым и подлежащим отзыву представительством. Это значит, что представители ответственны за свои действия и подотчетны определенной и интегрированной социальной группе, интересы которой они представляют в более высоких общественных организациях. Такое устройство явно отличается от нашей системы представительства» (Хомский, 2012, с. 48).

В одном из своих интервью, отвечая на вопрос, какая на его взгляд конкретная реализация анархизма уместна в нашу эпоху, он отметил: «Я склонен согласиться с тем, что анархизм бесформенен и утопичен, хотя вряд ли в большей степени, чем бессмысленные доктрины неолиберализма, марксизма-ленинизма и других идеологий, которые на протяжении многих лет привлекали власть имущих и их интеллектуальных слуг по причинам, которые слишком легко объяснить. Причина общей бесформенности и интеллектуальной пустоты (часто скрываемой за громкими словами, но это опять-таки в интересах интеллектуалов) заключается в том, что мы не очень много понимаем в сложных системах, таких как человеческие общества, и обладаем лишь ограниченными интуитивными представлениями о том, как их следует преобразовать и конструировать... Анархизм, на мой взгляд, является выражением идеи о том, что бремя доказывания всегда лежит на тех, кто утверждает, что власть и господство необходимы. Они должны продемонстрировать с помощью весомых аргументов,

что этот вывод верен. Если они не могут, тогда институты, которые они защищают, следует считать незаконными»⁵. Иначе говоря, согласно Хомскому, любой государственный институт нелегитимен, если необходимость его существования недостаточно аргументирована.

Вместе с тем, важно отметить, что внутри современного анархизма существуют идейные течения, которые, хотя бы на региональном уровне, выступают за сохранение территориальных границ. Таковым, к примеру, является так называемый «либертарный муниципализм», идейным вдохновителем которого является эконоанархист Мюррей Букчин. Вот что он пишет в одном из своих недавних эссе «Либертарный муниципализм: политика прямой демократии»: «Либертарный муниципализм – это не просто воплощение традиционных антигосударственных представлений о политике. Он переопределяет политику, которая предполагает прямую муниципальную демократию, перешедшую на уровень конфедераций, а также включает муниципалистский и конфедеративный подход к экономике. Как минимум либертарная муниципалистская экономика призывает к муниципализации экономики, а не к ее централизации в государственные “национализированные” предприятия, с одной стороны, или ее сведению к формам коллективистского капитализма, которые “контролируются рабочими” с другой»⁶. Другими словами, Букчин считает, что в условиях либертарного муниципализма посредством применения методов прямой демократии и рабочего контроля за сферой экономического производства можно повсеместно регулировать территориальные границы муниципалитетов (полисов).

Еще одним своеобразным вариантом анархического дискурса, порожденно-го эпохой информационного общества, и отстаивающего идею «мира без границ» в сетевом пространстве, выступает так называемый криптоанархизм. В центре внимания его представителей находятся следующие вопросы: перспективы развития виртуального контента и его технологий, разработка различных способов взаимодействия субъектов и пользователей киберпространства, изучение проблем, связанных с борьбой против установления государственного и корпоративного контроля за киберпространством. Как отмечает криптоанархист Питер Ладлоу, специалист в области сетевых технологий, причина обсуждения анархии в контексте киберпространства довольно проста: «...широкая доступность различных технологий (таких, как криптография с открытым ключом), похоже, делает определенные анархистские идеалы достижимыми, если не неизбежными. Другими словами, криптография и связанные с ней технологии, подобные анонимным ремейлерам и электронной наличности, могут ослабить концентрацию власти в знакомой нам форме (в форме национального государства, к примеру),

⁵ *On Anarchism. Noam Chomsky interviewed by Tom Lane* (ZNet, 1996, December 23). Retrieved October 21, 2023, from <https://chomsky.info/19961223/>

⁶ Букчин, М. (2023, 6 декабря). *Будущая революция: Народные ассамблеи и перспектива прямой демократии* : отрывок из эссе «Либертарный муниципализм: политика прямой демократии. Радикальная теория и практика». Взято 21 октября, 2023, с <https://telega.ph/Myurrej-Bukchin-Budushchaya-revolyuciya-Narodnye-assamblei-i-perspektiva-pryamoj-demokratii--otryvok-iz-ehsse-Libertarnyj-munici-12-05>

таким образом предоставив возможность взять на себя гораздо больше личной ответственности» (Ладлоу, 2005).

Еще один видный деятель криптоанархизма, отстаивающий идею виртуального «мира без границ», Джон Перри Барлоу в своей «Декларации о независимости киберпространства», провозглашал суверенность киберпространства, являющегося сферой подлинной свободы, противостоящей тирании правительств, которые навязывают свою власть, не считаясь с волей людей. Обращаясь к правительственным кругам, он заявлял: «Мы должны объявить свою виртуальную независимость от вашей власти... Мы распространим себя сквозь Планету так, чтобы никто не мог останавливать наши мысли. Мы создадим цивилизацию Мысли в Киберпространстве. Может быть, она будет более гуманной и честной, нежели то, что все ваши правительства создавали прежде»⁷.

Появление данной Декларации вызвало оживленную дискуссию, в ходе которой был поставлен вопрос о реалистичности подобного рода выступлений, при этом подвергся критике и сам термин «криптоанархия», впервые введенный в оборот Тимоти Мэйем⁸.

По вопросу о существовании границ в условиях складывания так называемой «цифровой экономики» современные исследователи киберпространства обращают внимание на возможность возникновения внутри данного пространства независимой юрисдикции. К примеру, что делать, если разногласия возникнут между деловыми партнерами, живущими по соседству в киберпространстве, но физически находящимися за тысячи километров друг от друга – в странах с разными судебными системами? (Ладлоу, 2005). Следует ли ожидать в данном случае появления трансграничной, экстерриториальной «онлайн-юрисдикции» или идеи такого рода являются современными утопиями? В этой связи П. Ладлоу писал: «Глобальные компьютерные коммуникации пересекают территориальные границы, создавая новую область человеческой деятельности... В то время как электронные коммуникации сеют хаос среди географических границ, на свет появляется новая граница – созданная из заслонов и паролей, отделяющих мир виртуальный от “реального мира”, из атомов. Эта новая граница определяет обособленное киберпространство, которое нуждается в своем собственном праве и правовых институтах и может их создать» (Ладлоу, 2005). Иначе говоря, согласно Ладлоу, мир киберпространства развивается одновременно как в сторону увеличения коммуникационных свобод, так и в направлении формирования системы внутреннего киберконтроля за собственными пространственными границами и способами функционирования виртуального контента.

⁷ Barlow, J. P. (1996, February 8). *A Declaration of the Independence of Cyberspace*. Retrieved November 20, 2023, from <https://www.eff.org/cyberspace-independence>

⁸ *The Crypto Anarchist Manifesto*. Retrieved October 21, 2023, from <https://activism.net/cypherpunk/crypto-anarchy.html>

Заклучение

Идея «мира без границ» своими историческими корнями уходит в фундаментальную общественную тенденцию капиталистического накопления, открытую еще в XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом. Современные процессы капиталистической интеграции, получившие название «глобализация», при ближайшем рассмотрении оказались продолжением все той же тенденции развития буржуазного общества, только уже на стадии своего трансграничного монополистического существования.

Как показало наше исследование, концепция «мира без границ» получила свое теоретическое обоснование в различных идеологических системах – в марксизме или коммунизме, в разных формах анархизма, в неолиберализме. В рамках данных идейных направлений возникли три концептуальных подхода к проектному решению проблемы «мир без границ», которые содержат различные по своему характеру теоретические обоснования:

1. *Марксистский коммунистический проект*: границы исчезнут («мир без границ») как следствие исчезновения («отмирания») государства в результате создания бесклассового коммунистического общества, а следовательно, исчезнет и необходимость в существовании различного рода государственных границах.

2. *Анархический проект*: границы исчезнут («мир без границ») в процессе борьбы общественных сил с государственными институтами, существующими как в капиталистических, так и в социалистических обществах. Место государственных, федеративных или конфедеративных границ могут занять общественно установленные муниципальные границы (либертарный муниципализм). Внутри киберпространства может быть создана система виртуального права, которая станет регулировать коммуникационные потоки и их контент (криптоанархизм).

3. *Неолиберальный проект*: границы, как и суверенные государства, исчезнут («мир без границ») вследствие бурного развития процессов глобализации, т. е. разрастания мировых интеграционных связей, движущей силой которых выступает финансовый капитал транснациональных корпораций.

Все три подхода в условиях современного кризиса монополярного мира и возникновения предпосылок для создания полицентричной мировой системы стали подвергаться серьезным теоретико-практическим трансформациям. Коммунистическая модель будущего бесклассового общества, где перестанут существовать государственные границы, постепенно перестала трактоваться как продукт мифологического мышления и невыполнимая мечта марксистских идеологов. В ней начали усматривать определенные черты реализма, связанные с постановкой задач преодоления капиталистического отчуждения и идеей поддержки интернационализации труда в условиях нарастания глобальных процессов капиталистической транснационализации. Дискурс анархизма, не смотря на свое широкое публичное распространение, столкнулся с активным противодействием со стороны разнообразных

государственных структур, обладающих мощным арсеналом средств контроля за общественными движениями и явлениями виртуальной реальности, что не могло не привести к появлению идейных ответвлений внутри анархистского движения, признающих важность установления негосударственного контроля за рядом границ.

Что касается неолиберализма, то после некоей эйфории от временных успехов процесса глобализации многие его представители были вынуждены сделать вывод о том, что такой политический институт, как национальное государство, далеко себя не изжил, и следовательно, существует необходимость не только в сохранении национально-государственных и иных границ, но и в зримом их упрочении и защите, в том числе даже в формах «стеностроительства».

В итоге обозначенные нами три концептуальных подхода, выдвигающих идею «мира без границ», с течением времени не могли не претерпеть определенных трансформаций в сфере собственной теоретико-методологической и практической базы и не подчиниться общей логике развития международных процессов, связанных с наступлением эпохи многополярного мира.

Список литературы

1. Амин, С. (2007). *Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира*. Москва: Европа.
2. Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер.
3. Ежуков, Е. (2008). Становление концепции защиты и охраны границ советского государства. *Власть*, (12), 104–107.
4. Каллиникос, А. (2005). *Антикапиталистический манифест*. Москва: Праксис.
5. Кляйн, Н. (2009). *Доктрина шока*. Москва: Добрая книга.
6. Ладлоу, П. (Ред.) (2005). *Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии*. Москва: Ультра. Культура. Взято 21 ноября 2023, с <https://www.koob.ru>.
7. Ленин, В. И. (1969). Государство и революция. В В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений* (5-е изд. Т. 33, с. 1–120). Москва: Политиздат.
8. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (2-е изд. Т. 4, с. 419–459). Москва: Госполитиздат.
9. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2017). Уроки лимологии и геополитическая стереометрия. *Социум и власть*, 1(63), 50–56.
10. Урри, Дж. (2012а). *Социология за пределами общества: виды мобильности для XXI столетия*. Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики.
11. Урри, Дж. (2012б). *Мобильности*. Москва: Праксис.
12. Хабермас, Ю. (2008). *Расколотый Запад*. Москва: Весь Мир.
13. Хомский, Н. (2012). *Государство будущего*. Москва: Альпина нон-фикшн.

14. Цветков, А. (Сост.) (2003). *Антология современного анархизма и левого радикализма* (В 2 т. Т. 1). Москва: Ультра. Культура.
15. Цветкова, О. В. (2015). Политическая лимология: концепт границы. *Регионология*, (3), 5–13.
16. Энгельс, Ф. (1964). Письма Ф. Энгельса к разным лицам. Филиппу Ван-Паттену в Нью Йорк, (Лондон, 18 апреля 1883 г.). В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения* (2-е изд. Т. 36, с. 9–10). Москва: Политиздат.
17. Balibar, E. (2009). Europe as Borderland. *Environment and Planning... Society and Space*, 27(2), 190–215. <https://doi.org/10.1068/d13008>.
18. Cresswell, T. (2006). *On The Move. Mobility in the modern Western World*. New York, NY: Rutledge.
19. Haralambos, M., & Holborn, M. (2013). Sociology Themes and Perspectives. Kenichi Ohmae, The Borderless World – Neoliberal Radical Globalism. In *Sociological Theory* (8th ed. Ch. 15, pp. 1008–1009). Harper Collins Publishers Limited.
20. Liam, O'D. (2010). From a “borderless world” to a “world of borders”: “bringing history back in”. *Environment and Planning D: Society and Space*, 28, 1031–1050. <https://doi.org/10.1068/d2009>
21. Newman, D. (2006). The lines that continue to separate us: borders in our “borderless” world. *Progress in Human Geography*, 30(2), 143–161. <https://doi.org/10.1191/0309132506ph599xx>
22. Ohmae, K. (1990). *The Borderless World. Power and Strategy in the Interlinked Economy*. New York, NJ: Harper Business.
23. Wilson, Th. M., & Hastings, D. (Eds.) (2012). *A Companion to Border Studies*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118255223.ch32>

References

1. Amin, S. (2007). *Virus liberalizma: permanentnaya voyna i amerikanizatsiya mira* [The virus of liberalism: Permanent war and the Americanization of the world]. Moscow: Evropa.
2. Balibar, E. (2009). Europe as Borderland. *Environment and Planning... Society and Space*, 27(2), 190–215. <https://doi.org/10.1068/d13008>
3. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. St. Petersburg: Piter.
4. Callinicos, A. (2005). *Antikapitalisticheskiy manifest* [The Anti-Capitalist Manifesto]. Moscow: Praxis.
5. Chomsky, N. (2012). *Gosudarstvo budushchego* [The State of the future]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
6. Cresswell, T. (2006). *On The Move. Mobility in the modern Western World*. New York, NY: Rutledge.
7. Engels, F. (1964). Pis'ma F. Engel'sa k raznym litsam. Filippu Van-Pattenu v N'yu York, (London, 18 aprelya 1883 g.) [Letters from F. Engels to different persons.

To Philip Van Patten to New York, 1883]. In K. Marks, & F. Engels. *Sochineniya* (2nd ed. Vol. 36, pp. 9–10). Moscow: Politizdat.

8. Ezhukov, E. (2008). *Stanovlenie kontseptsii zashchity i okhrany granits sovetskogo gosudarstva* [The formation of the concept of protection and protection of the borders of the Soviet state]. *Vlast'*, (12), 104–107.

9. Habermas, J. (2008). *Raskolotyj Zapad* [The Divided West]. Moscow: Ves' Mir.

10. Haralambos, M., & Holborn, M. (2013). *Sociology Themes and Perspectives*. Kenichi Ohmae, The Borderless World – Neoliberal Radical Globalism. In *Sociological Theory* (8th ed. Ch. 15, pp. 1008–1009). Harper Collins Publishers Limited.

11. Klein, N. (2009). *Doktrina shoka* [The Doctrine of Shock]. Moscow: Dobraya kniga.

12. Lenin, V.I. (1969). *Gosudarstvo i revolyutsiya* [The State and the Revolution]. In V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochineniy* (5th ed. Vol. 33, pp. 1–120). Moscow: Politizdat.

13. Liam, O'D. (2010). From a “borderless world” to a “world of borders”: “bringing history back in”. *Environment and Planning D: Society and Space*, 28, 1031–1050. <https://doi.org/10.1068/d2009>

14. Ludlow, P. (Ed.) (2005). *Kriptoanarkhiya, kibergosudarstva i piratskie utopii* [Crypto anarchy, cyberstates and pirate utopias]. Moscow: Ul'tra. Kul'tura. Retrieved November 21, 2023, from <https://www.koob.ru>.

15. Marx, K., & Engels, F. (1955). *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. In K. Marks, & F. Engel's, *Sochineniya* (2nd ed. Vol. 4, pp. 419–459). Moscow: Gospolitizdat.

16. Newman, D. (2006). The lines that continue to separate us: borders in our “borderless” world. *Progress in Human Geography*, 30(2), 143–161. <https://doi.org/10.1191/0309132506ph599xx>

17. Ohmae, K. (1990). *The Borderless World. Power and Strategy in the Interlinked Economy*. New York, NJ: Harper Business.

18. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2017). *Uroki limologii i geopoliticheskaya stereometriya* [Lessons of limology and geopolitical stereometry]. *Sotsium i vlast'*, 1(63), 50–56.

19. Tsvetkov, A. (Comp.) (2003). *Antologiya sovremennogo anarkhizma i levogo radikalizma (V 2 t. T. 1)* [An anthology of modern anarchism and left-wing radicalism (Vol. 1)]. Moscow: Ul'tra. Kul'tura.

20. Tsvetkova, O. V. (2015). *Politicheskaya limologiya: kontsept granitsy* [Political Limology: The Concept of Border]. *Regionologiya*, (3), 5–13.

21. Urry, J. (2012). *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praksis.

22. Urry, J. (2012). *Sotsiologiya za predelami obshchestva: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond Society: Types of Mobility for the 21st Century]. Moscow: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki.

23. Wilson, Th. M., & Hastings, D. (Eds.) (2012). *A Companion to Border Studies*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118255223.ch32>

Информация об авторах

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Василий Матвеевич Русаков, доктор философских наук, профессор, заместитель по науке генерального директора Издательского Дома «Дискурс-Пи», Екатеринбург, Россия, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6453-662X>, e-mail: dragonera768@gmail.com

Information about the authors

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Vasiliy Matveevich Rusakov, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director General for Science of the Publishing House Discourse-Pi, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6453-662X>, e-mail: dragonera768@gmail.com

РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ

Сергей Владимирович Володенков,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Получена 05.10.2023.

Поступила после рецензирования 12.01.2024.

Принята к публикации 28.02.2024.

Для цитирования: Володенков С. В., Федорченко С. Н. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 24–48. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_24

© Володенков С. В., Федорченко С. Н., 2024

Аннотация

Целью данной статьи является выявление современных значимых научных проблем, связанных с рисками применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере. Актуальность работы определяется текущими технологическими трендами, приводящими к метаморфозам в обществе и государстве и характеризующимися внедрением приемов предиктивной аналитики, рейтингования, пострасовой логики, различных режимов темпоральности и рекурсивности социальных процессов. При этом последствия и системные эффекты от внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в актуальную социально-политическую практику различных стран еще недостаточно глубоко изучены. Основной методологической оптикой был выбран критический дискурс-анализ академических исследований. Также в работе использовались принципы сравнительного анализа значимых для общества и государства явлений. Вклад работы видится в теоретическом обобщении существующих исследований по выбранной теме. Проведенный анализ позволил выделить несколько ключевых проблем, обозначенных в современном научном дискурсе и связанных с внедрением алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политическую сферу, – алгоритмизацию власти, непрозрачность нейросетевых алгоритмов, потенциал манипуляции массовым сознанием и алгоритмическую дискриминацию. На основе анализа академических исследований в статье сформулированы потенциальные сценарии внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в актуальную социально-политическую практику. По итогам проведенного исследования делается ключевой вывод о том, что наибольшую значимость в социально-политическом пространстве имеет проблематика, связанная с алгоритмизацией власти на основе применения технологий искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов. Происходящее перераспределение власти в сфере политического управления не просто обусловлено распространением алгоритмических практик, но также связано с возрастающей ролью цифровых технологических корпораций, претендующих на собственную политическую субъектность. Наиболее критичным сценарием авторам работы видится зарождение «алгоритмически замкнутого круга» и формирование широкого спектра связанных с таким алгоритмическим кругом эффектов непрозрачности, манипуляции и дискриминации в социально-политической сфере.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, социально-политические риски, алгоритмическая дискриминация, непрозрачность алгоритмов, манипуляции массовым сознанием, алгоритмизация власти

Источники финансирования:

исследование выполнено в рамках проекта «FZNF-2023-0011 – Искусственный интеллект и нейросетевые технологии как инструмент современных социально-

политических коммуникаций: риски, угрозы и вызовы» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

UDC 32.019.5

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_24

RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS IN THE SOCIO-POLITICAL SPHERE: A REVIEW OF CONTEMPORARY SCIENTIFIC WORKS

Sergey V. Volodenkov,

State Academic University of Humanities,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko,

State Academic University of Humanities,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Received 05.10.2023.

Revised 12.01.2024.

Accepted 28.02.2024.

For citation: Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2024). Risks of Using Artificial Intelligence Algorithms in the Socio-Political Sphere: a Review of Contemporary Scientific Works. *Discourse-P*, 21(2), 24–48. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_24

Abstract

This article identifies contemporary significant scientific problems related to the risks of using artificial intelligence algorithms in the socio-political sphere. The relevance of this work is determined by current technological trends, leading to metamorphoses in society and the state, and characterized by the introduction of predictive analytics techniques, ratings, post-racial logic, various modes of temporality, and the recursiveness of social processes. At the same time, the consequences, and systemic effects of the introduction of artificial intelligence algorithms into the current socio-political practice of various countries have not yet been sufficiently studied. Critical discourse analysis of academic research was chosen as the main methodological lens. This study also used the principles

of comparative analysis of phenomena significant for society and the state. The contribution of this work is seen in the theoretical generalization of existing research on the chosen topic. The analysis made it possible to identify several key problems identified in contemporary scientific discourse and associated with the implementation of artificial intelligence algorithms in the socio-political sphere – algorithmization of power, opacity of neural network algorithms, potential for manipulation of mass consciousness, and algorithmic discrimination. Based on an analysis of academic research, this study describes potential scenarios for the introduction of artificial intelligence algorithms into current socio-political practice. Based on the results of the study, a key conclusion is drawn that the greatest significance in the socio-political space is related to the algorithmization of power based on the use of artificial intelligence technologies and neural network algorithms. The ongoing redistribution of power in the sphere of political governance is not simply due to the spread of algorithmic practices but is also associated with the growing role of digital technology corporations claiming their own political subjectivity. The authors of this study see the most critical scenario as the emergence of an “algorithmically closed circle” and the formation of various opacity, manipulation, and discrimination effects associated with such an algorithmic circle in the socio-political sphere.

Keywords:

artificial intelligence, socio-political risks, algorithmic discrimination, opacity of algorithms, manipulation of mass consciousness, algorithmization of power

Funding:

the study was carried out within the framework of the project “FZNF-2023-0011 – Artificial intelligence and neural network technologies as a tool for contemporary socio-political communications: risks, threats and challenges” with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Введение

Возникновение и развитие искусственных интеллектуальных систем заставляет современное политологическое сообщество всерьез задуматься о новых рисках, вызовах, актуальных проблемных полях, влияющих на изменения в важной для человека, общества и государства социально-политической сфере. Комплекс вопросов, рассматриваемых в связи с этим в политической науке, весьма разнообразен и произведен от воздействия технологической среды на традиционные социальные институты и отношения. Нельзя исключать, что растущий запрос на формирование адаптирующейся к технологическим вызовам гибкой научной картины мира, учитывающей междисциплинарный уровень знания, может стать важнейшей интегральной задачей и связующей

функцией политической науки. Такая полноценная картина мира будет отражать не только постоянно обновляемые достижения технических, естественных наук, но и социальных, гуманитарных наук, обладая объяснительным и прогностическим инструментарием.

Большинство научных исследований, затрагивающих поднимаемый нами вопрос, эмпирически опираются на реальную обеспокоенность людей из-за алгоритмизации традиционной системы социальных отношений. Ученые уже фиксируют разные группы таких людей (Kieslich et al., 2022): «human in the loop» (не доверяют искусственному интеллекту, лучше остальных осведомлены о его рисках, против автономии машин, менее образованы), «ethically concerned» (представители данной группы относятся к молодежи, требовательны к высоким этическим стандартам техники, хорошо образованы, имеют доверие и интерес к искусственному интеллекту, характеризуются низким восприятием рисков из-за него), «safety concerned» (среднего возраста, интересуются искусственным интеллектом, в оценках о его рисках расположены между двумя предыдущими группами, обеспокоены безопасностью), «fairness concerned» (представители молодежи, обеспокоены проблемами справедливости, менее всех склонны видеть в искусственном интеллекте риски, больше всех им интересуются), «indifferent» (меньше всех групп интересуются вопросами искусственного интеллекта).

Не касаясь футурологических тем сингулярности, «сверхума», трансгуманизма, «войны машин против человечества» и чрезвычайно отдаленного будущего, в данной работе основной акцент сделан на задаче выявления современных значимых научных проблем, связанных с рисками применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере. Актуальность настоящей работы и ее основной вклад видятся в теоретическом обобщении исследований по теме, в обозначении, с одной стороны, базовых технологических новаций, влияющих на структуру современного общества, и, с другой стороны, обнаружении самых значимых последствий таких новаций в социальной сфере и политике.

Чтобы определить степень академической полемики по выбранному вопросу, достаточно обратить внимание на противоречивые оценки, касающиеся базовой терминологии. Ведь рабочий понятийный аппарат – это связующий компонент любой объяснительной модели, теории или сценарного прогноза. Например, исследователи стараются отличать «управление с помощью ИИ» (governance by AI) от «управления ИИ» (governance of AI). Если «управление с помощью ИИ» включает механизмы, технологии автоматизированного принятия решений, используемых органами государственной власти, то «управление ИИ» отсылает к тем политическим структурам и практикам (Erman, Furendal, 2022), которые занимаются регулированием, направлением и внедрением разработок технологий искусственного интеллекта (например, Европейская комиссия). Несмотря на сохраняющееся терминологическое разнообразие, во многих научных работах стали общеупотребимыми такие понятия, как алгоритмы, нейросети, машинное обучение. Тогда как среди понятий, описывающих социально-политические эффекты внедрения искусственного интеллекта, усто-

являющимися являются дискриминация, непрозрачность, «черный ящик» и близкие им по смыслу. Эти тенденции были учтены в настоящей работе.

В качестве основной методологической оптики работы был выбран критический дискурс-анализ научных проблем академических исследований, касающихся темы рисков применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере. Поэтому критериями выбора материала исследования стали аспекты дискриминации, неравенства, новых практик доминирования, подчинения в условиях внедрения алгоритмов нейронных сетей и интеллектуальных автоматизированных систем. Наиболее важные предположения, выводы, гипотезы, модели разных ученых по этому поводу были условно сгруппированы по нескольким проблемным направлениям: «алгоритмизация власти», «непрозрачность», «манипуляции», «дискриминация». Рассмотрение таких проблем исходило из их соотношения со значимыми для общества и государства явлениями, к которым можно применять принципы сравнительного анализа. При этом сразу важно уточнить, что данные риски во многом тесно взаимосвязаны между собой.

Краткий обзор научной литературы

Следует подчеркнуть, что исследователи выявляют самые разные проблемные поля, научные проблемы и аспекты, посвященные рискам внедрения цифровых технологий, Интернета вещей, искусственного интеллекта в социально-политическую жизнь. Имеются научные труды, в которых анализируются не отдаленные риски, а те социальные проблемы цифрового общества, которые уже наметились, хотя и не играют фундаментальной роли в настоящее время, но могут обостриться из-за внедрения алгоритмов.

Например, социотехническая реальность может изучаться как новый этап развития современной реальности, где «социальное» уже нельзя отделить от «технического». Г. Ловинк в связи с этим в своих трудах предположил, что активность такой социальной группы, как программисты, привела к тому, что социальное стало обуславливаться программами, техническими системами и больше проявляться в сетевом формате (Ловинк, 2019, с. 25–39). Но социотехническая реальность может рассматриваться и в рамках концепции фиджитал-мира, допускающей тесное переплетение физических (physical) и цифровых (digital) пространств. Такой фиджитал-мир ориентирован на конструирование взаимосвязи между брендом и потребителем корпорации, а его создание сопровождается внедрением приемов сбора и анализа данных пользователей (Švec, Madleňák, 2017).

Важно заметить, что современные исследователи часто не разделяют четко угрозы возникновения новых практик управления массовым сознанием (Ulbricht, 2020) и риски нарушения конфиденциальности информации, сбора данных о гражданской активности, формирования социума круглосуточной тотальной слежки. Встречаются интересные попытки реконцептуализации уже существующей модели новой алгоритмической идентичности Дж. Чейни-Липпольда (идентичности, формируемой с помощью вмешательства алгоритмов в социальную

жизнь (Cheney-Lippold, 2011)) и концепции алгоритмического чрезвычайного положения Д. Маккуиллана (переосмысления теории чрезвычайного положения в цифровых условиях (McQuillan, 2015)). В них внедрение алгоритмов рассматривается как вызов сложившемуся механизму государственных субъектов власти (Kubler, 2017). Но воздействие данных интеллектуальных систем классифицируется как неоднозначное: в одних случаях это мягкие приемы биополитики, а в других – более жесткие варианты государственного принуждения.

Исследовательский интерес представляет и модель концентрации цифровой власти П. Немитца, который усматривает в качестве источника данной формы власти усиление социально-политической роли крупных цифровых корпораций. По Немитцу, новые риски обусловлены доминированием таких корпораций в сфере инвестиций в разработку искусственного интеллекта, их потенциалом влияния на политику и общество (Nemitz, 2018). Критически переосмысливает концепцию концентрации цифровой власти Д. С. Жуков, предложивший дефиницию «политический искусственный интеллект», под которым он понимает интеллектуальные приложения в политической сфере (Жуков, 2020). Жуков, в отличие от Немитца, видит риски в игнорировании проблемы «политического искусственного интеллекта».

Ряд авторов в качестве проблемного поля затрагивают риски некачественных результатов алгоритмических систем, грубого вторжения в частную жизнь человека, нарушения автономии личности, разрушения существующих социальных связей (Талапина, 2021). Обсуждаются риски ошибок алгоритмов, риски военного плана, десоверенизации страны (Романова, 2021), а также риски дегуманизации самого права (Овчинников, 2020).

Безусловно, такой краткий обзор не позволяет охватить все тренды или пробелы в исследовательской литературе. Между тем, важно сконцентрироваться на тех научных проблемах и аспектах, которые отражают наиболее существенные риски внедрения алгоритмов искусственного интеллекта для общества и государства. Далее будут представлены полученные результаты анализа в соответствии с выявленными проблемами в научной литературе.

Алгоритмизация власти

В выявленной проблеме алгоритмизации власти (проникновения в практику функционирования органов власти алгоритмов, алгоритмизированных систем) основные смысловые конструкции относятся к степени рисков изменения власти из-за распространения алгоритмов искусственного интеллекта. Обозначенную научную проблему, тесно связанную со значимыми метаморфозами власти, можно условно свести к двум основным позициям. С одной стороны, некоторые авторы полагают, что алгоритмизация, алгоритмическое управление, нейронные сети в политике – это отражение чрезвычайно важной интеграции интеллектуальных систем в традиционные системы власти, не меняющей их кардинально, но все же адаптирующей к цифровизации социально-политической сферы. С другой стороны, ряд авторов считают, что алгоритмизация власти означает

принципиально новый феномен, не имеющий аналогов до эпохи цифровых трансформаций. Например, появились работы, в которых в качестве результата алгоритмизации власти исследуется аллократия – особая разновидность власти, основанная на алгоритмах, распространении программных кодов, и, как минимум, меняющая существующий рынок труда (Aneesh, 2006). Несмотря на неоднозначность, дискуссионность категории аллократия и встречающиеся параллели с уже изучаемыми феноменами механизации и автоматизации в научной литературе, новизна такого явления видится в факторе машинного обучения, самообучающихся алгоритмических систем, принципиально отличающихся от прежних информационных систем (Фурс, 2022).

Что говорят зарубежные и отечественные политологи об известной природе традиционной власти? С. Льюкс предложил довольно простую формулу, согласно которой *A* осуществляет власть над *B*, так как *A* воздействует на сторону *B* способом, противоречащим интересам последней (Льюкс, 2010, с. 49). Тогда как А. Ф. Филиппов предлагает считать властью «асимметричное стабильное социальное отношение, наблюдаемое как перепад возможностей и шансов эффективных преднамеренных действий его участников» (Филиппов, 2019, с. 141). Филиппов отмечает, что современные трактовки власти могут касаться ее критически, рассматривать ее как универсальное социальное отношение либо специфическое средство, понимать ее как индивидуальное отношение или характеристику отношений групп, раскрывать ее как эффект либо возможность ее достижения (Филиппов, 2019, с. 151–153). В. Г. Ледаев понимает под властью способность субъекта обеспечивать в соответствии со своими намерениями подчинение объекта (Ледаев, 2001, с. 268). На первый взгляд, алгоритмы как раз и представляют собой лишь новые способы в обеспечении власти, не меняя ее принципиально. Между тем, серьезные изменения все же происходят. Так, на сегодняшний день уже встречаются работы о становлении алгоритмически обусловленного рекурсивного общества, в котором действия основаны на предыдущих действиях, циркуляции данных, обработанных алгоритмическими процессами сортировки (Beer, 2022). Рекурсивное общество характеризуется не изолированными циклами, а свертыванием извлекаемых и возвращающихся в нашу социально-политическую жизнь данных (*data coiling*), трансформирующих отдельные петли обратной связи в закрепленные образы практик и поведения. При таком развитии у владельцев алгоритмических систем возникают большие соблазны по закреплению своего доминирования на рынке или в политике.

Первоначально ставка правительств на алгоритмическое управление аргументировалась необходимостью совершенствования самой власти, лучшего понимания проблем общества. Отсюда во властных структурах стали популярными концепции «радар общества» (*society's radar*), «доставки» обществу результатов (*delivery*). Если концепция «радар общества», продвигаемая премьер-министром Канады П. Трюдо во второй половине прошлого века, была сосредоточена на превращении федеральной власти в активный планирующий орган посредством получения правильной информации (идея возникла не без влияния М. Маклюэна), то, согласно подходу «доставки», в Канаде стали рассматривать государственную

службу наподобие брокера данных, как дискретную систему, где политический и управленческий контроль мог осуществляться путем передачи на аутсорсинг технологическим корпорациям правительственных функций сбора, обработки информации, количественной оценки социальной жизни с помощью искусственного интеллекта. Однако такая модель рационального правительства вызывает критику из-за чинимых ею препятствий распространению публичной информации (Lepage-Richer, McKelvey, 2022). Машинное обучение способно внести в политическое управление новый метауровень формирования правил, так как алгоритмы могут автоматически корректироваться и подстраиваться под текущую ситуацию для повышения точности по причине получения новых данных (Plantinga, 2022).

Алгоритмическое управление как признак новой социотехнической реальности, где социальные отношения попадают в прямую зависимость от технологической среды, меняет саму темпоральность, формируя непрерывное взаимодействие людей и алгоритмов, опосредующих их активность (при этом нельзя исключать формирования отличающихся режимов темпоральности для разных социальных категорий – более быстрого темпа времени для большинства населения и более размеренного образа жизни для представителей элиты, обладающих абсолютным правом на цифровой детокс). Так, цифровые платформы, использующие различные виды рейтингования, репутационного контроля, наблюдения, автоматизации, сокрытия информации, усиливают власть менеджеров над работниками. К примеру, алгоритмы способны увеличить темп рабочего процесса (посредством оповещающих портативных устройств), создавая риски повышения стресса, травмирования среди работников. Кроме того, автоматизация уменьшает власть менеджеров среднего звена в пользу самих алгоритмов (Jarrahi et al., 2021). Научные труды других авторов доказывают, что похожие процессы перераспределения власти происходят и в политической сфере. П. Плантинга на примере анализа алгоритмизации в африканских странах предположил, что алгоритмы искусственного интеллекта приведут к усилению централизации власти в африканских государствах, лишению полномочий у местных чиновников, одновременно увеличивая нагрузку на рядовых сотрудников и зависимость от зарубежных технических специалистов (Plantinga, 2022). В свою очередь, на примере исследования внедрения алгоритмизированных систем прогнозирования в немецкой полиции также получены выводы о централизации власти посредством аллократии, автоматизирующей и рационализирующей традиционную бюрократию в веберовском понимании (Lorenz et al., 2021). В США алгоритмизированная система COMPAS используется судебными властями с целью оценки потенциальных преступлений со стороны граждан (Borgesius, 2020). А. Аниш исследовал схожее явление на примере индийских программистов, проживающих в разных городах (Нойда, Гургаон (Индия) и Нью-Джерси (США)) и работающих в американской сфере программного обеспечения. Работа Аниша позволяет уточнить, что феномен аллократии в сочетании с фактором программного кода отражает рост влияния корпораций на социальные процессы (Aneesh, 2006).

Однако следует признать, что, несмотря на саму фиксацию социально-политических рисков от внедрения алгоритмов, эффекты от их внедрения в разных странах еще недостаточно изучены. В настоящее время имеется определенный пробел в понимании того, почему в одних странах алгоритмизация власти больше связана с усилением надзорных возможностей и полномочий центральных органов политической власти, а в других – с ростом влияния крупных корпораций и корпоративных органов власти. Тем не менее, ученые отмечают, что сегодня зарождается алгоритмический метакapитал – специфическая символическая власть, действующая посредством алгоритмов, устанавливающих новые правила видимости/невидимости, а также заметности, приоритетной видимости для людей, данных, знаний (Lundahl, 2022).

Непрозрачность нейросетевых алгоритмов

Проблема алгоритмической непрозрачности подразумевает рассмотрение нейронных сетей и интеллектуальных систем как некоего опасного «черного ящика», чья непредсказуемость и неоднозначность не дают полностью просчитать риски внедрения алгоритмов для человека, общества и государства.

Действительно, случаи эффектов непрозрачности уже обсуждаются учеными, а также экспертами в особых группах ООН. Например, до сих пор остается до конца неясным, действовал ли самостоятельно дрон при выслеживании и атаке боевиков в Ливии в марте 2021 г. (Reed, 2022). С этой точки зрения интересно обратить внимание на попытки анализа источника эффекта «черного ящика» – феномена рациональной безотчетности (*rationalized unaccountability*) как новой идеологии осуществления власти и контроля алгоритмическим способом, через программы интеллектуальных агентов (Vesa, Tienari, 2022). Эта идеология разветвляется на утопические темы (от трансгуманизма до сверхинтеллекта), оправдывая дисциплинарные практики как самоочевидные, рассматривая интеллектуальных агентов как совершенных рациональных агентов и отвергая любую критику как иррациональную, старомодную, романтическую. М. Весса и Я. Тиенари из Школы экономики Ханкен считают, что такая идеология – замаскированный вариант «патрицианского популизма», который формируется элитой для сохранения своей власти и борьбы с набирающим силу «плебейским популизмом» (Vesa, Tienari, 2022).

Непрозрачность нейросетевых алгоритмов уже начала приводить к драматическим последствиям: в 2018 г. в Китае система распознавания правонарушений оштрафовала Д. Минчжу, ошибочно приняв ее изображение в рекламе за пешехода, в том же году в США беспилотная машина Uber сбила велосипедистку, не распознав в ней пешехода, в 2020 г. в России система распознавания лиц в магазине «Ашан» ошибочно приняла покупателя за преступника (охранники передали человека полицейским, которых в незаконности задержания смог переубедить только адвокат). Подобные риски усугубляются тем фактом, что люди часто доверяют готовым решениям от нейросетей. Эксперименты, проводившиеся в полицейских управлениях Йокогамы и Ванкувера, свидетельствуют,

что ответственные лица, вовлеченные в механизм принятия решений с использованием искусственного интеллекта, соглашались с предлагаемыми системой решениями в 98 % случаях (Миронова, 2021).

В некоторых работах эффект «черного ящика» сравнивают с алхимией: если раньше алхимики обещали превратить свинец в золото, то современные предприниматели точно также обещают благодаря алгоритмам искусственного интеллекта достичь впечатляющих результатов и прогнозов, хотя механика интеллектуальных систем может наподобие алхимической лаборатории по-прежнему оставаться непроницаемой для взглядов непосвященных. Например, в одной из работ изучается кейс оборонной корпорации Anduril, основанной сторонником Д. Трампа, американским бизнесменом П. Лаки в 2017 г. Anduril позволяет создавать целые «виртуальные стены» на государственной границе, состоящие из наблюдательных дронов, сторожевых вышек, обрабатывающих их данные интеллектуальных систем, а также системы предупреждения пограничников. Другой стартап Brinc рекламировал дроны, способные допрашивать и наносить электрошоки мигрантам на границе Мексики и США (Milivojevic, 2022). По сути, такие эксперименты частных компаний снижают ответственность государств за гибель человека на границе на фоне абсолютного отсутствия общественного контроля. Непрозрачность становится идеологией, прикрывающейся коммерческой тайной и сложным экспертным дискурсом.

Д. Маккуиллан из Лондонского университета подчеркивает, что в большинстве случаев, кроме наиболее простых, почти нереально понять, как именно алгоритмы машинного обучения при всей сложности выведенной для сопоставления выходных и входных данных функции и огромном объеме используемых переменных обрабатывают данные. При этом непрозрачность накладывается на отмеченную выше рекурсивность – алгоритмы связывают прогноз с прошлыми наблюдениями, подменяя корреляцией выявление причинно-следственных связей. Из-за эффекта рекурсии машинные процессы основываются сами на себе (McQuillan, 2016), усиливая способность к определению образов, явлений (инцепционизм), но не исключают проблему необратимости и ошибок, находя закономерности там, где их нет. Маккуиллан называет этот эффект «алгоритмической паранойей». При этом следует отметить, что в настоящее время также встречаются критические оценки рисков от «черного ящика», больше понимающие алгоритмы как элемент коллективных человеческих практик, институтов. Другими словами, по мнению ученых, не только алгоритмы могут влиять, например, на культуру, но и культура воздействует на алгоритмы (Seaver, 2017).

Манипуляции массовым сознанием

Риски, относящиеся к потенциальным негативным социально-политическим эффектам из-за воздействия алгоритмов на массовое сознание, можно в целом отнести к проблеме манипуляции. Такие риски, по сути, могут расцениваться как последствия цифровых метаморфоз власти и ее сохраняющей-

ся непрозрачности, поэтому данная область также связана с соответствующими исследовательскими аспектами. Как правило, манипуляции массовым сознанием становятся инструментом для различного рода дискриминации.

У современных специалистов определенные опасения вызывает алгоритмическое конструирование информационной среды, основанное на предпочтениях людей, а также их прогнозируемых поведенческих реакциях. Манипулятивные риски усиливаются тем фактом, что искусственный интеллект перенастраивает привычные способы доступа общества к политической информации и новостям. Корпоративные техногиганты наподобие Google и Microsoft, проводя эксперименты с большими языковыми моделями (LLM) для генерации автоматически формируемого контента по запросу пользователей, снижают возможности монетизации для средних и малых корпораций (Jungherr, 2023). Такой процесс может привести к ограниченному, одностороннему освещению политических событий, уменьшению количества новостных агентств. Одновременно возрастают риски того, что при развитии капитализма платформ и сетевых эффектов, описанных Н. Срничеком, цифровые платформы станут распространять тот контент, который повышает вовлеченность пользователей в социальные сети, и ликвидировать контент, препятствующий достижению этой цели (Elkin-Koren, 2020). Тем самым негативные сетевые эффекты потенциально могут угрожать конфиденциальности, свободе слова и политическому плюрализму (регулярный мониторинг пользовательского контента осуществляют проекты Amazon Project Zero, Content ID YouTube и др.).

Некоторые исследования показывают, что манипуляции могут снизить доверие к политическому лидеру с помощью негативно подающих его дипфейков (технологий искусственного интеллекта, синтезирующих реалистичные фото-, аудио- и видеоматериалы, в том числе, для целенаправленного ввода в заблуждение). Помимо этого, дипфейки могут исказить дебаты, снижать доверие к новостному контенту в социальных сетях, переводя микротаргетированную политическую пропаганду для задач манипулятора на более совершенный уровень (Ó Fathaigh et al., 2021). Справедливости ради стоит отметить наличие научных работ, критически оценивающих потенциалы дипфейков в процессах политической манипуляции и определяющих пределы генерации фальшивой реальности, но даже в них подтверждается способность дезинформации влиять на оценку политиков среди пользователей (Hameleers et al., 2022).

Распространению дипфейков поспособствовали удобные и легкодоступные инструменты наподобие FaceApp и DeepFaceLab. В Китае, где дипфейки получили название «хуанлянь», эту роль сыграло приложение ZAO от социальной сети Momo. На этом фоне авторы пишут о рисках преследования, нанесения вреда, потери прав на изображение из-за метрик (особенностей) алгоритмов (Seta, 2021). Манипуляции, вызванные дипфейками, могут помешать получить истинное понимание ситуации, если, к примеру, других свидетельств, кроме видео, аудио и фото, просто не существует. Эпистемические угрозы дипфейков возрастают и из-за того, что они снижают объем информации, которая может транслироваться зрителям (Fallis, 2021).

Недавний эксперимент, проведенный с алгоритмами Netflix, свидетельствует в пользу возможности конструирования информационных капсул в социально-политическом сегменте потребления контента. Активность трех стилистически разных пользовательских аккаунтов на платформе данного стримингового сервиса сериалов и фильмов («Культурный сноб», «Заядлый спортивный фанат» и «Безнадежный романтик») к концу эксперимента показала, что в отношении каждого из них произошла сильная персонализация предпочтений. Ввиду этого возникают опасения, что «алгоритмическое самоподтверждающееся эстетическое потребление» с петлями обратной связи еще больше усиливает имеющиеся у пользователя предпочтения, снижая его интерес к альтернативным культурным предложениям, гомогенизирует культуру телевидения и кино, а также создает риски влияния отдельных петель обратной связи пользователей платформ на формирование глобальных циклов, навязывающих рекомендации другим пользователям по всему миру (Pajkovic, 2022). Эти наблюдения подтверждают идею Ж. Эллюля об ортопраксии: эффективная пропаганда не просто убеждает человека в чем-то, но и вовлекает его в определенную систему действий, способствующих закреплению необходимой идеи. И в данном случае возникает важный вопрос: кто и для каких целей будет использовать подобные механизмы создания популярных информационных капсул?

Алгоритмическая дискриминация

Проблеме алгоритмической дискриминации посвящено много научных работ, выделяющих различные ее проявления по расовому, гендерному, политическому, социальному и другим признакам. Если касаться темы дискриминации цифровых прав, то в это направление можно включить приемы цифрового контроля и слежки за человеком. К проблемному контуру дискриминации также логично отнести риски замены искусственным интеллектом рабочих мест и целых профессий.

На рост рисков дискриминации со стороны алгоритмов повлияли военно-политические стратегии, например, американская стратегия глобальной войны с терроризмом (Global War on Terror, WoT), которая стала реализовываться США после терактов 11 сентября 2001 г. Стратегия WoT стимулировала инвестиции в корпорации, занимающиеся обеспечением безопасности. Одним из пионеров в этой сфере стала PredPol (затем переименованная в Geolitics), соучредитель которой профессор антропологии Дж. Брантингем сделал ставку на выявление наиболее подверженных рискам городских геолокаций. Брантингем перепрофилировал алгоритмы, ранее прогнозировавшие землетрясения, для обнаружения «горячих точек» города. Существует позиция, согласно которой запрос на алгоритмы безопасности приводит к рискам «пострасовой логики» – сохранения под риторикой расовой беспристрастности факта маркировки групп, вызывающих подозрение (например, мусульман), соотнесения с белой расой разных категорий населения. Под пострасовой логикой некоторые авторы подразумевают возобновление условий расового угнетения из-за внедрения практик

алгоритмического профилирования в рамках борьбы с терроризмом (Sharma, Nijjar, 2023). Пострасовая логика алгоритмов включает и принцип «цифровой красной линии», означающей отличающееся отношение тех же банков к клиентам разных рас (Jouce et al., 2021).

Авторы отмечают появившиеся случаи дискриминации афроамериканцев в США со стороны алгоритма, внедренного для распределения ресурсов в системе здравоохранения. В результате из-за алгоритмической оценки афроамериканцев стали гораздо реже отправлять на лечение, чем представителей белой расы, хотя они были одинаково больны (Bartlett, 2023). Внедрение прогнозной аналитики в полицию Лос-Анджелеса усилило неравенство, так как способствовало ужесточению слежки за считавшимися подозрительными горожанами и более пристальной оценке рисков со стороны цветных кварталов с низкими доходами (Jouce et al., 2021). Еще в 2015 г. возник расовый скандал из-за того, что Google Photos ошибочно соотносил фото афроамериканской пары с тегом «гориллы». Фиксировалась и дискриминация женщин со стороны программы проверки резюме корпорации Amazon, которая за основу для анализа использовала уже имевшиеся в базе резюме более успешных мужчин. Дискриминация может быть также связана со стереотипами, предвзятостями, ценностями сотрудников таких корпораций как Google, стремление которых к максимизации прибыли заставляет их отдавать предпочтение довольно специфическим системам поиска и ранжирования. Помимо этого, новые формы дискриминации могут возникать из-за неверных алгоритмических прогнозов или ранжирования. К примеру, услуги страховых кампаний могут стать для некоторых граждан недоступными, так как алгоритмические системы будут связывать низкий доход жителей конкретного района города с высокими рисками краж со взломом и повышать цены за страховку (Borgesius, 2020). Однако при этом Л. Рафанелли отмечает, что считать подобные случаи доказательством того, что происходит замена «власти человека» на «власть искусственного интеллекта», неверно, так как искусственный интеллект – лишь инструмент, благодаря которому людьми осуществляется власть (Rafanelli, 2022).

На фоне тотальной роботизации и построения «социумов роботов» также прогнозируются риски фундаментальных трансформаций социальной структуры – от трудовой деградации и социального расслоения до превращения среднего класса в прекариат с непостоянной занятостью (Лексин, 2021, с. 232–233). Вместе с тем встречаются работы, авторы которых сомневаются в стремительной замене искусственным интеллектом существующих профессий и эффектах тотальной социально-профессиональной дискриминации. По мнению таких авторов, ситуация намного сложнее, так как последовательная эволюция искусственного интеллекта (механического, аналитического, интуитивного и эмпатического) приводит к замене рабочих мест не на уровне должностей, а на уровне задач (Huang, Rust, 2018). Тем не менее, по итогам анализа научных источников в качестве одного из сценариев, связанных с внедрением алгоритмов искусственного интеллекта в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества, нам видится зарождение «алгоритмически замкнутого круга», характеризующегося

различными социально-политическими эффектами алгоритмизации власти, непрозрачности, манипуляции и дискриминации.

Сценарии внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в актуальную социально-политическую практику

Алгоритмизация власти видна в постепенном дополнении традиционных социальных отношений «человек – человек» интерфейсом «человек – AI» и практиками «AI – AI», что, в свою очередь, приводит к конвергенции традиционных и цифровых форм пропаганды. Какие могут быть сценарии рисков такой конвергенции для цифровой и ценностной составляющей общества, государства и его суверенитета? Полностью исключать сценарий сохранения традиционных форм информационно-коммуникационного социально-политического взаимодействия «человек – человек», конечно, нельзя (это может быть обусловлено уровнем экономики, цифровизации, степенью развития информационно-коммуникационных систем в конкретной стране). Как показывают исследования на примере США, Германии, африканских и других государств, алгоритмизация способна поддерживать архаизацию, централизацию власти, псевдоцифровизацию, зависимость страны от внешних специалистов или же усиливать власть крупных корпораций.

Наиболее сложно просчитываемый сценарий развития социально-политической сферы, власти и пропаганды – распространение процессов, зависящих от практик «AI – AI», когда резко усилятся эффекты «черного ящика», вызовы предвзятости. Сама власть может попасть в созданную ею же информационную капсулу. Алгоритмизация традиционных субъект-объектных отношений, по нашему мнению, становится наиболее опасной угрозой для человека, так как она имеет «сквозной», «зонтичный характер» и дает импульс для непрозрачности, манипуляции и дискриминации нового типа. Поэтому теории эхо-камер, пузырей фильтров, информационных капсул могут быть не только вариантами концептуализации описываемых явлений, но и интеллектуальными провокациями-попытками приоткрыть «черный ящик» непрозрачности алгоритмов.

Безусловно, существует целый корпус аргументов (подробный обзор соответствующих исследований провел А. Брунс, ссылающийся на З. Борхесиуса, Р. Гарретта, С. Майнека), критикующих феномен эхо-камер, лежащий в основе генерации информационных капсул. В работе Брунса приводятся разные аргументы (Брунс, 2023): обосновывается тезис о том, что влияние алгоритмов на людей излишне переоценено; пользователи по-прежнему могут выбирать источники для потребления информации; эхо-камеры и пузыри фильтров не могут быть полностью герметически закрытыми от внешнего информационного воздействия; самые активные идеологи не способны запираются в данных пузырях фильтров и эхо-камерах; представить соблюдение постоянной коммуникационной дисциплины из-за алгоритмов невозможно; в Интернете не может быть политической поляризации и т.п.

Однако можно выдвинуть и корпус контраргументов. Критика алгоритмических эффектов часто не учитывает регистрируемые процессы складывания социотехнической реальности (фиджитал-мира), пострасовой логики сокрытия новых типов дискриминации, появления алгоритмически обусловленного рекурсивного общества, в котором извлекаемые, обрабатываемые интеллектуальными системами цифровые следы людей возвращаются в нашу социально-политическую жизнь, трансформируя отдельные петли обратной связи в закрепленные образы социальных практик и политического поведения. Тем самым феномен ортопраксии обретает новое алгоритмическое воплощение. Дополнительным подтверждением этого являются сетевые эффекты цифровых платформ (Н. Срничек) и особенности капитализма слежения (Ш. Зубофф), формирующие благоприятные условия для информационных капсул в виде гиперперсонализации предпочтений (Срничек, 2020; Зубофф, 2022).

Кроме того, критика алгоритмизации не учитывает трансформацию роли гейткиперов сообществ (модераторов правил, цензоров дискурса), в качестве которых могут выступать уже не только традиционные лидеры общественного мнения, политики, влогеры, блогеры, но и сами техногиганты, вовлеченные в процессы государственно-корпоративной гибридизации, генерации отношений «человек – AI». В роли таких гейткиперов, по сути, выступают программисты и их заказчики-корпорации, которые способны задать искусственным интеллектуальным системам определенную систему ценностных предпочтений и базовых элементов мировоззрения (при этом принципиально ничто не мешает искусственным интеллектуальным системам взять на себя часть функций гейткиперов). Потенциально такие гейткиперы могут преследовать задачи пропаганды новых ценностей в обществе. Риски алгоритмической таргетированной пропаганды гейткиперов гипотетически могут предполагать дискриминацию через цифровую стигматизацию тех групп, которые поддерживают власть, и продвижение ценностей, политического месседжа тех групп, которые хотят эту власть свергнуть. Политические манипуляции, ориентированные на цифровую дискриминацию целых категорий населения, способны спровоцировать кризис общества и запустить процесс его распада, сопоставимый с крахом Советского Союза, чтобы привести к власти новую элиту.

Конвергенция же современной пропаганды может предполагать формирование так называемых цифровых кентавров – автономных социотехнических систем, состоящих из людей-специалистов экстра-класса и полностью адаптированных под них нейросетевые алгоритмы (сценарий развития интерфейса «человек – AI»). Данная конвергенция в своей основе подразумевает процесс сближения (лат. *convergo* – «сближаю»), объединения традиционных и цифровых технологий пропаганды, нацеленных на решение общих задач в физическом и виртуальном мирах. Фактически сегодня появляются гибридные формы пропагандисткой деятельности, включающие автоматизированные системы и их мониторинг, выполняемый оператором-человеком. «Цифровые кентавры» могут не только открывать позитивные перспективы для функционирования разных видов цифровой дипломатии, парламентаризма, политических партий

и государственных ведомств, но и предполагают новые риски возникновения частных военных корпораций, частных информационно-пропагандистских компаний нового типа (работающих в режиме 24/7), цифровых сект, неуловимых экстремистских и террористических сетевых групп, автономного кибероружия. На деле те же гейткиперы имеют все шансы стать такого рода «цифровыми кентаврами».

Угрозы для цифрового и ценностного суверенитета также могут провоцировать разные государства на конструирование независимых от транснациональных корпораций государственных цифровых экосистем, в рамках которых могут реализовываться процессы социально-политической коммуникации. Необходимо учитывать и контрглобализационные процессы, которые можно условно назвать «цифровым отгораживанием» друг от друга политических режимов, государств. Основной сутью таких процессов является то, что государства начинают связывать геополитическую деятельность технологически развитых держав с активностью лояльных им цифровых корпораций, запускающих петли обратной связи алгоритмически обусловленного рекурсивного общества для неоглобализации, проводимой в пользу лишь ограниченного числа политических акторов. Примечательно, что в книге Г. Киссинджера, Э. Шмидта и Д. Хаттенлокера «Искусственный разум и новая эра человечества» даже предложена категория «AI-держав», к которым авторы причисляют США, Китай и Россию, гипотетически способных для защиты своих интересов применять новейшие типы оружия на основе искусственного интеллекта (Киссинджер и др., 2022, с. 147–148).

Формирование нового многополярного мироустройства происходит не просто через создание государствами внутренних цифровых экосистем, но и активную генерацию собственных «цифровых ойкумен» – сложных систем, включающих медийные агентства, порталы, интернет-ресурсы, сетевые сообщества и продвигающих ценностную и политическую повестку данных государств в других странах посредством сложных практик цифровой дипломатии. Вероятно, техники цифровой дипломатии той или иной страны будут зависеть от особенностей гибридизации форм «мягкой силы», «умной силы» и «острой силы». Другим значимым направлением становится анализ потенциальных рисков и угроз, связанных с деятельностью «виртуальных дипломатов» (интеллектуальных систем, ориентированных на дипломатические задачи), которые могут спровоцировать новые конфликты (в этом случае отдельные приемы цифровой дипломатии, например, генерация дипфейков, становятся неотличимыми от изоциренных видов кибероружия). Фактически цифровая ойкумена государства является его дополнительной формой геополитического влияния в новых условиях. Конвергенция пропаганды, объединяющей традиционные и новые алгоритмические приемы политического влияния на массовое сознание, делает такие методы цифровой дипломатии малозаметными и всепроникающими.

Заклучение

Подводя итоги, важно на основании ключевых особенностей выявленных современных проблем в научной литературе, связанных с активным внедрением в актуальную практику алгоритмов искусственного интеллекта, сделать некоторые выводы. Необходимо признать, что среди обозначенных проблем наибольшую значимость представляет проблема алгоритмизации власти. Это ключевой тренд, влияющий на остальные – непрозрачность алгоритмов, манипуляции массовым сознанием и алгоритмическую дискриминацию. Если меняется природа власти, то такая метаморфоза затрагивает все другие социально-политические, культурные и экономические сферы. Внедрение инструментов предиктивной аналитики в сферу государственной политики, перераспределение власти на примере групп менеджеров и сферы политического управления являются доказательством такого феномена.

Вместе с тем важно признать, что несмотря на наличие существенных социально-политических рисков от внедрения алгоритмов, определяемых в современной научной литературе, ситуация не является однозначной. Последствия, эффекты от внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в разных странах еще недостаточно изучены. По сути, сохраняется определенный пробел в понимании того, почему в одних странах алгоритмизация власти больше связана с усилением надзорных возможностей и полномочий центральных органов политической власти, а в других такая алгоритмизация больше связана с ростом влияния крупных корпораций и корпоративных органов власти. Возможно, восполнению этого пробела послужат новые исследования, позволяющие не просто выявить социально-политические риски алгоритмов, но и сравнить их специфику в различных странах с учетом существующих там социальных, экономических, мировоззренческих и политико-культурных особенностей.

Список литературы

1. Брунс, А. (2023). *Реальна ли стена фильтров?* Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики.
2. Жуков, Д. С. (2020). Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае. *Журнал политических исследований*, 4(2), 70–79. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79>
3. Зубофф, Ш. (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти.* Москва: Изд. Ин-та Гайдара.
4. Ледяев, В. Г. (2001). *Власть: концептуальный анализ.* Москва: РОССПЭН.
5. Лексин, В. Н. (2021). *Искусственный интеллект в экономике, политике и частной жизни: Опыт системной диагностики.* Москва: Ленанд.

6. Ловинк, Г. (2019). *Критическая теория Интернета*. Москва: Ad Marginem: Музей современ. искусства «Гараж».
7. Льюкс, С. (2010). *Власть: Радикальный взгляд*. Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики.
8. Киссинджер, Г., Шмидт, Э., Хаттенлокер, Д. (2022). *Искусственный разум и новая эра человечества*. Москва: Альпина ПРО.
9. Миронова Н. Г. (2021). Философское осмысление социальных рисков интеллектуальной автоматизации социального управления. *Цифровой ученый: лаборатория философа*, 4(2), 125–144. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-125-144>
10. Овчинников, А. И. (2020). Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект. *Журнал российского права*, (6), 5–21. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.064>
11. Романова, И. Н. (2021). Внедрение технологий искусственного интеллекта: анализ вероятных рисков и возможных угроз. *Материалы Ивановских чтений*, (4), 15–18.
12. Срничек, Н. (2020). *Капитализм платформ*. Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики.
13. Талапина, Э. В. (2021). Использование искусственного интеллекта в государственном управлении. *Информационное общество*, (3), 16–22. https://doi.org/10.52605/16059921_2021_03_16
14. Филиппов, А. Ф. (2019). Власть. *Философские науки*, 62(10), 139–159. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-10-139-159>
15. Фурс, С. П. (2022). Анализируя новый социальный феномен – аллократия. *Культура и безопасность*, (1), 5–9. <https://doi.org/10.25257/КВ.2022.1.5-9>
16. Aneesh, A. (2006). *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham, NC.; London: Duke Univ. Press.
17. Bartlett, B. (2023). The possibility of AI-induced medical manslaughter: Unexplainable decisions, epistemic vices, and a new dimension of moral luck. *Medical Law International*, 23(3), 241–270. <https://doi.org/10.1177/09685332231193944>
18. Beer, D. (2022). The problem of researching a recursive society: Algorithms, data coils and the looping of the social. *Big Data & Society*, 9(2). <https://doi.org/10.1177/20539517221104997>
19. Borgesius, F. J. Z. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
20. Cheney-Lippold, J. (2011). A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control. *Theory Culture & Society*, 28(6), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
21. Elkin-Koren, N. (2020). Contesting algorithms: Restoring the public interest in content filtering by artificial intelligence. *Big Data & Society*, 7(2). <https://doi.org/10.1177/2053951720932296>

22. Erman, E., & Furendal, M. (2022). Artificial Intelligence and the Political Legitimacy of Global Governance. *Political Studies*, 72(2), 421–441. <https://doi.org/10.1177/00323217221126665>
23. Fallis, D. (2021). The Epistemic Threat of Deepfakes. *Philosophy & Technology*, 34, 623–643. <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00419-2>
24. Hameleers, M., Meer, T. G. L. A. van der, & Dobber, T. (2022). You Won't Believe What They Just Said! The Effects of Political Deepfakes Embedded as Vox Populi on Social Media. *Social Media + Society*, 8(3). <https://doi.org/10.1177/20563051221116346>
25. Huang, M.-H., & Rust, R. T. (2018). Artificial Intelligence in Service. *Journal of Service Research*, 21(2), 155–172. <https://doi.org/10.1177/1094670517752459>
26. Jarrahi, M. H., Newlands, G., Lee, M. K., Wolf, C. T., Kinder, E., & Sutherland, W. (2021). Algorithmic management in a work context. *Big Data & Society*, 8(2). <https://doi.org/10.1177/20539517211020332>
27. Joyce, K., Smith-Doerr, L., Alegria, S., Bell, S., Cruz, T., Hoffman, S. G., Noble, S. U., & Shestakofsky, B. (2021). Toward a Sociology of Artificial Intelligence: A Call for Research on Inequalities and Structural Change. *Socius Sociological Research for a Dynamic World*, 7(4). <https://doi.org/10.1177/2378023121999581>
28. Jungherr, A. (2023). Artificial Intelligence and Democracy: A Conceptual Framework. *Social Media + Society*, 9(3). <https://doi.org/10.1177/20563051231186353>
29. Kieslich, K., Keller, B., & Starke, C. (2022). Artificial intelligence ethics by design. Evaluating public perception on the importance of ethical design principles of artificial intelligence. *Big Data & Society*, 9(1). <https://doi.org/10.1177/20539517221092956>
30. Kubler, K. (2017). State of urgency: Surveillance, power, and algorithms in France's state of emergency. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717736338>
31. Lepage-Richer, T., & McKelvey, F. (2022). States of computing: On government organization and artificial intelligence in Canada. *Big Data & Society*, 9(2). <https://doi.org/10.1177/20539517221123304>
32. Lorenz, L., Meijer, A., & Schuppan, T. (2021). The Algocracy as a New Ideal Type for Government Organizations: Predictive Policing in Berlin as an Empirical Case. *Information Polity*, 26(1), 71–86. <https://doi.org/10.3233/IP-200279>
33. Lundahl, O. (2022). Algorithmic meta-capital: Bourdieusian analysis of social power through algorithms in media consumption. *Information, Communication & Society*, 25(10), 1440–1455. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1864006>
34. McQuillan, D. (2015). Algorithmic states of exception. *European Journal of Cultural Studies*, 18(4–5), 564–576. <https://doi.org/10.1177/1367549415577389>
35. McQuillan, D. (2016). Algorithmic paranoia and the convivial alternative. *Big Data & Society*, 3(2). <https://doi.org/10.1177/2053951716671340>
36. Milivojevic, S. (2022). Artificial intelligence, illegalised mobility and lucrative alchemy of border utopia. *Criminology & Criminal Justice*. <https://doi.org/10.1177/17488958221123855>

37. Nemitz, P. (2018). Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 376(2133). <https://doi.org/10.1098/rsta.2018.0089>
38. Ó Fathaigh, R., Dobber, T., Borgesius, F. J. Z., & Shires, J. (2021). Microtargeted propaganda by foreign actors: An interdisciplinary exploration. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 28(6), 856–877. <https://doi.org/10.1177/1023263X211042471>
39. Pajkovic, N. (2022). Algorithms and taste-making: Exposing the Netflix Recommender System's operational logics. *Convergence*, 28(1), 214–235. <https://doi.org/10.1177/13548565211014464>
40. Plantinga, P. (2022). Digital discretion and public administration in Africa: Implications for the use of artificial intelligence. *Information Development*, 40(2), 332–352. <https://doi.org/10.1177/02666669221117526>
41. Rafanelli, L. M. (2022). Justice, injustice, and artificial intelligence: Lessons from political theory and philosophy. *Big Data & Society*, 9(1). <https://doi.org/10.1177/20539517221080676>
42. Reed, E. D. (2022). Truth, Lies and New Weapons Technologies: Prospects for Jus in Silico? *Studies in Christian Ethics*, 35(1), 68–86. <https://doi.org/10.1177/09539468211051240>
43. Seaver, N. (2017). Algorithms as culture: Some tactics for the ethnography of algorithmic systems. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717738104>
44. Seta, G. de (2021). Huanlian, or changing faces: Deepfakes on Chinese digital media platforms. *Convergence*, 27(4), 935–953. <https://doi.org/10.1177/13548565211030185>
45. Sharma, S., & Nijjar, J. S. (2023). Post-racial politics, pre-emption and in/security. *European Journal of Cultural Studies*, 27(2), 275–294. <https://doi.org/10.1177/13675494231168177>
46. Švec, M., & Madleňák, A. (2017). Legal Frameworks for the Phygital Concept. *European Journal of Science and Theology*, 13(6), 209–217.
47. Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>
48. Vesa, M., & Tienari, J. (2022). Artificial intelligence and rationalized unaccountability: Ideology of the elites? *Organization*, 29(6), 1133–1145. <https://doi.org/10.1177/1350508420963872>

References

1. Aneesh, A. (2006). *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham, NC.; London: Duke Univ. Press.

2. Bartlett, B. (2023). The possibility of AI-induced medical manslaughter: Unexplainable decisions, epistemic vices, and a new dimension of moral luck. *Medical Law International*, 23(3), 241–270. <https://doi.org/10.1177/09685332231193944>
3. Beer, D. (2022). The problem of researching a recursive society: Algorithms, data coils and the looping of the social. *Big Data & Society*, 9(2). <https://doi.org/10.1177/20539517221104997>
4. Borgesius, F. J. Z. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
5. Bruns, A. (2023). *Real'na li stena fil'trov?* [Are Filter Bubbles Real?]. Moscow: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
6. Cheney-Lippold, J. (2011). A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control. *Theory Culture & Society*, 28(6), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
7. Elkin-Koren, N. (2020). Contesting algorithms: Restoring the public interest in content filtering by artificial intelligence. *Big Data & Society*, 7(2). <https://doi.org/10.1177/2053951720932296>
8. Erman, E., & Furendal, M. (2022). Artificial Intelligence and the Political Legitimacy of Global Governance. *Political Studies*, 72(2), 421–441. <https://doi.org/10.1177/00323217221126665>
9. Fallis, D. (2021). The Epistemic Threat of Deepfakes. *Philosophy & Technology*, 34, 623–643. <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00419-2>
10. Filippov, A. F. (2019). Vlast' [Power]. *Filosofskie nauki*, 62(10), 139–159. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-10-139-159>
11. Furs, S. P. (2022). Analiziruya novyy sotsial'nyy fenomen – algokratiya [Analysing new social phenomenon – algocracy]. *Kul'tura i bezopasnost'*, (1), 5–9. <https://doi.org/10.25257/KB.2022.1.5-9>
12. Hameleers, M., Meer, T. G. L. A. van der, & Dobber, T. (2022). You Won't Believe What They Just Said! The Effects of Political Deepfakes Embedded as Vox Populi on Social Media. *Social Media + Society*, 8(3). <https://doi.org/10.1177/20563051221116346>
13. Huang, M.-H., & Rust, R. T. (2018). Artificial Intelligence in Service. *Journal of Service Research*, 21(2), 155–172. <https://doi.org/10.1177/1094670517752459>
14. Jarrahi, M. H., Newlands, G., Lee, M. K., Wolf, C. T., Kinder, E., & Sutherland, W. (2021). Algorithmic management in a work context. *Big Data & Society*, 8(2). <https://doi.org/10.1177/20539517211020332>
15. Joyce, K., Smith-Doerr, L., Alegria, S., Bell, S., Cruz, T., Hoffman, S. G., Noble, S. U., & Shestakofsky, B. (2021). Toward a Sociology of Artificial Intelligence: A Call for Research on Inequalities and Structural Change. *Socius Sociological Research for a Dynamic World*, 7(4). <https://doi.org/10.1177/2378023121999581>
16. Jungherr, A. (2023). Artificial Intelligence and Democracy: A Conceptual Framework. *Social Media + Society*, 9(3). <https://doi.org/10.1177/20563051231186353>

17. Kieslich, K., Keller, B., & Starke, C. (2022). Artificial intelligence ethics by design. Evaluating public perception on the importance of ethical design principles of artificial intelligence. *Big Data & Society*, 9(1). <https://doi.org/10.1177/20539517221092956>
18. Kissinger, H. A., Schmidt, E. & Huttenlocher D. (2022). *Iskusstvennyy razum i novaya era chelovechestva* [The Age of AI: And Our Human Future]. Moscow: Al'pina PRO.
19. Kubler, K. (2017). State of urgency: Surveillance, power, and algorithms in France's state of emergency. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717736338>
20. Ledyayev, V.G. (2001). *Vlast': kontseptual'nyy analiz* [Power: a conceptual analysis]. Moscow: ROSSPEN.
21. Leksin, V.N. (2021). *Iskusstvennyy intellekt v ekonomike, politike i chastnoy zhizni: Opyt sistemnoy diagnostiki* [Artificial intelligence in economics, politics and private life: Experimental diagnostic systems]. Moscow: Lenand.
22. Lepage-Richer, T., & McKelvey, F. (2022). States of computing: On government organization and artificial intelligence in Canada. *Big Data & Society*, 9(2). <https://doi.org/10.1177/20539517221123304>
23. Lorenz, L., Meijer, A., & Schuppan, T. (2021). The Algocracy as a New Ideal Type for Government Organizations: Predictive Policing in Berlin as an Empirical Case. *Information Polity*, 26(1), 71–86. <https://doi.org/10.3233/IP-200279>
24. Lovink, G. (2019). *Kriticheskaya teoriya Interneta* [Critical Internet Theory]. Moscow: Ad Marginem: Muzei sovremen. iskusstva «Garazh».
25. Lukes, St. (2010). *Vlast': Radikal'nyy vzglyad* [Power. A Radical View]. Moscow: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
26. Lundahl, O. (2022). Algorithmic meta-capital: Bourdieusian analysis of social power through algorithms in media consumption. *Information, Communication & Society*, 25(10), 1440–1455. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1864006>
27. McQuillan, D. (2015). Algorithmic states of exception. *European Journal of Cultural Studies*, 18(4–5), 564–576. <https://doi.org/10.1177/1367549415577389>
28. McQuillan, D. (2016). Algorithmic paranoia and the convivial alternative. *Big Data & Society*, 3(2). <https://doi.org/10.1177/2053951716671340>
29. Milivojevic, S. (2022). Artificial intelligence, illegalised mobility and lucrative alchemy of border utopia. *Criminology & Criminal Justice*. <https://doi.org/10.1177/17488958221123855>
30. Mironova, N.G. (2021). *Filosofskoe osmyslenie sotsial'nykh riskov intellektual'noy avtomatizatsii sotsial'nogo upravleniya* [Philosophical consideration of social risks of intellectual automation of social management]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filozofa*, 4(2), 125–144. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-125-144>
31. Nemitz, P. (2018). Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 376(2133). <https://doi.org/10.1098/rsta.2018.0089>

32. Ó Fathaigh, R., Dobber, T., Borgesius, F. J. Z., & Shires, J. (2021). Microtargeted propaganda by foreign actors: An interdisciplinary exploration. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 28(6), 856–877. <https://doi.org/10.1177/1023263X211042471>
33. Ovchinnikov, A. I. (2020). Bezopasnost' lichnosti i gosudarstva v tsifrovuyu epokhu: politiko-pravovoy aspect [Individual and state security in the digital age: political and legal aspect]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (6), 5–21. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.064>
34. Pajkovic, N. (2022). Algorithms and taste-making: Exposing the Netflix Recommender System's operational logics. *Convergence*, 28(1), 214–235. <https://doi.org/10.1177/13548565211014464>
35. Plantinga, P. (2022). Digital discretion and public administration in Africa: Implications for the use of artificial intelligence. *Information Development*, 40(2), 332–352. <https://doi.org/10.1177/02666669221117526>
36. Rafanelli, L. M. (2022). Justice, injustice, and artificial intelligence: Lessons from political theory and philosophy. *Big Data & Society*, 9(1). <https://doi.org/10.1177/205395172211080676>
37. Reed, E. D. (2022). Truth, Lies and New Weapons Technologies: Prospects for Jus in Silico? *Studies in Christian Ethics*, 35(1), 68–86. <https://doi.org/10.1177/09539468211051240>
38. Romanova, I. N. (2021). Vnedrenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta: analiz veroyatnykh riskov i vozmozhnykh ugroz [Introduction of artificial intelligence technologies: analysis of probable risks and possible threats]. *Materialy Ivanovskikh chteniy*, (4), 15–18.
39. Seaver, N. (2017). Algorithms as culture: Some tactics for the ethnography of algorithmic systems. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717738104>
40. Seta, G. de (2021). Huanlian, or changing faces: Deepfakes on Chinese digital media platforms. *Convergence*, 27(4), 935–953. <https://doi.org/10.1177/13548565211030185>
41. Sharma, S., & Nijjar, J. S. (2023). Post-racial politics, pre-emption and in/security. *European Journal of Cultural Studies*, 27(2), 275–294. <https://doi.org/10.1177/13675494231168177>
42. Srnicek, N. (2020). *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
43. Švec, M., & Madleňák, A. (2017). Legal Frameworks for the Phygital Concept. *European Journal of Science and Theology*, 13(6), 209–217.
44. Talapina, E. V. (2021). Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v gosudarstvennom upravlenii [The use of artificial intelligence in public administration]. *Informatsionnoe obshchestvo*, (3), 16–22. https://doi.org/10.52605/16059921_2021_03_16
45. Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>

46. Vesa, M., & Tienari, J. (2022). Artificial intelligence and rationalized unaccountability: Ideology of the elites? *Organization*, 29(6), 1133–1145. <https://doi.org/10.1177/1350508420963872>

47. Zhukov, D. S. (2020). Iskusstvennyy intellekt dlya obshchestvenno-gosudarstvennogo organizma: budushchee uzhe startovalo v Kitae [Artificial intelligence for society and government: the future has already begun in China]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 4(2), 70–79. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79>

48. Zuboff, Sh. (2022). *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow: Izd. In-ta Gaydara.

Информация об авторах

Сергей Владимирович Володенков, доктор политических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко, доктор политических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Information about the authors

Sergey Vladimirovich Volodenkov, Doctor of Sciences (Political Sciences), Chief Researcher for the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department, State Academic University for the Humanities, Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Sergey Nikolaevich Fedorchenko, Doctor of Sciences (Political Sciences,) Chief Researcher for the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department, State Academic University for the Humanities, Associate Professor of the Department of Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

УДК 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_49

ИДЕАЛ ПРАВДЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (XVI–XVII ВВ.): ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Николай Александрович Шавеко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
shavekonikolai@gmail.com

Получена 25.04.2024.

Поступила после рецензирования 13.05.2024.

Принята к публикации 16.05.2024.

Для цитирования: Шавеко Н. А. Идеал правды в Московском государстве (XVI–XVII вв.): политико-правовые аспекты // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 49–71. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_49

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу политико-правовых взглядов русских мыслителей и интеллектуалов Великого княжества Московского и Московского царства в период с возвышения Москвы и окончательного оформления централизованного государства в конце XV в. и вплоть до восшествия на престол Петра I и превращения России в империю. Указанный анализ осуществляется в контексте традиционной для русской ментальности идеи правды. Методологическая особенность при этом заключается в сосредоточении внимания на трех ценностях, которые обычно считаются традиционными для русской культуры: самодержавии, православии и коллективизме. Показывается, что наряду с указанными ценностями во множестве произведений отстаивается и то, что можно назвать контрценностями (ограничение

© Шавеко Н. А., 2024

власти царя, принижение значимости религиозных ритуалов при одновременном возвышении «мирских» ценностей и, наконец, индивидуализм). Тем самым демонстрируется сложность и неоднозначность русской традиции политической философии и необходимость ее защиты от идеологических искажений и фальсификаций, что особенно актуально в сегодняшней ситуации активных дискуссий о признаках и существовании российской цивилизации. Предлагается, в частности, рассмотреть, с одной стороны, взгляды, присущие самой власти и тем мыслителям, на которых она опирается, и, с другой стороны, оппонирующие взгляды, выражаемые либо противниками власти, либо – в типичном случае – теми, кто обращается к ней с определенными политическими советами. Официальная точка зрения рассматриваемого периода оправдывает абсолютную единоличную власть, а также построение Православного Царства, т.е. строгую регламентацию всех сфер жизни человека на основе религиозного идеала. Оппонирующие точки зрения исходят из того, что власть монарха должна быть ограничена благом подданных, справедливостью и законом, царю должны быть присущи христианские добродетели, несправедливых царей можно и нужно свергать, при этом государство не должно увлекаться религиозным миссионерством, регламентировать внешние проявления религиозности своих подданных, а вместо этого должно обратиться к идеалу светской справедливости, будучи терпимым к инакомыслящим. В завершение статьи утверждается, что в политико-правовой мысли рассматриваемого периода отсутствуют убедительные свидетельства того, что образованная элита тогдашнего общества исповедовала строго коллективистские, а не индивидуалистические идеалы.

Ключевые слова:

самодержавие, абсолютизм, православие, исихазм, коллективизм, индивидуализм, права человека, правда

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (проект № 23-075-67362-1-0409-000410).

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_49

IDEAL OF *PRAVDA* IN THE MUSCOVY STATE (XVI–XVII CENTURIES): POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

Nikolai A. Shaveko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
shavekonikolai@gmail.com

Received 25.04.2024.

Revised 13.05.2024.

Accepted 16.05.2024.

For citation: Shaveko, N. A. (2024). Ideal of Pravda in the Muscovy state (XVI–XVII Centuries): Political and Legal Aspects. *Discourse-P*, 21(2), 49–71. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_49

Abstract

The article studies comparatively political and legal views of Russian thinkers and intellectuals of the Muscovy state starting from the rise of Moscow and final formalization of the centralized state at the end of XV century and concluding with Peter I assessing the throne and transforming Russia into empire. The analysis is performed in the context of *pravda*, which is a traditional idea for Russian mentality. A methodological feature of this analysis is to focus on those values that are usually considered traditional for Russian culture: autocracy, Orthodoxy and collectivism. It is shown that along with these values many works defend the counter-values (limited power of the tsar, diminished importance of religious rituals, increased importance of secular values, individualism). This conflict in values illustrates the complexity and ambiguity existing in the Russian tradition of political philosophy and the need to protect it from ideological distortions and falsifications, which is especially relevant in contemporary situation when extensive discussions appear concerning the essence of the Russian civilization. The article aims to consider two political perspectives. On the one hand, it discusses the governmental views – of the officials themselves and of those thinkers on whom the government appears to rely. On the other hand, the article elucidates the critical views expressed either by governmental opponents or by those who provides the government with political advice. The official political thought of that period justified absolute authority of the tsar, as well as the idea of building an Orthodox Kingdom, i.e. it advocated strict regulation

of all spheres of human life on the basis of religion. The critical political thought conveyed the idea that the power of tsar should be limited by the welfare of people, justice and law. At the same time the tsar should be an example of the intrinsic Christian virtues, while vicious tsars ought to be casted from throne. However, the state should keep distance from any religious missionism, from regulating religious manifestations of its subjects, but instead it should conform to the secular ideal of justice, be tolerant of unorthodox thinking. The article concludes that in the political and legal thought of the period under review, there is little convincing evidence of the educated elite being adherent to collectivist, rather than individualistic ideals.

Keywords:

autocracy, absolutism, Orthodoxy, hesychasm, collectivism, individualism, human rights, pravda

Funding:

the research was carried out at the expense of a grant in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (project No. 23-075-67362-1-0409-000410).

Введение

В последние годы активизировался, в первую очередь по политическим причинам, интерес к цивилизационному подходу и осмыслению России как цивилизации. Основные представители этого подхода, к коим обычно относят Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби (Усмонов, 2012, с. 140), действительно подчеркивали исторические и культурные особенности России. Причем, в трудах каждого из трех авторов на разный манер упоминаются одни и те же отличительные черты российской цивилизации, а именно: в политическом отношении – авторитарные методы управления (самодержавие, тоталитарный строй), в духовном отношении – православная религия, в социальном отношении – особая преданность коллективу (семья, община, государство и т.п., в общем, соборность). Конечно, каждый из этих авторов по-разному расставлял акценты. Например, Данилевский был озабочен противопоставлением православия католичеству и протестантству, тогда как Шпенглер говорил скорее об устремленности русской души к вечному, чем о конфессиональных отличиях; в свою очередь, Тойнби, писавший уже во времена СССР, видел духовную основу России скорее в некотором стремлении к духовному первенству, а также в особом меланхоличном характере русской души. Однако, в целом, авторитаризм, особые формы духовности

и коллективизм – то общее в трудах различных приверженцев цивилизационного подхода, что, по их мнению, характеризует Россию. К слову, С. Хантингтон, автор нашумевшей концепции «столкновения цивилизаций», также видел особенности России в православной религии, отсутствии индивидуализма, а также в особых государственных формах (сращивании церкви и государства, отсутствии верховенства права и традиции представительных органов власти, развитого гражданского общества и т.п.) (Хантингтон, 2017, с. 228). Любопытно также, что взгляды всех перечисленных авторов весьма близки знаменитой триаде ценностей графа С. С. Уварова (православие, самодержавие, народность).

В настоящей статье мы не будем анализировать обоснованность самого цивилизационного подхода, и уж тем более – взгляды конкретных его представителей на культурные особенности России. Отметим лишь, что и сам этот подход, и типичные представления о «русской цивилизации» не свободны от критики. Мы рассмотрим вместо этого историю политической и правовой мысли, а конкретно – период Русского централизованного государства (с возвышения Москвы и окончательного оформления централизованного государства в конце XV в. и вплоть до восшествия на престол Петра I). Выбор временного диапазона обусловлен тем, что, несмотря на коррективы, внесенные Смутой, а также постепенный переход в XVII столетии к новоевропейской мировоззренческой парадигме, рассматриваемый период все же представляет собой единый этап в российской истории, в ходе которого активизировалась общественно-политическая мысль и начали формулироваться особые проекты социального устройства.

Мы проследим, как в политико-правовой мысли Русского государства проявлялись вышеназванные ценности: самодержавие, православие и коллективизм. Сделано это будет в контексте представлений о «правде», поскольку и социальные, и религиозные идеалы того времени выражались, как правило, через это понятие. При этом речь не будет идти об особенностях «русской ментальности», «русского мировоззрения» и т.п. сомнительных конструктов: хотя бы потому, что политико-правовая мысль, выраженная в письменных источниках рассматриваемого периода – это продукт, прежде всего, образованной элиты тогдашнего общества, который может не совпадать с самосознанием типичного представителя «глубинного народа» (хотя к XVII в. в литературную деятельность, как отмечается исследователями, начинает включаться посад и крестьянство¹). Тем не менее, политико-правовая мысль – это, безусловно, часть культуры, и ее изучение может способствовать лучшему пониманию культурных особенностей соответствующего общества. Наконец, отметим, что в статье не будут рассматриваться идеалы, воплотившиеся в эпосе, литературе, верованиях и обычаях неправославных народов Московского царства.

¹ Лихачев, Д. С. (Ред.). (1992). *Словарь книжников и книжности Древней Руси* (Вып. 3 (XVII в.)). Ч. 1. А-З). Санкт-Петербург: Наука. С. 4.

Самодержавие

Начнем с представлений о государственной власти. И здесь сразу же необходимо отметить, что становление централизованного Русского государства сопровождалось изменением взглядов авторов того времени на характер княжеской, а потом и царской власти.

Так, если раньше правда в летописях ассоциировалась с крестным целованием и соблюдением обещаний, то теперь она видится в единоначалии. В свою очередь, любое неподчинение, любое посягательство на власть правителя рассматривается теперь как противное правде. Ю. Г. Алексеев описывает этот процесс как противостояние между двумя правдами – старой и новой, и делает это на примере противостояния Москвы и Новгорода (Алексеев, 1991, с. 109–110). В качестве другого примера можно указать на то, что еще до присоединения Тверского княжества к Москве одна лишь попытка тверского князя установить союз с Литвой воспринимается летописцем как «неправда», то есть как измена². Впоследствии, в летописях XVI века о правде как договоре и крестном целовании говорится уже только в контексте внешнеполитических сношений московских правителей, внутри же страны неправдой зовется действие, совершенное без позволения великого князя³. При завоевании новых городов в ходе русско-литовских войн, казанских походов и Ливонской войны к «правде» принудительно приводятся целые города⁴ и народы («горные люди», «все люди Казанские» и т.п.)⁵, а не только знать или управленческая верхушка, то есть отныне предполагается полное послушание населения московскому царю. Короче говоря, письменные источники конца XV и XVI в. активно заняты обоснованием централизации и усиления власти монарха. Необходимость этого напрямую связывается со стремлением к правде.

Как правило, утверждается, что без подобных мер правда не сможет торжествовать. Победа над ханом Ахматом 1480 г. делает Ивана III в глазах летописца богоутвержденным «царем правды»⁶. Автор «Казанской истории» в свою очередь подчеркивает, что Иван Грозный активно боролся против неправды, являясь одновременно беспристрастным и милостивым судьей⁷. Описание присоединения Пскова к Москве в 1510 г. сопровождается в Псковской летописи

² Псковская первая летопись. В *Полное собрание русских летописей (ПСРЛ)* (Т. 4). С. 156.

³ *ПСРЛ* (Т. 12). С. 96 (эпизод с Иваном Овчиной и Андреем Старицким, 1535–1537 гг.), 146 (эпизод с Иваном Кубенским, 1545 г.); *ПСРЛ* (Т. 13. 2-я пол.). С. 444 (эпизод с казнью Андрея Шуйского).

⁴ *ПСРЛ* (Т. 13. 2-я пол.). С. 304, 305; *ПСРЛ* (Т. 21. 2-я пол.). С. 553. Здесь к правде приводят в том числе «черных людей» городов, т.е. простонародье.

⁵ *ПСРЛ* (Т. 13. 2-я пол.). С. 466, 470, 474.

⁶ *ПСРЛ* (Т. 8). С. 212

⁷ Казанская история. В *Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР)* (Т. 10). С. 420, 506.

рассказом о том, что лишь сильная власть московского князя помогла извести неправду⁸. Софийская первая летопись содержит настоящий пространственный панегирик Ивану III Васильевичу как незаменимому защитнику правды⁹. В целом, сами военные успехи московских правителей рассматриваются как подтверждение того, что Бог на их стороне, и это служит дополнительным аргументом в пользу централизации.

Безусловно, одним из главных обоснований единоначалия служило представление о московских правителях как защитниках истинной веры. Это представление выражалось в идее Москвы как Третьего Рима (Зосима, Филофей), Руси как «Новом Израиле» (Вассиан Рыло) и «Легенде о Белом Клобуке». То обстоятельство, что главными защитниками истинной веры в древнерусских источниках мыслились именно светские правители, а не церковь, определили «геополитические причины: с одной стороны, утрата Византией статуса независимого государства и, с другой стороны, освобождение Руси от татаро-монгольского ига» (Черников, 2002, с. 98–99). Не только избавление от монголо-татарского ига¹⁰, но и русско-литовские войны¹¹, противостояния с казанскими татарами¹², Ливонская война¹³ – все теперь трактуется в религиозном ключе как защита православной веры.

Тот факт, что власть московских князей установлена по правде, обосновывается также апелляцией к их родословной через такие памятники, как Сказание о князьях Владимирских с его легендами о происхождении Рюрика от римского императора Августа и о даре византийским императором Константином Мономахом царских регалий Владимиру Мономаху, и Степенная книга царского родословия с ее идеей божественного происхождения власти.

В конечном счете идеал самодержавия утвердился настолько, что Иван Грозный в своей переписке с Андреем Курбским считает чем-то самим собой разумеющимся непререкаемую власть царя¹⁴. В Домострое также указывается, что «земному царю» нужно служить верой и правдой и бояться его¹⁵. Конечно, все это не означает, что царь действительно был самодержцем, так как на протяжении практически всего рассматриваемого периода решения государя подлежали утверждению боярской думой, не говоря уже о практике земских

⁸ ПСРЛ (Т. 4). С. 287–288.

⁹ ПСРЛ (Т. 6). С. 1–15.

¹⁰ Послание на Угру Вассиана Рыло. В БЛДР (Т. 7). С. 396.

¹¹ Пискаревский летописец. В ПСРЛ (Т. 34). С. 168. См. также: ПСРЛ (Т. 8). С. 288; ПСРЛ (Т. 13. 1-я пол.). С. 81.

¹² Московский летописец. В ПСРЛ (Т. 34). С. 224; Казанская история. В БЛДР (Т. 10). С. 484.

¹³ Первое послание Ивана Грозного Курбскому (2010). В *Памятники общественной мысли Древней Руси* (Т. 3: Московская Русь). Москва. С. 191.

¹⁴ Второе послание Ивана Грозного Курбскому (2010). В *Памятники общественной мысли Древней Руси* (Т. 3: Московская Русь). Москва. С. 243.

¹⁵ Домострой. В БЛДР (Т. 10). С. 122.

соборов. Однако в идейном плане все больше отстаиваются единоначалие и централизация власти.

Впрочем, до сих пор речь шла, прежде всего, об официальных, то есть исходящих от самой власти и ее приближенных, источниках. Другие же источники позволяют усомниться в том, что в рассматриваемый период доминирует ценность самодержавной власти.

Так, тот же Андрей Курбский возражает Ивану Грозному, указывая на то, что приведенный к клятве насильно не может считаться изменником, если впоследствии нарушит эту клятву¹⁶. Между прочим, подобный аргумент использовал еще князь Юрий Иванович, понужденный после смерти своего брата Василия III Ивановича присягнуть своему племяннику, будущему царю Ивану IV¹⁷. В общем, первое возражение против самодержавия, встречающееся в литературе рассматриваемого периода, состоит в том, что власть должна быть принята подвластными добровольно.

Другое возражение связывается с качествами царя. Еще Иосиф Волоцкий писал, что если царь погряз в грехе, и не соответствует качествам православного христианина, то «такой царь не Божий слуга, но дьявол, и не царь, но мучитель»¹⁸. Повиноваться ему, согласно Иосифу Волоцкому, не должно, и эта позиция дала основание некоторым исследователям полагать, что «иосифляне первые в русской литературе выставили учение о правомочности сопротивления государственной власти» (Вальденберг, 2006, с. 188–189). И хотя позднее Иосиф Волоцкий несколько смягчил свою позицию, в целом, в русле идеи «симфонии властей» он полагал, что государственная власть имеет свои пределы, разделяя определенные функции с независимой церковной властью (Кожаев, 2010, с. 6). Причем идея, согласно которой повиноваться следует лишь благочестивому и праведному царю, была свойственна не только иосифлянам. В Житии великой княгини Ольги, составление которого приписывают Сильвестру, также есть эпизод, показывающий, что если правитель подвержен страстям, и не может управлять собой, то и управлять страной он недостоин¹⁹. Показательны в этом отношении и сочинения Максима Грека, где последний отстаивает мысль, что правитель должен уметь побеждать свои склонности и похоти, иначе Бог не будет на его стороне²⁰. Очевидно, что церковники в рассматриваемый период видели себя не меньшими защитниками высшей правды, чем царь, и прямо говорили о том, что погрязший в пороке царь не вправе называться царем.

¹⁶ Третье послание Курбского Ивану Грозному (2010). В *Памятники общественной мысли Древней Руси* (Т. 3: Московская Русь). Москва. С. 248.

¹⁷ Пискаревский летописец. В *ПСРЛ* (Т. 34). С. 167. См. также: *ПСРЛ* (Т. 8). С. 286.

¹⁸ Иосиф Волоцкий, преподоб. (2011). *Просветитель*. Москва. С. 207.

¹⁹ *Книга степенная*. Ч. 1. (1775). Москва. С. 8.

²⁰ Максим Грек, преподоб. (1910). *Сочинения Преподобного Максима Грека в русском переводе*. Ч. 1. Нравоучительные сочинения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. С. 99–101.

Наконец, еще один аспект осмысления самодержавия можно рассмотреть на примере таких мыслителей, как Иван Пересветов, Ермолай-Еразм и Федор Карпов. Казалось бы, предлагая различные проекты социального устройства, данные авторы не посягали на власть царя, и даже более того – часто прямо настаивали на сильной единоличной власти. Однако важно понимать, с какой целью. Пересветов уверял, что нужна царская «гроза», но не как самоцель, а во имя правды²¹, в свою очередь, правда, по Пересветову, состояла в отсутствии засилья обленившихся вельмож (бояр), в воздаянии по заслугам, а не по признаку родовитости²², в свободном труде, а не рабском положении²³. Пересветов – идеолог зарождающегося дворянского сословия, и самодержавная власть для него немислима без учета самодержцем интересов этого сословия. Вместе с тем уроженец Пскова, близкий царю протопоп Благовещенского собора в Кремле Ермолай-Еразм разделял многие идеи Пересветова: как и последний, он являлся противником преимуществ родовой знати (праздных «вельмож»), считает правильным воздаяние по заслугам²⁴, и весьма критически относится к богатству²⁵. Более того, особое внимание Ермолай-Еразм уделяет интересам крестьян (Казакова, 1958, с. 245), что породило давнюю дискуссию относительно того, чьи интересы выражал Ермолай-Еразм – дворянские или крестьянские (Резванов, 2017). Наконец, еще один известный философ XVI века – боярин Федор Карпов – отстаивает правление на началах правды (идеала справедливости) и закона (принудительного воплощения этого идеала)²⁶. С учетом того, что в своих рассуждениях Карпов порой дословно следует за мыслями Аристотеля, а последний, как известно, осуждал тиранию как одну из форм неправильного государственного строя, можно заключить, что Карпов является сторонником не столько самодержавия, сколько монархии с элементами гражданского общества и правового государства, тем самым противопоставляя произвол тирана правовому порядку (Клибанов, 1996, с. 216). К слову, в произведении «Тайная тайных»²⁷, представляющем собой сборник цитат Аристотеля и распространенном на Руси в XVI в., также содержатся множественные призывы к царю соблюдать законы.

²¹ Пересветов, И. С. (1956). *Сочинения И. Пересветова*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. С. 226.

²² Челобитные Ивана Пересветова. Большая челобитная (2010). В *Памятники общественной мысли Древней Руси* (Т. 3: Московская Русь). Москва. С. 420–421.

²³ Пересветов, И. С. (1956). *Указ. соч.* С. 229.

²⁴ «Благохотящим царем правительства и землемерие» Ермолая-Еразма (2010). В *Памятники общественной мысли Древней Руси* (Т. 3: Московская Русь). Москва. С. 307, 310.

²⁵ Слово о разсуждении любви и правде на побеждении вражде и лже (1996). В Клибанов, А. И. *Духовная культура средневековой Руси*. Москва. С. 320 и далее.

²⁶ Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу (2010). В *Памятники общественной мысли Древней Руси* (Т. 3: Московская Русь). Москва. С. 411.

²⁷ Тайная тайных (2010). В *Памятники общественной мысли Древней Руси* (Т. 3: Московская Русь). Москва.

События Смуты, как отмечается в литературе, привели к тому, что отношение к монарху как к наследственному, богоизбранному и не подсудному человеческому суду главе государства стало вызывать очень серьезные сомнения (Лихачев, 1970, с. 22). Действительно, человеческий суд совершился над Годуновым, Шуйским и многими самозванцами (впрочем, во всех этих случаях львиная доля претензий к этим правителям была связана с их правами на престол), а практика земских соборов воплощала идею о том, что власть должна опираться на широкие массы и народное мнение. Так, для неизвестного автора сочинения «О причинах гибели царств» особое значение имеет «единомысленье начальников с поддаными» (Салмина, 1954, с. 332–333, 342). Крепкая власть, полагает он, основывается не на страхе, а на любви подданных; законы, в свою очередь, должны основываться на общественном настроении (Салмина, 1954, с. 344). Здесь мы видим зачатки демократического идеала. Вместе с тем Иван Тимофеев и Авраамий Палицын, описывая события Смуты, выступают против безмолвной рабской покорности несправедливым властителям. Тимофеев в своем «Временнике» обосновывает вполне демократические идеалы, опираясь на уже существующую практику земских соборов (Золотухина, 1988). Отметим также, что «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском» – агитационное патристическое произведение, оформленное как призыв современников к вооруженному сопротивлению против иностранных интервентов и Семибоярщины, обосновывает возможность восстания против предателей даже без прямой на то воли государя, по своей «правде»²⁸.

Когда Смута была преодолена, авторы XVII в. в целом, как представляется, продолжили прежнюю интеллектуальную традицию. Например, в стихотворениях выдающегося поэта и интеллектуала середины XVII века, приближенного царя Алексея Михайловича – Симеона Полоцкого²⁹, можно найти восхваление идеалов справедливого правления, беспристрастного суда, воздаяния по заслугам и т.д. Симеон Полоцкий, в сущности, говорит не просто о незыблемости законов, а именно о правовом государстве, ведь сильная власть, согласно его логике, нужна для того, чтобы обеспечить безопасность общества, равное отношение к бедным и к богатым, к простолюдином и ко влиятельным людям, а социальное положение человека, в свою очередь, должно зависеть от труда и заслуг. Самоуправство царя резко критикуются в стихотворении «Правды безместие» (осуждается царь, который убил боярина за то, что тот упрекнул его в пьянстве). А в стихотворении «Истина» царь вообще ставится автором в сложнейшее положение: следуя букве им же установленного закона, он должен в наказание за прелюбодеяние выколоть оба глаза своему сыну. Народ молит пощадить

²⁸ *Новая повесть о преславном Российском царстве и великом Государстве Московском* (1907). Санкт-Петербург. Стб. 25.

²⁹ Цитаты из стихотворений взяты по изданию: Симеон Полоцкий (1953). *Избранные сочинения*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. Некоторые стихотворения можно найти в: Симеон Полоцкий (1990). *Вирши*. Минск: Мастацкая літаратура.

виновника, но царь непреклонен: за преступление должно следовать наказание («правды не растлю»). И лишь ввиду исключительности этого случая и просьба народа царь постановляет выколоть сыну один глаз, второй же постановляет выколоть самому себе. Также следует упомянуть Юрия Крижанича, хорватского интеллектуала, который, пребывая в ссылке в Тобольске, написал главный труд своей жизни – «Политику»³⁰. В этом труде Крижанич, в частности, призывает изменять существующие законы во имя правды и утверждает, что цари не могут оправдываться тем, что «грабительские и людодержские» законы установлены их предками (разд. 28, п.п. 3–4).

В целом, мы видим, что мыслители XVI–XVII вв., не оспаривая власть царя, указывали на то, что, во-первых, его правление должно быть справедливым, во-вторых, царь сам должен подчиняться законам и правде (а во время Смуты даже отстаивалась возможность сопротивления «неправедному» царю). Кроме того, как утверждает некоторыми исследователями, «для отечественных мыслителей на протяжении почти шести веков до Петра I «советное» начало было необходимой составляющей верховной власти» (Горянин, 2010а, с. 59), т.е. предполагалось, что правитель никогда не принимает решение единолично. Общий вывод состоит в том, что в полемической литературе нет такого безусловного принятия самодержавной власти царя, которое свойственно официальным документам эпохи. И пусть практика земских соборов в конечном счете канула в лету, а победила тенденция к самодержавию (притом что восстановление династического правления и укрепление государства после Смуты вновь возродило веру в его правду), не следует забывать те важные оговорки, которые делали мыслители, писатели и интеллектуалы, отстаивая необходимость монаршей «грозы». «Бунташный» XVII в. – когда народ прямо высказывал власти свое недовольство, а в среде раскольников царь из-за измены православию вообще потерял легитимность (Черников, 2002, с. 128–130) – тому подтверждение.

Православие

В XV–XVI вв. «оформляется и получает теоретическую разработку идея государства Правды, которая в русском культурном пространстве воплощается в концепции православного Царства. Философия Царства, – разъясняет М. В. Черников, – ...предполагает примат трансцендентного божественного начала, во имя которого должна быть организована земная жизнь, а непосредственная ответственность за реализацию такого устройства возлагается на Царя как помазанника Божьего» (Черников, 2002, с. 44). Мысля себя «третьим Римом», Русское государство активно воспринимает эту философию и с этой целью начинает активную борьбу с инакомыслием. К началу XVI века относится один из самых ярких памятников религиозной нетерпимости православной церкви – «Слово об осуждении еретиков» выдающегося духовного деятеля Иосифа

³⁰ Крижанич, Ю. (1997). *Политика*. Москва: Новый свет.

Волоцкого, – где автор выступает за массовые казни еретиков³¹. Причем, как отмечает А. Л. Юрганов, для Иосифа Волоцкого ересь жидовствующих заключается уже в том, что они посмели черпать знания из иных источников (Юрганов, 1998, с. 76–77). Обличению еретиков, которые глаголят «на Бога неправду», уделяют особое внимание в это время и летописцы³². «От верующего – резюмирует А. И. Клибанов, – требовалось быть не “христианской” личностью, как в минувшие века, а дисциплинированным адептом церкви, следовавшим всему, чего требовали от него наружное благочестие и внешняя обрядовость» (Клибанов, 1996, с. 104). Такие памятники, как «Стоглав», «Домострой» и «Степенная книга», «Четьи-Минеи», были направлены на унификацию всех сфер жизни и мировоззрения человека в соответствии с идеалом Православного Царства. В отношении «Домостроя» Д. С. Лихачев замечает: «Упорядоченность быта оказывалась почти обрядовой, даже приготовление пищи – почти церковным таинством, послушание – почти монастырским, любовь к родному дому и хозяйствование в нем – настоящим религиозным служением... нарушение домашнего обряда – почти церковный грех» (Лихачев, 2000, с. 14).

Однако сказанное вовсе не означает, что подобные взгляды были свойственны всей верхушке тогдашнего общества. Достаточно сказано, что та же ересь жидовствующих была распространена как раз в кругах правящей элиты (Зимин, 1982, с. 84–85). Против жестоких наказаний еретиков выступили так называемые заволжские старцы-нестяжатели (иноки белозерских и вологодских монастырей), во главе которых стоял Нил Сорский (его последователь Вассиан Патрикеев написал сразу несколько полемических произведений против позиции Иосифа Волоцкого по еретикам). Основываясь на евангельском учении о любви и милостыне, на соборе 1490 г. а затем в двух посланиях (1504 и 1505 гг.) они требовали гуманного отношения к жидовствующим, предлагая отлучать от церкви лишь упорных еретиков, а раскаявшихся прощать совершенно. И хотя впоследствии в споре между нестяжателями и иосифлянами власть поддержала последних, торжество философии Православного Царства продлилось недолго: во-первых, в литературе продолжали высказываться альтернативные мнения, во-вторых, сама власть сделала многое, чтобы дискредитировать свою философию.

В первую очередь необходимо отметить одного из самых известных мыслителей XVI в. – Ивана Пересветова, который высказывает чрезвычайно смелую мысль о том, что правда первенствует над верой, поэтому вера без правды – ничто. Он иллюстрирует это на двух примерах. Во-первых, он заявляет, что православные греки, которые «читали Евангелие, иные же слушали, но Божьей воли не исполняли»³³, оказались менее угодны Богу, чем магометане турки, которые хотя и не имели истинной веры, но «правду» осуществляли. В этом он видит причину падения Византии. Во-вторых, Пересветов предпринимает попытку

³¹ Иосиф Волоцкий, преподоб. (2011). *Указ. соч.* С. 398.

³² ПСРЛ (Т. 12). С. 224.

³³ Челобитные Ивана Пересветова. Большая челобитная (2010). В *Памятники общественной мысли Древней Руси* (Т. 3: Московская Русь). Москва. С. 425.

критики политических и правовых устоев Московского царства, утверждая, что в нем хоть и есть вера, но нет правды. Данную мысль, он, конечно, излагает чужими устами, а именно от имени неизвестного «москвитянина» Васьки Мерцалова, находящегося на службе у «молдавского господаря». По логике автора, «правда» и без «веры» угодна Богу (у турок), но «вера» без «правды» (у Константина) ведет лишь к гибели. Пересветов прямо заявляет, что «не веру любит Бог, [а] правду»³⁴.

На самом деле Пересветов – не единственный, кто высказывает подобную мысль. Она была свойственна, например, взглядам еретиков конца XV в., утверждавших, что «приятным Богу» может стать представитель любого «языка», лишь бы он «творил правду». Вероятно, той же позиции придерживался купец Афанасий Никитин, который в своем «Хождении за три моря» (втор. пол. XV в.) недвусмысленно (правда, зашифровано, по-персидски) заявляет: «Мухаммедова вера годится»³⁵ (таким образом, главное – моральная чистота, т.е. правда, а не вера как таковая). О том, что Бог любит правду, а не веру как таковую, мы читаем и в «Повестях отца Пафнутия» (кон. XV в.), а также в анонимном «Слове о правде и неправде». Пафнутий Боровский, будучи духовным учителем Иосифа Волоцкого, хотя и считал, что некрещеным путь в рай заказан, в своих рассказах изобрел нечто вроде чистилища (где не было ни райских блаженств, ни адских мук) для «милостивого и добродетельного» агарянина (Клибанов, 1977, с. 30–31). О том, что спасение прежде всего в делах, сказано и в сборнике Соловецкого монастыря XVI в. («Слово св. отец о постах»)³⁶. В середине XVI века схожие идеи можно почерпнуть у таких еретиков, как Матвей Башкин (Зимин, 1958) и Феодосий Косой³⁷. Наконец, в «Казанской истории» (написанной во втор. пол. XVI в. сторонником Ивана Грозного) содержится эпизод, когда ногайские мурзы, отвечающие на призыв турецкого султана из Константинополя объединиться с Казанью в борьбе против Москвы, указывают, что их государство существует до сих пор исключительно благодаря помощи московского царя, поэтому помогать единоверцам-казанцам было бы проявлением неправды³⁸. Таким образом, и здесь правда оказывается выше веры, но уже «басурманской». Одним словом, постепенно в литературе проскальзывает мысль о том, что правда важнее веры, причем эта мысль свойственна как еретикам, так и ортодоксальному духовенству и сторонникам действующей власти.

Как этот тезис согласуется с идеалом построения Православного Царства? Конечно, противопоставление веры и правды не следует понимать в том смысле,

³⁴ Там же. С. 422–425.

³⁵ Никитин, А. Хождение за три моря Афанасия Никитина. В БЛДР (Т. 7). С. 374, 375.

³⁶ *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы* (1897). Вып. 3. Санкт-Петербург. С. 63.

³⁷ Об умствованиях Косого (из «Многословного послания»). В БЛДР (Т. 10). С. 246.

³⁸ Казанская история. В БЛДР (Т. 10). С. 370.

что религия не важна. А. Л. Юрганов, анализируя контексты употребления слов «вера» и «правда», приходит ко вполне аргументированному выводу: смысл противопоставления указанных категорий для средневекового человека был не таким, как для современного. Дело в том, что в ту эпоху под верой обычно понимали различные религиозные обряды, ритуалы и таинства, пищевые ограничения и особенности быта, то есть внешнюю сторону той или иной религии (Юрганов, 1998, с. 45). Правда, в свою очередь, ассоциировалась с сутью религиозного учения. Таким образом, противопоставление веры и правды оказывается противопоставлением формы и содержания религии (при этом вера в Бога как таковая под сомнение вообще не ставится). Отсюда, в той мере, в какой заветы ислама и христианства совпадают, мусульмане следуют правде. Между тем А. И. Клибанов отмечает, что в сочинениях Пересветова та «вера», которую он противопоставляет «правде», есть формально-обрядовая, внешняя, лицемерная вера, и для Пересветова также важно, чтобы правда осуществлялась с определенным духовным настроем; говоря о правде, он, в частности, неоднократно упоминает сердце (Клибанов, 1996, с. 227, 235). Таким образом, речь идет не о принижении религии, а наоборот, о подчеркивании ее сути: в контексте правды такие просветители, как Ермолай-Еразм³⁹ и Максим Грек⁴⁰, говорят в первую очередь о любви; с правдой у большинства авторов связаны также конкретные социально-политические программы. Но в любом случае противопоставление веры и правды явно контрастирует с государственной философией устройства Православного Царства на Земле, а также с исходящей от сторонников власти религиозной нетерпимостью.

Здесь же следует упомянуть тот факт, что начиная с XIV в. (благодаря Сергию Радонежскому) на Руси получает распространение исихазм – традиция духовной практики, основанной на уединенной молитве и имеющей целью «обожение» человека, т.е. соединения его с Богом через действие благодати (отсюда распространяются институт старчества, скитское отшельничество, затворничество и т.п.). Получив в 1351 г. официальный статус в Византии благодаря деятельности Григория Паламы, исихазм не успел развиваться там по причине гибели самой империи спустя чуть более чем 100 лет, тогда как в Русском государстве он пустил прочные корни (к его сторонникам относятся Нил Сорский, Максим Грек и др.) и стал отличительной чертой восточного христианства. Однако очевидно, что в рамках исихазма роль церковной организации, канона, литургии и т.п. (т.е. строгой регламентации внешней стороны религии) отходит на второй план, а ключевой становится духовная активность самого человека-богоискателя. И это вновь вступает в противоречие с идеей Православного Царства.

³⁹ Слово о разсуждении любви и правде на побеждении вражде и лже (1996). В Клибанов, А. И. *Духовная культура средневековой Руси*. Москва. С. 319.

⁴⁰ Максим Грек, преподоб. (1911). *Сочинения Преподобного Максима Грека в русском переводе*. Ч. 3. Нравоучительные сочинения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. С. 134–135.

В конце концов, власть сама же и дискредитировала философию Православного Царства. Деспотизм Ивана Грозного, постоянное «закручивание гаек» подорвали силу и авторитет государства и привели в итоге к династическому кризису и Смутному времени. А после Смуты никакие притязания власти на вмешательство в личную жизнь и веру граждан уже не считались оправданными. Так, попытки государства осуществить церковную реформу, то есть вновь унифицировать обрядовую сторону религии, привели к Расколу. Как пишет М. В. Черников, на смену христианской стала приходиться новоевропейская мировоззренческая парадигма, ориентированная в большей степени на мирские идеалы (Черников, 2002, с. 135). Государство в условиях секуляризации сознания становится проводником земной, а не небесной правды. Церковь для многих также перестала быть высшим авторитетом в делах религии (помимо старообрядцев можно отметить лесных старцев, хлыстов и др. секты, появившиеся в XVII в.).

Наконец, следует обратить внимание на тот факт, что огромный пласт литературы XVII в. имеет нарочито светский характер. Внимание в них сосредоточено в первую очередь на «маленьком человеке», незнатном и небогатом (купеческий сын, спившийся монах и т.п.), а также на вопросах социальной справедливости. Так, главная цель авантюрных повестей второй половины XVII века – развлечение, а не назидание, поэтому зачастую они могут иметь явную католическую окраску (см.: Повесть о Петре Златых Ключей), которая уже никого не смущала. Герои этих повестей привлекают читателя не своим, прямо скажем, не христианским поведением, а смелостью, дерзостью, отвагой, силой и удачей, и хотя, конечно, поведение этих героев вовсе не выставляется как правильное, а сами повести переписываются не как «душеполезные», можно, по крайней мере, отметить заметный сдвиг в идеалах людей XVII века в сторону секуляризации. Написание и чтение книг в прежние времена считалось делом душеполезным, а потому строго регламентированным, теперь же это представление устаревает. Даже столь религиозный человек, как протопоп Аввакум, пишет: «Не токмо за изменение святых книг, и за мирскую правду... подобает душа своя положить» (Сарафанова, 1958, с. 389). Но если так, то ни о каком Православном Царстве на Земле уже не может быть и речи. Впрочем, взгляды Аввакума – это еще и примечательное исключение из тенденции воспринимать правду выше веры (ведь для него как раз церковный обряд был тем, ради чего стоило пожертвовать жизнью).

Таким образом, художественная и полемическая литература XVI–XVII вв. показывает, что христианская религия хоть и воспринимается как высшая правда, но идея, согласно которой государственную политику следует строить на религиозном фундаменте, терпит полное фиаско. Если самодержавие в последующие века все же «продавливается» как базовая ценность (и мы видим, например, такие пропагандистские произведения, как «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича), то секуляризацию сознания государство и далее будет вынуждено воспринимать как объективную данность (занимаясь скорее христианизацией нерусских народностей, чем борьбой с сектантством внутри самого

христианства). Соответственно, христианский идеал у множества мыслителей и авторов рассматриваемого периода либо вообще не связывается с государством, либо обуславливает лишь «мирскую» государственную политику (т.е. требования «земной» справедливости, в рамках которых этот идеал в целом совпадает с общечеловеческими ценностями).

Коллективизм

Рассмотрим вопрос о том, какое место у писателей и мыслителей XVI–XVII вв. занимает идеал коллективизма. Но для начала отметим, что философские дискуссии, в рамках которых противопоставляются индивидуализм и коллективизм, зачастую страдают от непроясненности базовых понятий и самого предмета спора. Представляется очевидным, например, что человек практически немислим вне общества, однако и общество абсолютно немисливо без людей. При этом вопрос о том, кто на кого больше влияет – человек на общество или наоборот – некорректен, поскольку в конечном счете речь в любом случае идет о влиянии одних людей на других; вопрос можно ставить лишь о степени и конкретных формах такого влияния. В действительности дихотомия индивидуализма и коллективизма – это вопрос о ценностях, а не о фактах. Так, возможность пожертвовать интересами индивида ради интересов общества (например, на войне) свидетельствует о примате коллектива, защита прав человека в ущерб целому, напротив, говорит об индивидуализме, хотя на практике любое общество сочетает обе эти ценности.

Свидетельствует ли литература Русского государства XVI–XVII вв. о том, что коллектив имеет большую ценность, чем личность? Общий анализ этой литературы показывает, что если XVI век был эпохой «обобщающих предприятий», когда и власть, и обращающиеся к ней интеллектуалы разрабатывали свои собственные проекты социального устройства (при этом авторы отстаивали необходимость защиты интересов зарождающегося дворянского сословия, и отчасти даже крестьян, обосновывая это справедливостью принципа «каждому по заслугам»), а период Смутного времени в свою очередь дал нам произведения, призывающие к жертвенности во имя защиты Родины и веры, то в XVII в., напротив, в литературных произведениях возрастает роль личного начала: герои различных повестей, будучи, как правило, незнатными, начинают свои злоключения с того, что нарушают выработанные традицией нормы и устои, при этом особое внимание авторы придают внутреннему миру героев, их мыслям и переживаниям, их желаниям и судьбе, словом – их индивидуальности, и именно это привлекает читателя (см., напр., Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о Савве Грудцыне, Повесть о Горе-злосчастии, Повесть о Еруслане Лазаревиче, Сказание о киевских богатырях и мн. др.). Также не следует забывать, что христианская религия сама по себе высоко ставит человеческую личность как «подобие Бога», а в традиции исихазма соединение ее с самим Богом занимает особое место, что в целом ориентирует на индивидуализм. Иначе говоря, общий вывод относительно литературы XVI–XVII вв. состоит

в том, что в ней в зависимости от исторической эпохи и обстановки большее внимание уделяется то индивидуальным, то социальным вопросам, но жертвенность во имя коллектива прямо отстаивается разве что во времена серьезных социальных потрясений (Смута).

Некоторый взгляд на доминирующие ценности рассматриваемого периода может дать анализ института коллективной ответственности. Этот институт – своего рода лакмусовая бумага: там, где практикуется круговая порука, личность «приносится в жертву» коллективу; там же, где круговой поруки нет, налицо тенденция к индивидуализму. И здесь оказывается, что литература предшествующих периодов древнерусской истории полна примеров круговой поруки. Эти примеры есть и в Русской правде (как Краткой, так и Пространной редакций, где община несет ответственность за убийство или браконьерство на своей территории, а семья преступника подвергается «потоку и разграблению» наряду с ним самим), и в летописных повествованиях, и в нравоучительных произведениях. Так, в летописях нередки эпизоды, в которых все жители поселения несут ответственность за действия своего князя, а также укрывающихся в этом поселении волхвов и преступников, а купцы несут ответственность и за князя, и за любого из сограждан, причем нередко используются как заложники⁴¹. В свою очередь, пожары, засухи, болезни и моры, нашествия и войны трактуются летописцами и духовными назидателями как коллективное наказание «за грехи и неправды» – это так называемая теория казней Божьих (Будовниц, 1960, с. 110). Одним словом, примеров много, и надо сказать, этот феномен в целом хорошо исследован (Dewey, Kleimola, 1984). Если же мы обратимся к источникам XVI–XVII вв., то увидим, что примеров оправдания коллективной поруки и в правовых памятниках, и в нравоучительной литературе становится несколько меньше. Конечно, события Смуты все еще нередко рассматриваются в контексте коллективной ответственности всего народа за свои грехи, ибо «правда в людях оскудела и воцарилась неправда»⁴², или же за «неправду», творимую царем (Годуновым, Шуйским и др.). Таким образом, восприятие Смуты как «казни Божьей» за грехи самого народа или его царя аналогично мировоззрению Киевской Руси, и примеров такого восприятия Смуты множество (см., напр., Плач о пленении и конечном разорении Московского государства, Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, Хронограф 1617 г., многочисленные произведения из жанра «видений» и т.д.). Это вполне можно трактовать как сохранение представлений о допустимости коллективной ответственности. Утверждается также, что в Московской Руси коллективная ответственность за неисполнение обязанности по предупреждению преступлений была возложена на жителей губных округов; однако со временем круговая порука сохраняется лишь для плательщиков податей, причем в XVIII–XIX вв.

⁴¹ Насонов, А. Н. (Ред.) (1950). *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. С. 212.

⁴² Перевезенцев, С. В. (Сост.) (2011). *Русская социально-политическая мысль, XI–XVII вв.: хрестоматия*. Москва: Изд-во Моск. ун-та. С. 332.

она все меньше применяется даже в фискальной сфере⁴³. Не случайно также, что в Судебнике 1550 г. и в Соборном Уложении 1649 г. мы не найдем примеров коллективной ответственности за преступления (по Соборному уложению ответственность за ряд преступлений против государства несут также и члены семьи преступника, но только если они знали о преступлении, то есть речь, по сути, идет о соучастии). В целом в рассматриваемый период мы наблюдаем постепенный отказ законодателя от принципа круговой поруки. Это коррелирует с особенностями литературы XVII в., поскольку герои бытовых повестей (напр., Савва Грудцын, Фрол Скобеев и безымянный герой Повести о Горе-злосчастьи), отрекаясь от своего рода-племени и самостоятельно выстраивая свою судьбу, ответственность за свои поступки и свой выбор также несут исключительно сами: если раньше представления о фатуме и судьбе касались зачастую целого рода, то теперь рок преследует исключительно конкретных лиц. Особенности беллетристики того времени, являясь одним из примеров секуляризации сознания, демонстрируют постепенное «затухание» теории «казней Божьих». Таким образом, в целом мы видим пусть слабую, но все же тенденцию к нормативному неприятию круговой поруки. И это, как представляется, можно трактовать как постепенное утверждение индивидуалистических идеалов.

Сказанное, впрочем, следует соотносить с той мыслью, что самодержавие само по себе есть, по-видимому, выражение идеала коллективизма (в противоположность индивидуалистической основе либерализма), а потому в той мере, в которой мыслители отстаивали необходимость самодержавия, они могут считаться сторонниками коллективизма. Так, проводя аналогии между обществом и организмом, самодержавца можно считать «мозгом» общества, задающим цели и средства его деятельности. Эти цели и средства не всегда нравятся отдельным «органам» (группам, слоям и т.п.) общества, но последние в итоге все-таки вынуждены подчиняться. Таким образом, интересы целого организма при самодержавном правлении довлеют над интересами его частей. Либерализм, в свою очередь, можно представить себе как некое устройство социального организма, в котором каждая «клетка» имеет собственную сферу, где она защищена от предписаний «мозга», преследуя свои собственные цели и избирая для этого средства по своему усмотрению, даже если это препятствует согласованным действиям всего организма (но, конечно, в той мере, в которой это не угрожает самому существованию организма). Иными словами, при либерализме индивидуальные цели гораздо чаще довлеют над коллективными. И здесь приходится констатировать, что в политико-правовой мысли рассматриваемого периода, конечно, вряд ли можно усмотреть даже зачатки либерализма. Однако в этом отношении Русское государство вовсе не было исключением. К тому же, акцент множества авторов на том, что царь должен править «по правде», наряду с активным оппонированием попыткам государства взять под полный контроль

⁴³ Водовозов, В. В. (1895). Круговая порука. В *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* (В 86 т. Т. 16-а, с. 836–839). Санкт-Петербург: Брокгауз и Ефрон.

идеологическую сферу, можно рассматривать как попытку обозначить ту самую сферу личной свободы.

При этом следует иметь в виду, что в допетровской Руси были широко распространены такие возможности отдельной личности, которые сегодня описываются через категорию прав человека, а именно: право на местное самоуправление, право обжаловать действия кормленщиков, право подавать челобитные царю и направлять своих представителей в земские соборы, право частной собственности (в том числе на землю), право на защиту чести, защиту от произвольного ареста, на справедливый суд и на участие в судопроизводстве (Горянин, 2010b). Любопытно также, что приглашая на московский престол польского королевича Владислава, тушинцы заключили с ним договор, в котором указали, что «вера есть дар Божий, и ни совращать силой, ни притеснять за веру не годится», а также предусмотрели право «каждому из народа московского для науки вольно ездить в другие государства христианские» (Ключевский, 1988, с. 42). Конечно, наряду с перечисленными правами существовали крепостное право, наследственная власть царя, произвол царя и его наместников, сословное деление, общинные обязанности, неравноправие в семье и т.п. Но в целом отсутствие полемических произведений, отстаивающих личные свободы, вовсе не говорит о том, что этих свобод в действительности не было.

Выводы

Итак, в контексте воззрений на правду была рассмотрена политико-правовая мысль Русского государства XVI–XVII в. Это рассмотрение было осуществлено применительно к трем базовым ценностям, с которыми в литературе связывается российская цивилизация: самодержавие, православие и коллективизм. Мы увидели, что политико-правовые взгляды образованной элиты тогдашнего общества не являются монолитными. С одной стороны, выделяется официальная точка зрения, оправдывающая абсолютную единоличную власть, а также построение Православного Царства. Эта позиция содержится в летописях, в высказываниях самих монархов, а также излагается авторами, чьи мысли власть взяла на вооружение. С другой стороны, налицо оппозирующие точки зрения, согласно которым власть монарха должна быть ограничена благом подданных, справедливостью и законом, царю должны быть присущи христианские добродетели, неправедных царей можно и нужно свергать, при этом государство не должно увлекаться религиозным миссионизмом, регламентировать внешние проявления религиозности своих подданных, а вместо этого должно обратиться к идеалу светской справедливости, будучи терпимым к инакомыслящим. Эти идеи исходят либо от тех, кто прямо противостоит монарху, либо от тех, кто просто обращается к нему с рекомендациями. Одновременно в политико-правовой мысли рассмотренного периода отсутствуют какие-то четкие указания на доминирование в среде привилегированных сословий идеала коллективизма. Вообще, дихотомия индивидуализм-коллективизм тогда попросту не существовала, так как не было самой идеи прав человека. Но это

не значит, что мыслители того периода не принимали идеал личной свободы. Скорее, они просто не акцентировали на нем (равно как и на его противоположности) своего внимания.

Список литературы

1. Алексеев, Ю. Г. (1991). *Государь всея Руси*. Новосибирск: Наука.
2. Будовниц, И. У. (1960). *Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.)*. Москва: Изд-во Акад. наук СССР.
3. Вальденберг, В. Е. (2006). *Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века*. Москва: Издат. дом «Территория будущего».
4. Горянин, А. Б. (2010а). Своими путями. Русские демократические традиции. Статья первая. *Вопросы национализма*, 2(2), 46–64.
5. Горянин, А. Б. (2010б). Своими путями. Русские демократические традиции. Статья третья. Права человека в допетровской Руси. *Вопросы национализма*, 4(4), 132–150.
6. Зимин, А. А. (1958). Вольнодумец Башкин и его единомышленники. В М. Н. Тихомиров (Отв. ред.), *И. С. Пересветов и его современники* (с. 168–181). Москва: Изд-во Акад. наук СССР.
7. Зимин, А. А. (1982). *Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-полит. истории)*. Москва: Мысль.
8. Золотухина, Н. М. (1988). Концепция сословно-представительной монархии в русской средневековой политической теории. *Правоведение*, 1, 47–56.
9. Казакова, Н. А. (1958). Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. В В. Цеткова, 2015; И. Малышев (Отв. ред.), *Труды Отдела древнерусской литературы* (Т. 14, с. 241–246). Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР.
10. Клибанов, А. И. (1977). *Народная социальная утопия в России. Период феодализма*. Москва: Наука.
11. Клибанов, А. И. (1996). *Духовная культура средневековой Руси*. Москва: Аспект Пресс.
12. Ключевский, В. О. (1988). *Сочинения* (В 9 т. Т. 3). Москва: Мысль.
13. Кожаев, М. М. (2010). Философская доктрина самодержавной власти преподобного Иосифа Волоцкого. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*, 2, 3–12.
14. Лихачев, Д. С. (1970). *Человек в литературе Древней Руси*. Москва: Наука.
15. Лихачев, Д. С. (2000). Литература «государственного устройства» В Библиотека литературы Древней Руси (Т. 10, с. 5–17). Санкт-Петербург: Наука.

16. Резванов, Р. И. (2017). «Правительница» Ермолая-Еразма: pro et contra в идеологии реформационного проекта XVI в. *Развитие территорий*, 1(7), 6–11.
17. Салмина, М. А. (1954). «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века. В В. П. Адрианова-Перетц (Отв. ред.), *Труды Отдела древнерусской литературы* (Т. 10, с. 332–352). Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР.
18. Сарафанова, Н. С. (1958). Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. В В. И. Малышев (Отв. ред.), *Труды Отдела древнерусской литературы* (Т. 14, с. 385–390). Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР.
19. Усмонов, А. (2012). Историческая наука и цивилизационный подход. *Ученые записки Худжандского государственного университета им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки*, 1(29), 135–147.
20. Хантингтон, С. (2017). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ.
21. Черников, М. В. (2002). *Философия правды в русской культуре* [Дис. ... д-ра филос. наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого]. Российская государственная библиотека. <https://search.rsl.ru/ru/record/01002311962?ysclid=lxlm5qcoas637978993>
22. Юрганов, А. Л. (1998). *Категории русской средневековой культуры*. Москва: МИРОС.
23. Dewey, H. W., & Kleimola, A. M. (1984). Russian Collective Consciousness: The Kievan Roots. *The Slavonic and East European Review*, 62(2), 180–191.

References

1. Alekseev, Yu. G. (1991). *Gosudar' vseya Rusi* [The Sovereign of all Russia]. Novosibirsk: Nauka.
2. Budovnits, I. U. (1960). *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Drevney Rusi (XI–XIV vv.)* [Socio-political thought of Ancient Russia (XI–XIV centuries)]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
3. Chernikov, M. V. (2002). *Filosofiya pravdy v russkoy kul'ture* [The philosophy of pravda in Russian culture] [Dissertation, Yaroslav the Wise Novgorod State University]. Russian State Library. <https://search.rsl.ru/ru/record/01002311962?ysclid=lxlm5qcoas637978993>
4. Dewey, H. W., & Kleimola, A. M. (1984). Russian Collective Consciousness: The Kievan Roots. *The Slavonic and East European Review*, 62(2), 180–191.
5. Goryanin, A. B. (2010). Svoimi putyami. Russkie demokraticheskie traditsii. Stat'ya pervaya [In their own ways. Russian democratic traditions. The first article]. *Voprosy natsionalizma*, 2(2), 46–64.
6. Goryanin, A. B. (2010). Svoimi putyami. Russkie demokraticheskie traditsii. Stat'ya tret'ya. Prava cheloveka v dopetrovskoy Rusi [In their own ways. Russian democratic traditions. The third article. Human rights in pre-Petrine Russia]. *Voprosy natsionalizma*, 4(4), 132–150.

7. Huntington, S. (2017). *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Moscow: AST.
8. Kazakova, N.A. (1958). Krest'yanskaya tema v pamyatnike zhitiynoy literatury XVI v. [The peasant theme in the monument of hagiographic literature of the XVI century]. In V.I. Malyshev (Resp. ed.), *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* (Vol. 14, pp. 241–246). Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
9. Klibanov, A.I. (1977). *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma* [A popular social utopia in Russia. The period of feudalism]. Moscow: Nauka.
10. Klibanov, A. I. (1996). *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoy Rusi* [The spiritual culture of medieval Russia]. Moscow: Aspekt Press.
11. Klyuchevskiy, V.O. (1988). *Sochineniya* (V 9 t. T. 3) [Writings (Vol. 3)]. Moscow: Mysl'.
12. Kozhaev, M.M. (2010). Filosofskaya doktrina samodержавной власти prepodobnogo Iosifa Volotskogo [The Philosophical doctrine of the autocratic power of St. Joseph Volotsky]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2, 3–12.
13. Likhachev, D. S. (1970). *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Personality in the literature of Ancient Russia]. Moscow: Nauka.
14. Likhachev, D. S. (2000). Literatura “gosudarstvennogo ustroeniya” [The literature of the “state building”]. In *Biblioteka literatury Drevney Rusi* (Vol. 10, pp. 5–17). St. Petersburg: Nauka.
15. Rezvanov, R.I. (2017). “Pravitel'nitsa” Ermolaya-Erazma: pro et contra v ideologii reformatsionnogo proekta XVI v. [“The governess” by Ermolai-Erasmus: pro et contra in ideology of reformation project of XVI century]. *Razvitie territoriy*, 1(7), 6–11.
16. Salmina, M. A. (1954). “O prichinakh gibeli tsarstv”, sochinenie nachala XVII veka [“On the causes of the death of kingdoms”, an essay of the beginning of the XVII century]. In V. P. Adrianova-Peretts (Resp. ed.), *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* (Vol. 10, pp. 332–352). Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
17. Sarafanova, N. S. (1958). Ideya ravenstva lyudey v sochineniyakh protopopa Avvakuma [The idea of equality of people in the writings of Archpriest Avvakum]. In V.I. Malyshev (Resp. ed.), *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* (Vol. 14, pp. 385–390). Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
18. Usmonov, A. (2012). Istoricheskaya nauka i tsivilizatsionnyy podkhod [Historical science and civilizational approach]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. B. Gafurova. Gumanitarnye nauki*, 1(29), 135–147.
19. Valdenberg, V.E. (2006). *Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoy vlasti: Ocherki russkoy politicheskoy literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka* [Ancient Russian Teachings on the Limits of Tsarist Power: Essays of Russian Political Literature from Vladimir the Saint to the end of the XVII century]. Moscow: Izdat. dom “Territoriya budushchego”.

20. Yurganov, A. L. (1998). *Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [Categories of Russian medieval culture]. Moscow: MIROS.

21. Zimin, A. A. (1958). Vol'nodumets Bashkin i ego edinomyslenniki [The free-thinker Bashkin and his associates.]. In M. N. Tikhomirov (Resp. ed.), *I. S. Peresvetov i ego sovremenniki* (pp. 168–181). Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

22. Zimin, A. A. (1982). *Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletiy: (Ocherki sotsial'no-polit. istorii)* [Russia at the turn of the XV–XVI centuries: (Essays on socio-political history)]. Moscow: Mysl'.

23. Zolotukhina, N. M. (1988). Kontsepsiya soslovno-predstavitel'noy monarkhii v russkoy srednevekovoy politicheskoy teorii [The concept of limited monarchy in russian medieval political theory]. *Pravovedenie*, 1, 47–56.

Информация об авторе

Николай Александрович Шавеко, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, e-mail: shavekonikolai@gmail.com

Information about the author

Nikolai Alexandrovich Shaveko, PhD in legal sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, e-mail: shavekonikolai@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРОВАЛА «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» (НА ПРИМЕРЕ «ВАСИЛЬКОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В БЕЛАРУСИ)

Александр Олегович Наумов,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
naumovao@my.msu.ru

Анастасия Юрьевна Наумова,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
naumova.au@rggu.ru

Наталья Павловна Иващенко,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
nivashenko@mail.ru

Получена 03.11.2023.

Поступила после рецензирования 26.02.2024.

Принята к публикации 29.03.2024.

Для цитирования: Наумов А. О., Наумова А. Ю., Иващенко Н. П. К вопросу о причинах провала «цветных революций» (на примере «васильковой революции» в Беларуси) // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 72–89. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_72

Аннотация

Целью статьи является всестороннее исследование причин провала «цветной революции» в Республике Беларусь весной 2006 года, известной как «васильковая революция». Актуальность работы заключается в необходимости изучения не только успешных государственных переворотов в Восточной Европе, Закавказье и Центральной Азии, организованных с помощью деструктивных технологий «мягкой силы» в самом начале XXI века, но и неудачных операций по смене политических режимов в этот же временной период. В качестве ключевых научных методов используются системный, институциональный и компаративистский подходы. В работе подвергаются анализу политические технологии, институты и инструменты реализации «васильковой революции», а также контрмеры, предпринятые со стороны официальных властей во главе с президентом А. Лукашенко для ее недопущения. Проводится сравнительный анализ «цветной революции» в Республике Беларусь, с одной стороны, и «бульдозерной революции» в Сербии, «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» на Украине и «тюльпановой революции» в Киргизии – с другой. Вычленяются как общие черты, характерные для данных «революций», в том числе оказанная оппозиционным силам значительная поддержка из-за рубежа, так и целый ряд серьезных различий между успешными государственными переворотами 2000–2005 гг. и белорусским кейсом 2006 года. Авторы приходят к выводу, что главной причиной провала «васильковой революции» стало отсутствие объективных социально-экономических причин и предпосылок для массового народного недовольства, а также монолитность правящего режима, готового использовать собственное право на легитимное насилие для подавления незаконных действий оппозиции и защиты конституционного строя в Республике Беларусь.

Ключевые слова:

«цветные революции», Республика Беларусь, Лукашенко, «васильковая революция», «бульдозерная революция», «революция роз», «оранжевая революция», «тюльпановая революция»

Источники финансирования:

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 24-ШО5-08.

TO THE QUESTION OF REASONS FOR THE FAILURE OF COLOR REVOLUTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE CORNFLOWER REVOLUTION IN BELARUS)

Aleksandr O. Naumov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
naumovao@my.msu.ru;

Anastasiya Yu. Naumova,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,
naumova.au@rggu.ru;

Natalia P. Ivashchenko,

DSc (Economics), Professor
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
nivashenko@mail.ru

Received 03.11.2023.

Revised 26.02.2024.

Accepted 29.03.2024.

For citation: Naumov, A. O., Naumova, A. Yu., & Ivashchenko, N. P. (2024). To the Question of Reasons for the Failure of Color revolutions (on the Example of the Cornflower Revolution in Belarus). *Discourse-P*, 21(2), 72–89. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_72

Abstract

The article focuses on reasons for the failure of the Color revolution in the Republic of Belarus (known as the Cornflower revolution) that happened in the spring of 2006. Apart from successful *coups d'état* that took place in Eastern Europe, South Caucasus and Central Asia at the beginning of XXI century, it is very essential to investigate those unsuccessful attempts to change a political regime in the same period of time and also based on destructive soft power technologies. The article relies on systematic, institutional and comparative approaches in research of political technologies implemented in the Cornflower revolution and countermeasures taken by the official authorities headed by the President A. Lukashenko. A comparative analysis is carried out in relation to the tech-

nologies implemented in the Color revolutions in the Republic of Belarus, on the one hand, and the Bulldozer revolution in Serbia, the Rose revolution in Georgia, the Orange revolution in Ukraine and the Tulip revolution in Kyrgyzstan, on the other hand. Common characteristics of these *coups d'état* are identified, including significant support that opposition received in these cases from abroad, as well as a number of serious differences between the successful *coups* of 2000–2005 and the Belarusian case in 2006. The authors conclude with the idea that the Cornflower revolution mainly failed due to lack of socio-economic reasons and preconditions for civil disturbances, as well as due to the political regime being monolithic in nature. The regime was ready to use its own right to legitimate violence in order to suppress illegal actions performed by the opposition and to protect the constitutional order in the Republic of Belarus.

Keywords:

Color revolutions, Republic of Belarus, Lukashenko, Cornflower revolution, Bulldozer revolution, Rose revolution, Orange revolution, Tulip revolution

Funding:

This work was done with the Support of MSU Program of Development, Project № 24-SO5-08.

Введение

В самом начале XXI века в Югославии, Грузии, Украине и Киргизии состоялись «цветные революции». Эти события хронологически уместились в сравнительно небольшой период: от свержения С. Милошевича осенью 2000 г. до падения А. Акаева в апреле 2005 г. прошло менее пяти лет. Тем не менее, они оказали мощное воздействие во времени и пространстве на развитие геополитических процессов, особенно на постсоветском пространстве. Казалось, что отработанная западными политтехнологами во время «бульдозерной революции» в Югославии (точнее – в Сербии) 2000 г., а затем успешно апробированная в ходе «революции роз», «оранжевой революции» и «тюльпановой революции» в Грузии, Украине и Киргизии, соответственно, схема ненасильственного демонстрация авторитарных режимов не может и не должна давать сбой. Однако события в Республике Беларусь весной 2006 г. доказали обратное.

Стоит отметить, что по теме успешных «цветных революций» российскими специалистами написано большое количество статей и издан ряд серьезных монографий (Пономарева, Рудов, 2012; Родькин, 2015; Карпович, Манойло, 2015; Филимонов и др., 2016; Гапич, Лушников, 2014; Данюк, 2018; Наумов, 2023; Наумов и др., 2023), не говоря уже об огромном массиве материалов публицистического характера. Однако системное изучение причин провала

«васильковой революции» (именно такое название закрепилось за неудачной попыткой госпереворота в Белоруссии в отечественном общественно-политическом и научном дискурсе) до сих пор не предпринималось. В зарубежной историографии проблема «джинсовой революции», как ее именуют западные авторы, также не становилось предметом отдельного исследования. Ликвидации этого пробела и посвящена данная статья.

В работе применялись различные методологические подходы, ключевым из которых стал системный подход, постулирующий, что объект исследования – это система, состоящая из взаимосвязанных элементов и развивающаяся в конкретно-исторических условиях. Применительно к рассматриваемой научной проблеме такой системой являются «цветные революции» – государственные перевороты, осуществленные с помощью импортированных из-за рубежа деструктивных технологий «мягкой силы». При этом речь идет именно о первой волне «цветных революций» начала XXI века («бульдозерная революция» в Сербии, «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине и «тюльпановая революция» в Киргизии), значительно отличавшихся от «цветных революций 2.0», которые были осуществлены уже с активным использованием новейших информационно-коммуникативных технологий (социальных сетей, видеохостингов, мессенджеров) и характеризовались гораздо более высоким уровнем насилия между протестующими и органами правопорядка («жасминовая революция» в Тунисе, «революция 25 января» в Египте, «Евромайдан» на Украине, а также ряд неудавшихся попыток государственных переворотов, включая события 2020 г. в Беларуси). Важным для исследования стал и метод сравнительного анализа, который дает возможность проверять теории в различных условиях и оценивать причины, масштабы и значимость определенных событий, способствуя проведению обобщений, а также сопоставлению признаков и характеристик исследуемых явлений («васильковой революции», с одной стороны, и «цветных революций» 2000–2005 гг., с другой) на предмет нахождения между ними общих и особенных свойств. Использование институционального подхода, в свою очередь, позволило провести анализ политических институтов Республики Беларусь в их динамике в ходе электоральных процессов 2000-х гг. Наконец, учитывая междисциплинарный характер исследуемой проблемы, актуальным стало ее изучение и в рамках концепций «электоральных революций», «патронажного президентства», «превентивного авторитаризма» и других политологических подходов.

В рамках указанных выше методологических подходов были всесторонне проанализированы причины провала операции по смене режима в Беларуси в 2006 г., а «васильковая революция» была рассмотрена не только в качестве отдельного общественно-политического явления, но и через призму многогранного феномена «цветных революций» в целом.

Общественно-политическое развитие Республики Беларусь в 2001–2005 гг.

Попытка осуществить «цветную революцию» в Белоруссии была предпринята еще 2001 г., однако сымитировать «электоральную революцию» по сербскому сценарию оппозиции тогда не удалось. Большинство населения поддерживало проводимый президентом А. Лукашенко курс на социально-экономическое развитие страны и тесное сотрудничество с Российской Федерацией и не было готово участвовать в массовых акциях протеста и, тем более, в срежиссированной на Западе операции по демонтажу правящего режима. Поражение привело к поиску «козла отпущения» внутри протестного лагеря, а публичные обвинения журналистов и недовольных активистов в растрате средств на продвижение так называемых программ в поддержку демократии еще более усугубили положение противников правящего режима (Silitski, 2005, p. 90–91). Надо отметить, что белорусская оппозиция в целом представляла собой весьма противоречивый феномен. Амбиции лидеров, неспособность к консолидации и выражению интегрированной позиции по большинству вопросов, превалирование в рамках избирательных кампаний шаблонных схем деятельности без учета специфики социально-политического контекста, отрыв от реальной политики (Стром, 2013, с. 67, 69–70), – вот далеко не полный список проблем, характерных для противников режима Лукашенко.

Несмотря на объективную слабость оппозиции, к президентским выборам 2006 года официальные власти Белоруссии начали готовиться заранее. На 17 октября 2004 г. в стране были назначены парламентские выборы, а также республиканский референдум, по итогам которого Лукашенко рассчитывал получить право баллотироваться на очередной президентский срок. В обоих случаях безоговорочная победа осталась за действующей властью. Разумеется, эти результаты при поддержке Запада были немедленно подвергнуты критике со стороны оппозиции, которая вновь попыталась вывести людей на улицы и устроить массовые протесты, однако они собрали не более пяти тысяч человек и были оперативно купированы милицией.

Через месяц после белорусских парламентских выборов и конституционного референдума в соседней Украине началась активная фаза «оранжевой революции». А. Лукашенко сразу предупредил свое ближайшее окружение, что «современные политические методы и слабоуправляемая страна чреваты серьезными последствиями», и заявил о необходимости противостоять любым попыткам копирования украинского сценария, которые он назвал «бандитскими актами» (Silitski, 2005, p. 94; здесь и далее перевод наш. – А. Н., А. Н., Н. И.). «Действия по предотвращению “оранжевой заразы” в Беларуси, – пишет британский исследователь Е. Коростелева, – были хорошо просчитаны и тщательно доведены до конца, что превратило заявление Лукашенко о том, что “в Беларуси не будет революции роз, апельсинов или бананов” в категорический императив для правительства действовать оперативно и полностью контролировать ситуацию» (Korosteleva, 2012, p. 45).

Началась настоящая «зачистка» находившихся в оппозиции к режиму средств массовой информации и неправительственных организаций. Осенью 2005 г. из страны были депортированы активисты грузинской молодежной организации «Кмара», сыгравшей огромную роль в победе «революции роз» и прибывшие незадолго до этого с целью передать опыт свержения легитимных режимов своим белорусским «коллегам». Кроме того, с политической сцены страны были устранены несколько противников Лукашенко, эвентуально способных стать лидерами протестов в ходе нового электорального цикла. Так, перешедшего в оппозицию экс-министра внешних экономических связей Республики Беларусь и бывшего посла в Латвии М. Маринича приговорили к трем с половиной годам тюрьмы, исключив тем самым из президентской гонки. Имевшие большой опыт организации уличных протестов председатель Социал-демократической партии Н. Статкевич и лидер «Молодого фронта» П. Северинец были осуждены на два года принудительных работ за организацию антиправительственных уличных акций во время референдума 2004 г., что также не давало им возможности возглавить потенциальную «цветную революцию» в 2006 г. (Markus, 2010, p. 122).

Главой президентской администрации был назначен В. Шейман, который с момента вступления в должность неоднократно заявлял, что его цель – «консолидировать системы власти, унифицировать командную структуру и избежать ситуаций, подобных тем, которые произошли к югу от границы (на Украине. – А. Н., А. Н., Н. И.)» (Silitski, 2005, p. 94–95). Были укреплены силовые структуры, предательство в рядах которых сыграло огромную роль в победе «цветных революций» в Сербии, Грузии, на Украине и в Киргизии в 2000–2005 гг. Глава Комитета государственной безопасности Республики Беларусь Л. Ерин сначала был отстранен от должности, а затем уволен за встречу с протестующими от оппозиции, пикетировавшими штаб-квартиру Комитета после референдума. Обновленное руководство КГБ в декабре 2005 г. опубликовало документ под названием «Аналитический отчет о цветных революциях: возможный сценарий для Беларуси», подготовленный для распространения в Палате представителей среди народных избранников. Аналитический отчет содержал подробную информацию о том, как осуществлялись «цветные революции», кто и с помощью каких технологий их организовывал. Согласно документу, государственный переворот мог быть осуществлен в рамках определенной стратегии и последовательных этапов, от содействия восприятию населением власти как тиранической до разоблачения выборов как сфальсифицированных и требований «справедливого» подсчета голосов с помощью массовых уличных протестов. В докладе также содержались рекомендации, какие именно меры предосторожности необходимо принять, чтобы предотвратить подобную противоправную деятельность (Korosteleva, 2012, p. 46).

Другими словами, правящий режим значительно укрепил собственные политические институты в преддверии прогнозируемой попытки осуществления «цветной революции» в стране.

«Васильковская революция»: подготовка и попытка осуществления

Третьи в истории независимой Белоруссии президентские выборы были назначены на 19 марта 2006 г., на четыре месяца раньше ожидаемой даты. Данный шаг позволил властям решить сразу две задачи: сорвать график подготовки оппозиционных сил и их западных кураторов к активной фазе противостояния с режимом и внести коррективы в погодные условия, в которых могли произойти массовые протестные выступления (ранняя весна в Минске значительно менее комфортное время для митингов и манифестаций на улице, нежели летний сезон). Всего зарегистрировалось восемь инициативных групп, но только четыре из них собрали достаточное количество подписей избирателей. В итоге, в выборах смогли принять участие действующий президент А. Лукашенко, лидер Либерально-демократической партии С. Гайдукевич, лидер Социал-демократической партии А. Козулин и глава оппозиционной коалиции А. Милинкевич.

Лукашенко, который шел на третий срок благодаря поправкам в Конституцию 2004 года, заявил вполне ожидаемую программу. Как и в предыдущие годы, он обещал обеспечить высокое качество жизни населения и акцентировал внимание на том, что в текущем моменте страна находится на подъеме. В его предвыборной программе под названием «Государство для народа» речь шла о таких общих вопросах, как мир, безопасность, стабильность и экономическое благополучие страны, а основным внешнеполитическим партнером называлась Россия¹.

Основной оппонент действующего президента А. Милинкевич на выборы 2006 г. был выдвинут в качестве единственного кандидата Белорусским народным фронтом. Будучи убежденным приверженцем проевропейского вектора развития страны, он сумел привлечь на свою сторону часть ориентированной на Запад интеллигенции, бизнес-сообщества и молодежи, особенно из столицы и других крупных городов. Его программа была построена «на трех фундаментальных ценностях – свобода, правда, справедливость»², что во многом перекликалось с тезисами, использованными вожаками «оранжевой революции» на Украине. Белорусская исследовательница А. Стром верно замечает, что Милинкевич позиционировал себя как лидер команды профессиональных менеджеров международного уровня, но при этом патриот Белоруссии, стремившийся вывести страну из изоляции и наладить тесные связи с Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки (Стром, 2013, с. 68). Не случайно, что джинсовый цвет как символ западного образа жизни стал опознавательным знаком именно его сторонников (как говорилось выше, попытку «цветной революции» в Белоруссии за рубежом называют «джинсовой революцией», потому что

¹ Предвыборная программа Лукашенко А. Г. *Официальный сайт КПБ РБ*. Взято 2 ноября 2023, с <http://www.comparty.by/news/predvybornaya-programma-lukashenko-aleksandra-grigorevicha>

² Политсовет объединенных демсил утвердил предвыборную программу Милинкевича (2006, 15 февраля). *AFN.BY*. Взято 2 ноября 2023, с <https://afn.by/news/i/70810>

на одной из демонстраций осенью 2005 г. милиция конфисковала бело-красно-белые флаги, которыми размахивала оппозиция, после чего один из лидеров молодежного движения «Зубр» Н. Сасим водрузил свою джинсовую рубашку вместо флага, заявив, что это будет знамя протестующих).

Лидер Социал-демократической партии Белоруссии А. Козулин не делал основную ставку на Запад, уверяя избирателей, что в случае его победы Минск продолжит развитие тесных взаимоотношений с Москвой (Борзова, 2010, с. 74–75). Надо отметить, что его изначально подозревали в том, что он являлся псевдо-кандидатом от правящего режима, чья роль заключалась в отвлечении голосов от Милинкевича, однако в итоге Козулин оказался жестким критиком Лукашенко (Gerlach, 2014, p. 21). Для привлечения внимания к собственной персоне он вел себя резко, а порой просто агрессивно, регулярно создавая разного рода скандальные информационные поводы, в том числе опубликовал провокационные карикатуры в газете «Згода», устроил драку при попытке зарегистрироваться участником III Всебелорусского собрания, демонстративно разбил портрет действующего президента в милицеем участке и т.д. Другими словами, Козулин был готов противостоять властям посредством актов прямой конфронтации.

До выборов Милинкевич провел значительное время за пределами Беларуси, особенно часто бывая в европейских столицах, и стал хорошо известен лидерам стран ЕС. По мнению канадского ученого Д. Марплз, «такая тактика могла бы принести дивиденды в долгосрочной перспективе, но она отвлекала его от непосредственной задачи работы с белорусским электоратом» (Marples, 2006, p. 357–358). Он действительно уделял гипертрофированное внимание взаимодействию со своими западными кураторами в ущерб собственной избирательной кампании внутри страны, зато к весне 2006 г. сумел встретиться и заручиться поддержкой главы Еврокомиссии Ж. М. Баррозу, генсека Совета Европы Т. Дэвиса, председателя ПАСЕ Р. ван дер Линдена, спикера Европарламента Ж. Борреля, канцлера ФРГ А. Меркель, президента Польши Л. Качиньского и еще целого ряда европейских лидеров. Вообще, накануне президентских выборов 2006 г. страны Запада, как и в ходе предыдущих избирательных циклов, оказывали белорусской оппозиции существенную финансовую и организационно-методическую поддержку. Так, в рамках американского «Акта о демократии в Белоруссии» от 2004 г. Вашингтон предоставлял помощь в рамках так называемых программ продвижения демократии и развития гражданского общества, исчислявшуюся десятками миллионов долларов (Давыдов, 2014, с. 131). Брюссель также всячески поддерживал оппозицию Лукашенко, заранее провоцируя выступления против правящего режима в случае «мошеннических выборов» (Трифонов, 2014, с. 189). При финансовой и организационной поддержке ЕС из сопредельных стран на Белоруссию было организовано телевизионное и радиовещание (например, почти полностью финансируемый Варшавой телеканал «Белсат»); разностороннюю поддержку оппозиции оказывали многочисленные западные печатные и электронные СМИ. Особенно активно велась работа с молодежью, в том числе в рамках специально организованных «независимыми» НПО семинаров, обучавших технологиям ненасильственной борьбы с режимом.

В целом, несмотря на определенную разобщенность, отсутствие общей согласованной платформы, личное соперничество между Милинкевичем и Козулиным, оппозиционные силы в 2006 г. представляли собой более серьезную силу, нежели в ходе предыдущих электоральных циклов, и при этом традиционно могли рассчитывать на солидную поддержку из-за рубежа. Обратной стороной западной помощи, правда, стало то, что в отличие от действующего главы государства, сделавшего акцент в ходе предвыборной кампании на необходимости дальнейшего экономического развития и сохранении политической стабильности, оппозиция в основном была сосредоточена на вопросах демократии и прав человека, которые мало волновали рядового белорусского избирателя (Трифонов, 2014, с. 188).

17 февраля 2006 г. началась предвыборная агитация, и практически сразу правящий режим перешел в наступление. 1 марта руководитель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь С. Сухоренко публично обвинил оппозицию и поддерживавшие ее неправительственные организации в намерении осуществить насильственный захват власти в стране. Триггером начала государственного переворота, по словам главы КГБ, должно было стать заявление некоей неправительственной структуры «Партнерство» о фальсификациях выборов на основе заранее подготовленных ею протоколов экзит-поллов, которые были изъяты правоохранителями при задержании руководителей данной НПО³. «Людей предупредили, – пишет У. Маркус, – чтобы они следили за “благо-состоянием” своих детей; и это было предупреждение, направленное на то, чтобы родители удерживали молодежь от политической активности на стороне оппозиции» (Markus, 2010, p. 122).

Оппозиция действительно готовилась к перехвату власти, используя наработанные в ходе осуществленных ранее госпереворотах схемы. Так, накануне А. Милинкевич неоднократно заявлял о незаконности голосования (которое еще только должно было состояться), в целом ставя под сомнение легитимность института выборов в Республике Беларусь. Незадолго до всенародного голосования политические оппоненты Лукашенко предприняли и попытку консолидировать свои усилия, создав единый антипрезидентский фронт по примеру действий политической оппозиции в ходе предыдущих «цветных революций». 10 марта Козулин направил в штаб Милинкевича предложения о сотрудничестве, но последний их отклонил. «Если я сниму свою кандидатуру, – сообщил он, – это не повлияет на легитимность выборов. Меня поддерживает большое количество избирателей, и я пойду до конца»⁴. 17 марта Милинкевич и Козулин все же сделали совместное заявление о недоверии ЦИК и потребовали переноса даты выборов. На следующий день были арестованы 30 доверенных лиц Милинкевича, 80 сторонников Козулина и еще около 100 других активистов.

³ Белоруссия на грани «цветной революции»? Обобщение (2006, 2 марта). *РИА Новости*. Взято 2 ноября 2023, с <https://ria.ru/20060302/43876107.html>

⁴ Оппозиция пообещала не репрессировать Лукашенко (2006, 12 марта). *ВЗГЛЯД*. Взято 2 ноября 2023, с <https://vz.ru/news/2006/3/12/25572.html>

Вечером накануне выборов Лукашенко выступил с обращением к гражданам Белоруссии, в котором призвал принять в них участие, выразив уверенность в их прозрачности.

19 марта 2006 г. в 8 часов утра началось всеобщее голосование на выборах президента Республики Беларусь. В ночь на 20 марта Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь обнародовала результаты подсчета 100 % бюллетеней, в соответствии с которыми А. Лукашенко получал 83 % голосов избирателей, на втором месте шел А. Милинкевич с 6,1%, С. Гайдукевич набирал 3,5 %, Козулин – 2,2 %⁵. Следуя примеру своих «коллег» из Сербии, Грузии, Украины и Киргизии, лидеры оппозиции отказались признавать победу действующего президента. Обвинив режим в фальсификациях, оппозиционеры вывели на Октябрьскую площадь в центре Минска несколько тысяч человек (по самым оптимистичным для оппозиции подсчетам – около 20 тысяч при населении столицы примерно в 2 миллиона человек), в основном мобилизованную «Зубром» молодежь, и попытались разбить там по аналогии с украинским «майданом» палаточный городок.

22 марта 2006 г. сотрудники милиции устроили для журналистов экскурсию на крышу Дворца Республики, чтобы они могли сами оценить масштаб протеста в виде разбитых на Октябрьской площади 19 палаток, некоторые из которых являлись складами для продуктов и теплых вещей, и около сотни протестующих. В оценке численности «революционеров» с белорусскими силовиками в целом солидарны даже западные исследователи. «В среднем 150–200 участников постоянно находились на месте, – пишет Коростелева. – Лагерь просуществовал пять дней в условиях морозной погоды, плохих санитарных условий и нехватки еды, так как милиция заблокировала возможность передачи еды и горячих напитков в палаточный лагерь, а также не позволяла кому-либо присоединиться к протестующим» (Korosteleva, 2010, p. 213). В ночь на 25 марта белорусский ОМОН разогнал демонстрацию в поддержку «майдановцев», разрушил палаточный городок, арестовал его лидеров, а заодно и кандидата от оппозиции А. Козулина.

Причины провала «васильковой революции» в Беларуси

Таким образом, «васильковая революция» бесславно завершилась, едва начавшись. На наш взгляд, следует выделить три основные причины, которые обрекли на неудачу попытку данного государственного переворота.

Во-первых, в Белоруссии отсутствовали реальные социально-экономические и общественно-политические предпосылки для массового народного недовольства и, тем более, для смены власти. Конечно, как справедливо отмечают авторы

⁵ Сведения об итогах выборов Президента Республики Беларусь 19 марта 2006 года. *Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь*. Взято 2 ноября 2023, с <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-elections-grb2006-sved1.pdf>

коллективного научного труда «Белорусоведение», большую роль в поступательном экономическом развитии страны играла и продолжает играть российская поддержка (Межевич и др., 2023). С другой стороны, объективные данные таких влиятельных и авторитетных институтов, как Международный валютный фонд и Программа развития ООН, которые сложно заподозрить в симпатиях к режиму Лукашенко, убедительно показывают, что накануне попытки осуществления «цветной революции» в Белоруссии социально-экономическая ситуация была стабильной. Так, уверенно рос Индекс развития человеческого потенциала (интегральный показатель состояния здоровья, уровня образования и доходов), снижалась инфляция, сокращалась безработица, а реальный рост ВВП в 2004–2005 гг. составил в среднем очень значительные 10%⁶. Показательны в этом плане следующие цифры: число проголосовавших на выборах за Лукашенко в 2006 г. почти удвоилось по сравнению с предыдущими избирательными циклами: с 44,8% (в первом туре) в 1994 г. до 83% в 2006 г. А. Стром справедливо пишет в этой связи, что «президентские выборы 2006 года состоялись в рамках стабилизовавшейся политической (и, добавим, социально-экономической. – А. Н., А. Н., Н. И.) системы и четко определенных правил игры с учетом конституционных изменений» (Стром, 2013, с. 68–69). В 2006 г. белорусская оппозиция попыталась повторить успех «цветных революций» в Сербии, Грузии, на Украине и в Киргизии, однако, в отличие от властей этих государств, руководство Республики Беларусь, опираясь на поддержку большинства населения страны, без колебаний реализовало свое законное право на применение легитимного насилия и подавило незаконные протесты в зародыше.

Во-вторых, Лукашенко и его соратники провели эффективную превентивную работу по предотвращению госпереворота, причем она началась задолго до старта президентской кампании. Правящий режим заранее провел легитимный референдум, позволявший Лукашенко вновь выставлять свою кандидатуру на президентских выборах. Были предприняты все необходимые меры для купирования протестной активности как на институциональном уровне, так и в практической плоскости, что не позволило отработанным в ходе «бульдозерной революции», «революции роз», «оранжевой революции» и «тюльпановой революции» сценариям реализоваться в Белоруссии. Власти тщательно изучили историю предыдущих успешных операций по смене элит на постсоветском пространстве и сделали соответствующие выводы, продемонстрировав вопреки ожиданиям доморощенных «революционеров» и их спонсоров со стороны внешнего контура большой запас прочности. С политического поля были устранены ряд знаковых фигур из числа лидеров оппозиции, закрыты наиболее

⁶ Real GDP Growth. Republic of Belarus (2023). *International Monetary Fund*. Retrieved February 17, 2024, from <https://www.imf.org/en/Countries/BLR>; Human development summary capturing achievements in the HDI and complementary metrics that estimate gender gaps, inequality, planetary pressures and poverty. Belarus (2022). *United Nations Development Programme. Human Development Reports*. Retrieved February 17, 2024, from <https://hdr.undp.org/data-center/specific-country-data#/countries/BLR>

одиозные оппозиционные средства массовой информации и неправительственные организации, во многом нивелирована активность антиправительственных молодежных структур. Даже дата выборов была назначена таким образом, чтобы у оппозиции оказалось меньше времени должным образом подготовиться к борьбе за власть.

В-третьих, сыграло свою роль отсутствие монолитной и единой оппозиционной силы, поддерживаемой значительным количеством граждан страны. Вместо единого кандидата от оппозиции в 2001 г. (В. Гончарик), в 2006 г. Лукашенко противостояли сразу два политических деятеля (А. Милинкевич и А. Козулин), однако при этом их совокупная поддержка сократилась вдвое: с 15,65% в 2001 г. до 8,3% в 2006 г. А.С. Трифонов в этой связи подчеркивает, что «усилия оппозиции по объединению вокруг одного кандидата были осложнены большим разнообразием представителей, их личным соперничеством, а также отсутствием согласованной общей платформы. Каждый из оппозиционных вожаков был заинтересован лишь в собственной победе» (Трифонов, 2014, с. 187–189). Не сработала ставка оппозиции на ударную силу предыдущих «цветных революций» – прозападные молодежные и студенческие организации. Важной мобилизующей силой «васильковой революции» должно было стать движение «Зубр», действовавшее по аналогии с сербским «Отпором», грузинской «Кмарой» и украинской «Порой», но ему так и не удалось «раскатать молодежь до нужного градуса» (Давыдов, 2014, с. 130). Не смогла оппозиция организовать и экзит-полы и параллельный подсчет голосов, проведение которых стало триггером для начала активной фазы операций по смене режимов в Сербии, Грузии, на Украине и в Киргизии (Сергеев, 2006, с. 192).

Заключение

В заключение уместным представляется провести краткий сравнительный анализ неудачной попытки свержения белорусского президента весной 2006 г. и успешных «цветных революций» 2000–2005 гг. С одной стороны, можно зафиксировать наличие в белорусском кейсе целого ряда факторов, которые способствовали триумфу ранее осуществленных с помощью тех же технологий госпереворотов. Так, была создана активная оппозиция президенту; существовали молодежные движения, недовольные системой и проявлявшие высокую активность в организации протестных митингов; налажены контакты между оппозицией и партиями, критиковавшими режим Лукашенко в соседних странах; имела поддержка со стороны «международного сообщества, требовавшего свободных и справедливых выборов»; наконец, «присутствовало мошенничество на выборах» (Markus, 2010, p. 118).

С другой стороны, ситуация в Белоруссии накануне попытки организации государственного переворота не соответствовала целому ряду критериев успешных «цветных революций». Д. Марплз в своем исследовании утверждает, что в Белоруссии функционировал «не полуавтократический, а полноценный автократический режим», ибо в предшествовавшие «васильковой револю-

ции» годы Лукашенко «значительно приблизился к откровенной диктатуре с очень ограниченными возможностями оппозиции» (Marples, 2006, p. 362), однако ни он, ни другие западные авторы не отрицают, что популярность Лукашенко была чрезвычайно высока, и он всегда оставался самой популярной фигурой из всех политиков, претендовавших на высший государственный пост Республики Беларусь. Оппозиция же была слаба в институциональном и организационном плане, ее ядерный электорат был весьма незначителен. Малочисленность готовых выйти на митинги оппонентов правящего режима не позволила собрать критическую массу протестующих для перехвата власти. Не удалось обыграть и тему фальсификации результатов выборов. Многие жители крупных городов, особенно Минска, могли счесть, что общее количество поданных за Лукашенко голосов было завышено, однако при этом у них не было никаких сомнений в том, что действующий президент лидировал со значительным отрывом. Не могла оппозиция рассчитывать и на поддержку средств массовой информации, особенно в деле донесения до общественности фактов о якобы сфальсифицированных результатах голосования и организации собственной протестной активности в этой связи. «Васильковая революция» не могла закончиться успехом и еще по одной причине – монолитности правящего режима, особенно его силового блока. В руководстве правоохранительных органов не существовало разногласий в отношении действий в ходе подавления протестов: «Спецназ реагировал осторожно, – пишет Марплз, – когда был на виду (Октябрьская площадь), и безжалостно, когда его не было видно» (Marples, 2006, p. 363).

Фундаментальная причина коллапса «цветной революции» в Республике Беларусь весной 2006 г. действительно заключалась не только и не столько в слабости оппозиции, а в устойчивых позициях правящего режима во главе с президентом А. Лукашенко. «Он воспринимался, – верно отмечает И. С. Борзова, – большей частью белорусского общества как самый популярный политик, мудрый государственный деятель и защитник национальных интересов всего государства и простых граждан в частности» (Борзова, 2010, с. 75). На самом деле, провал операции по смене режима в Белоруссии продемонстрировал объективную закономерность: в случае стабильного поступательного развития государства и удовлетворенности его гражданами проводимым курсом шансы инспирированной извне «цветной революции» оказываются минимальными. Именно так и произошло с «васильковой революцией» в 2006 г., а затем и в ходе попыток проведения операции по демонтажу правящего режима в Российской Федерации в 2011–2012 гг.

Список литературы

1. Борзова, И. С. (2010). Белорусская демократическая оппозиция 90-х гг. XX – начала XXI века. *Ярославский педагогический вестник*, 1(4), 72–76.

2. Гапич, А. Э., Лушников, Д. А. (2014). *Технологии цветных революций*. Москва: Инфра-М.
3. Давыдов, С. Г. (2014). Оппозиционные объединения молодежи в современной Белоруссии. *Современная научная мысль*, (6), 128–134.
4. Данюк, Н. С. (2018). *«Цветные революции». От теории к практике: монография*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
5. Карпович, О. Г., Манойло, А. В. (2015). *Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.
6. Межевич, Н., Межевич, А., Сенник, Н. (2023). Некоторые вопросы социально-экономического развития Республики Беларусь в контексте тенденций мирового и национального развития. В Е. И. Пивовар (Ред.), *Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований*. Вып. 6: *Белорусоведение* (с. 183–187). Москва: РГГУ.
7. Наумов, А. О. (2023). *«Цветные революции»*. Москва: Кучково поле.
8. Наумов, А. О., Наумова, А. Ю., Демин, Д. В., Белоусова, М. В. (2023). *«Мягкая сила» и «цветные революции». От теории к практике*. Москва: КДУ: Добросвет.
9. Пономарева, Е. Г., Рудов, Г. А. (2012). «Цветные революции»: природа, символы, технологии. *Обозреватель*, (3), 36–48.
10. Родькин, П. Е. (2015). *Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа*. Москва: Совпадение.
11. Сергеев, С. Г. (2006). Выборы президента Республики Беларусь в контексте международных избирательных стандартов: правовой и политический аспекты. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 2(4), 185–193.
12. Стром, А. (2013). Амбиции – и больше ничего: политическая оппозиция в Беларуси: участие в президентских избирательных кампаниях. *Беларуская думка*, (10), 66–70.
13. Трифонов, А. С. (2014). «Революции» в Украине (2004) и Республике Беларусь: сравнительный анализ. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (10-2), 185–191.
14. Филимонов, Г., Данюк, Н., Юраков, М. (2016). *Переворот*. Санкт-Петербург: Питер.
15. Gerlach, J. C. (2014). *Revolutions in Eurasia*. New York: Springer.
16. Korosteleva, E. (2010). Was There a Quiet Revolution? Belarus After the 2006 Presidential Election. In D. Lane, & S. White (Eds.) *Rethinking the “Coloured Revolutions”* (pp. 212–234). Abingdon: Routledge.
17. Korosteleva, E. (2012). Questioning democracy promotion: Belarus response to the ‘colour revolutions’. *Democratization*, 19(1), 37–59.
18. Markus, U. (2010). Belarus. In D. Ó Beachain, & A. Polese D. (Eds.) *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures* (pp. 118–135). London: Routledge.

19. Marples, D. (2006). Color Revolutions: The Belarus Case. *Communist and Post-Communist Studies*, (39), 351–364.
20. Silitski, V. (2005). Preempting Democracy: The Case of Belarus. *Journal of Democracy*, 16(4), 83–97.

References

1. Borzova, I. S. (2010). Belorusskaya demokraticeskaya oppozitsiya 90-kh gg. XX – nachala XXI veka [Byelorussian democratic opposition in 1990-s – beginning of the XXI century: problems of investigation and interpretation]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 1(4), 72–76.
2. Danyuk, N. S. (2018). “Tsvetnye revolyutsii”. *Ot teorii k praktike: monografiya* [“Color revolutions”. From theory to practice: monograph]. Moscow: YUNITI-DANA.
3. Davydov, S. G. (2014). Oppozitsionnye ob"edineniya molodezhi v sovremennoy Belorussii [Opposition youth associations in modern Belarus]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, (6), 128–134.
4. Filimonov, G., Danyuk, N., & Yurakov, M. (2016). *Perevorot* [Revolution]. St. Petersburg: Piter.
5. Gapich, A. E., & Lushnikov, D. A. (2014). *Tekhnologii tsvetnykh revolyutsiy* [Technologies of color revolutions]. Moscow: Infra-M.
6. Gerlach, J. C. (2014). *Revolutions in Eurasia*. New York: Springer.
7. Karpovich, O. G., & Manoylo, A. V. (2015). *Tsvetnye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov* [Color revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
8. Korosteleva, E. (2010). Was There a Quiet Revolution? Belarus After the 2006 Presidential Election. In D. Lane, & S. White (Eds.) *Rethinking the “Coloured Revolutions”* (pp. 212–234). Abingdon: Routledge.
9. Korosteleva, E. (2012). Questioning democracy promotion: Belarus response to the ‘colour revolutions’. *Democratization*, 19(1), 37–59.
10. Markus, U. (2010). Belarus. In D. Ó Beachain, A. & Polese D. (Eds.) *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures* (pp. 118–135). London: Routledge.
11. Marples, D. (2006). Color Revolutions: The Belarus Case. *Communist and Post-Communist Studies*, (39), 351–364.
12. Mezhevich, N., Mezhevich, A., & Senik, N. (2023). Nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Belarus' v kontekste tendentsiy mirovogo i natsional'nogo razvitiya [Some issues of socio-economic development of the Republic of Belarus in the context of global and national development trends]. In E. I. Pivovarov (Red.), *Trudy Instituta postsovetitskikh i mezhrayonal'nykh issledovaniy. Vyp. 6: Belorusovedenie* (pp. 183–187). Moscow: RGGU.

13. Naumov, A. O. (2023). *“Tsvetnye revolyutsii”* [“Color revolutions”]. Moscow: Kuchkovo pole.
14. Naumov, A. O., Naumova, A. Yu., Demin, D. V., & Belousova, M. V. (2023). *“Myagkaya sila” i “tsvetnye revolyutsii”. Ot teorii k praktike* [“Soft power” and “Color revolutions”. From theory to practice]. Moscow: KDU: Dobrosvet.
15. Ponomareva, E. G., & Rudov, G. A. (2012). *“Tsvetnye revolyutsii”: priroda, simvoly, tekhnologii* [“Colour revolutions”: nature, symbols, technique]. *Obozrevatel'*, (3), 36–48.
16. Rodkin, P. E. (2015). *Revolyutsiya poteryala tsvet. “Tsvetnye revolyutsii” 2004–2014: gumanitarnyy i kommunikatsionnyy fenomen voyny novogo tipa* [The revolution has lost its color. “Color Revolutions” 2004-2014: humanitarian and communication phenomenon of a new type of war]. Moscow: Sovpadenie.
17. Sergeev, S. G. (2006). *Vybory prezidenta Respubliki Belarus' v kontekste mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov: pravovoy i politicheskoy aspekty* [Presidential election in Belarus in context of international standards: law and political aspects]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2(4), 185–193.
18. Silitski, V. (2005). Preempting Democracy: The Case of Belarus. *Journal of Democracy*, 16(4), 83–97.
19. Strom, A. (2013). *Ambitsii – i bol'she nichego: politicheskaya oppozitsiya v Belarusi: uchastie v prezidentskikh izbiratel'nykh kampaniyakh* [Ambitions – and nothing else: political opposition in Belarus: participation in presidential election campaigns]. *Belaruskaya dumka*, (10), 66–70.
20. Trifonov, A. S. (2014). *“Revolyutsii” v Ukraine (2004) i Respublike Belarus': sravnitel'nyy analiz* [“Revolutions” in Ukraine (2004) and the Republic of Belarus: comparative analysis]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (10-2), 185–191.

Информация об авторах

Александр Олегович Наумов, доктор исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Анастасия Юрьевна Наумова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института евразийских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6174-0030>, e-mail: naumova.au@rggu.ru

Наталья Павловна Иващенко, доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: [0000-0002-5917-2494](https://orcid.org/0000-0002-5917-2494), e-mail: nivashenko@mail.ru

Information about the authors

Aleksandr Olegovich Naumov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Organizations and Global Governance of School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Anastasiya Yurievna Naumova, PhD in Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Eurasian and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6174-0030>, e-mail: naumova.au@rggu.ru

Natalia Pavlovna Ivashchenko, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0002-5917-2494, e-mail: nivashenko@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК АРКАИМ: ПРАКТИКИ ОСВОЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНЫЕ СМЫСЛЫ ВОСПРИЯТИЯ МЕМОРИАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Людмила Борисовна Зубанова,

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,
milazubanova@gmail.com

Наталья Львовна Зыховская,

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия,
ladoga122@gmail.com

Мария Львовна Шуб,

Челябинский государственный институт культуры,
Челябинск, Россия,
shubka_83@mail.ru

Получена 18.09.2023.

Поступила после рецензирования 18.01.2024.

Принята к публикации 29.03.2024.

© Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л., 2024

Для цитирования: Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л. Археологический памятник Аркаим: практики освоения и субъективные смыслы восприятия мемориальных ландшафтов // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 90–110. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_90

Аннотация

В статье рассматривается проблематика мемориальных ландшафтов – локусов, совмещающих двойственную номинацию: «места памяти» (объективная культурно-историческая ценность) и «места силы» (сакральный или мистический статус в субъективных представлениях аудитории). В статье анализируются мотивационные и поведенческие стратегии посетителей археологического памятника Аркаим, находящегося на территории Южного Урала. Аркаим не только репрезентирован в сознании общественности как археологический памятник и природно-культурный заповедник, но и связан со «шлейфом» мистических и эзотерических интерпретаций. Содержательной доминантой проведенного авторами исследования стала фиксация действенных практик освоения мемориального ландшафта и выявление субъективных смыслов, вкладываемых в эти практики посетителями Аркаима. Используемые методы исследования: массовые опросы посетителей (380 человек), глубинные интервью (беседа с 40 информантами), полевое включенное наблюдение и фотофиксация (пять полевых экспедиций в 2023 году). Разнообразие материализованных практик освоения Аркаима представлено в двух основных типах: материально-предметном и ритуально-поведенческом и анализируется с опорой на концепт «изобретенной традиции» Э. Хобсбаума. Приводятся результаты опроса, фиксирующие ключевую мотивацию посещений, практики включенности различных групп в освоение мемориального ландшафта. Даются выдержки из интервью, связанные с описанием психологических ощущений посетителей Аркаима. Делается вывод о специфическом типе экзистенциального паломничества, характерном для посетителей Аркаима. Обобщаются ключевые характеристики, обеспечивающие интерес аудитории к мемориальным ландшафтам (историчность, мифологичность, нарративность); систематизируются факторы, способствующие посещению подобных мест: потребность выхода за пределы повседневно-обыденной рамки жизни, урбанистическое давление, «духовная миграция».

Ключевые слова:

идентичность, мемориальные ландшафты, Аркаим, «место памяти», «место силы», паломничество

Источники финансирования:

статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-20098 (региональный конкурс Челябинской области), проект: «Материализованная

идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника “Аркаим”»).

UDC 304.444

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_90

THE ARCHEOLOGICAL SITE OF ARKAIM: DEVELOPMENT PRACTICES AND MEANINGS IN INDIVIDUAL PERCEPTION OF MEMORIAL LANDSCAPES

Ludmila B. Zubanova,

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia,
milazubanova@gmail.com

Natalia L. Zykhevskaya,

South Ural State University (National Research University),
Chelyabinsk, Russia,
ladoga122@gmail.com

Maria L. Shub,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russia,
shubka_83@mail.ru

Received 18.09.2023.

Revised 18.01.2024.

Accepted 29.03.2024.

For citation: Zubanova, L. B., Zykhevskaya, N. L., & Shub, M. L. (2024). The Archeological Site of Arkaim: Development Practices and Meanings in Individual Perception of Memorial Landscapes. *Discourse-P*, 21(2), 90–110. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_90

Abstract

The article deals with memorial landscapes-loci that combine two characteristics: “places of memory”, i.e. these places possess objective cultural and historical value, and “places of power”, i.e. they have sacral or mystical status in individual perceptions. We analyze motivational and behavioral strategies of those who visit the archeological site of Arkaim, located in the Southern Urals. Arkaim is represented in the public consciousness not only as an archaeological site and a natural and cultural reserve, but it is given mystical and esoteric interpretations. The research aims firstly to represent ef-

fective practices in developing this memorial landscape and secondly to identify those individual meanings contributed to these practices by Arkaim visitors. We used mass surveys of visitors (380 people), in-depth interviews (with 40 informants), field overt observation and photo-fixation during our five field expeditions in 2023. The diversity of materialized practices in Arkaim development could be arranged in two main types: materialistic and ritual-behavioral. Furthermore, these types should be analyzed through the concept of *invented tradition* developed by E. Hobsbawm. The results of the survey include the key motivation for the visit, practices of involving different groups in the development of the memorial landscape; they also contain excerpts from the conducted interviews describing emotions experienced by the visitors to Arkaim. A conclusion is made in regard to a specific type of existential pilgrimage that Arkaim visitors perform. The key features ensuring interest of the audience in memorial landscapes have been mentioned as *historicity, mythology, narrativity*. Factors inducing to visit such places are systematized, among them desire to overcome the framework of daily routine, urban pressure, “spiritual migration” should be emphasized.

Keywords:

identity, memorial landscapes, Arkaim, “place of memory”, “place of power”, pilgrimage

Funding:

the article was prepared under the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-20098 (regional competition of the Chelyabinsk region), project: “Materialized identity: the construction of memory in the socio-economic perspective (on the example of the archeological monument “Arkaim”)”.

Введение

Исследования современного состояния социокультурного поля в различных сегментах его представленности все чаще сопровождаются своеобразным «мемориальным шлейфом» – обращенностью к истокам, корням, культурной памяти: от фиксации на трагических страницах истории до ностальгических воспоминаний о «светлом прошлом». Как стоимость цифровых гаджетов во многом определяется содержащимися в них объемами памяти, так, как нам видится, и востребованность актуальных сфер реальности зависит от мемориальной ценности транслируемых смыслов, символических значений, множественных интерпретаций образов прошлого.

Особое место в мемориальном дискурсе принадлежит исследованиям мемориальных ландшафтов как части Cultural Landscape Studies – культурного ландшафтоведения (Каганский, 2009). Мемориальные ландшафты

попадают в категорию «проживаемых пространств» (Тишков, 2004), «почитаемых мест» (Виноградов, 2002), «священных мест» (Трофимова, 2014), «культовых мест» (Любимова, 2021), «мест памяти» (Нора, 1999) – локусов, обладающих в представлениях людей особой символической выделенностью и сакральным статусом. Введенный М. Элиаде термин «иерофаня», распространяемый в том числе и на мифологизацию пространств, подчеркивает значимость ореола таинственности, придающего объекту эту сакральную ценность (Элиаде, 2001).

Такие места становятся пространством материализованной идентичности – в них наиболее отчетливо переживается принадлежность к сокровенному (корням, истокам, истории, жизненным силам, энергиям – вариативность обнаруживаемых смыслов зависит от субъективного ожидания акторов), ощущается целостное единство «Я» и окружающего мира.

Объектом исследования в настоящей статье является конкретное место конструирования памяти – Аркаим (археологический памятник, музей и инфраструктура, расположенные в Брединском районе Челябинской области).

Археологический памятник Аркаим, принадлежащий к древнейшей аркаимско-синташтинской культуре (условное название «Страна городов») – поселение эпохи бронзового века (XXI–XVII вв. до н.э.), открытое археологами Челябинского государственного университета в 1987 году. Практически одновременно с историей научного освоения памятника, разворачивается и его нео-мифологическая интерпретация, способствующая популяризации «эзотерического туризма». Находящиеся на территории заповедника и в различных частях так называемой Аркаимской долины горы получают «народные» названия – Гора Любви, Гора Богатства, гора Здоровья (Покаяния), Лестница Богов, Гора Разума – и наделяются в массовом сознании соответствующими сакральными смыслами и значениями.

Исследовательская логика обращена к истории популяризации Аркаима в массовом сознании, к спорным ситуациям (стереотипам, разнообразным трактовкам, рождающимся на пересечении научного и обыденного знания), которые влияли и продолжают влиять на процесс освоения памятника как мемориального ландшафта. Научная проблема формулируется на перекрестке трех исследовательских полей: культурологии (в части исследования проблем идентичности, материализованной в мемориальных ландшафтах, к каковым относится археологический памятник Аркаим), социологии в части исследовании социальных проблем (в условиях поляризации мнений и обострения межкультурных конфликтов, в том числе конфликтов групп, занимающих разные идеологические позиции в освоении и присвоении символического капитала археологических памятников), наконец, науковедения (исследующего вопросы развития научного знания, его интеграции с публичной сферой и трансформации, которым научное знание подвергается в условиях медиатизации общественной жизни). Эти исследовательские поля пересекаются в локальном кейсе Аркаима, представляющего собой пространственно-временной

феномен, материализованный как в конкретных объектах, так и в масштабной инфраструктуре памятника и самом ландшафте, превращенном в часть общего производства исторической памяти.

Осмысление Аркаима именно сквозь эту трехчастную оптику и обеспечивает представленной статье актуальность и ее новизну в сравнении с наличествующими исследованиями, посвященными «феномену Аркаима». Сквозным для всех трех подходов аспектом изучения проблемы является исследование:

- реальных мотивов посетителей памятника (а не умозрительных представлений о данных мотивах);
- материализации символических значений;
- формирования стереотипов и устойчивых образов, играющих важную роль в функционировании меморативного ландшафта и их проекции в коллективном сознании.

Данные задачи были детерминированы (помимо прочего) необходимостью гармонизации социальных отношений на основе своевременного выявления лакун в освоении памятника и его символического капитала, занимаемых социальными ансамблями деструктивной направленности.

Реализация исследовательского этапа осуществлялась в рамках разработанной авторской методики изучения мнений и практик включенности посетителей в освоение археологического памятника «Аркаим».

Основные используемые методы:

1) массовый опрос (в форме анкетирования на территории лагеря; принцип отбора респондентов – сплошной охват посетителей, находящихся в открытом для взаимодействия доступе на территории лагеря; ограничения по участию – личный отказ респондентов от ответов на вопросы исследователя);

2) индивидуальные глубинные интервью (предложение исследователя в завершающей стадии анкетирования, формулируемое как вопрос-фильтр: «Если у Вас есть желание и готовность рассказать о каких-то личных открытиях, необычном опыте, истории восприятия или иных аспектах, связанных с посещением Аркаима, можно ли будет их записать на диктофон?»);

3) открытое нестандартизированное наблюдение с фотофиксацией, осуществляемое непосредственно в условиях полевых экспедиций (пять экспедиций исследователей в Аркаим в период туристического сезона: в мае, июне, июле, августе, сентябре).

Отбор респондентов основывался на стихийной выборке (в основе – устное согласие любого респондента, попадающего в зону взаимодействия с исследователем, принять участие в опросе), репрезентативность которой достигалась за счет максимального стремления к соблюдению пропорциональности квот по признаку пола и возраста опрашиваемых. Поскольку проведение опроса осуществлялось в туристическом лагере и несанкционированных местах стоянок посетителей, точный показатель генеральной совокупности не поддавался учету (отсутствие регистрации приезжающих). Тем не менее,

исследователи ориентировались на средние данные проходимости туристических потоков, озвучиваемые работниками музея-заповедника, а также личными наблюдениями. С допущением некоторых погрешностей можно говорить о выборке 10 % от общего числа посетителей за указанный период. Тем не менее, репрезентативность выборки подтверждалась заметной консолидацией ответов по ключевым содержательным позициям, отсутствием новых (ранее не фиксируемых) явлений.

Изучение мнений туристов и фиксация практик освоения мемориального ландшафта осуществлялись по разработанному методическому плану, предполагающему уровневый анализ данных, направленных на воссоздание портрета посетителя и типичных поведенческих стратегий.

Первый уровень: систематизация социально-демографических характеристик. Исследуемые параметры: половозрастные и территориальные маркеры включенности.

Второй уровень: анализ воздействия информационного «шлейфа» места. Исследуемые параметры: информационная вовлеченность (востребованность информации об Аркаиме, ключевые источники информирования, регулярность и интенсивность информационных контактов, тип информационных стимулов, способствующих личному посещению), визуальное сопровождение личного присутствия (сделанные фотографии, размещение фотографий на страницах личных аккаунтов, публичных сообществ).

Третий уровень: побудительно-мотивационная активность посетителей. Исследуемые параметры: регулярность контактов с местом; логистика персональных и групповых выездов (самостоятельно организованные посещения, туристические туры, групповые выезды), ключевые маркеры привлекательности места (ландшафтные, мемориальные, просветительские, коммуникативно-психологические, эзотерические компоненты и стимулы); практический и объектно-предметный аспекты включенности (избираемые места и объекты для посещения, распределение туристических потоков по различным локациям внутри мемориального ландшафта).

Четвертый уровень: ценностно-идентификационные и поведенческие сценарии присутствия. Исследуемые параметры: манифестируемые приоритеты и ценностные доминанты восприятия мемориального ландшафта; характер мотивационного запроса (в логике: «ожидание – реальность»); типичные практики индивидуального и группового освоения мемориального пространства (материально-объектные и ритуально-поведенческие).

Инструментальное обеспечение работ – стандартизированная анкета, тематический гайд беседы, бланк протокола наблюдения и план фотофиксации объектов.

К моменту написания статьи осуществлены пять полевых экспедиций в 2023 году; обобщены результаты опроса 380 респондентов – посетителей Аркаима (мужчины – 30 %, женщины – 70 %); проведены 40 глубинных интервью с информантами, согласившимися на длительную беседу с исследователями.

Результаты исследования

Материализованные практики освоения Аркаима предстают в двух основных типах: *материально-предметном* и *ритуально-поведенческом*. Прежде всего, разумеется, можно говорить об институциональных, организованных музеем-заповедником Аркаим экскурсиях, просветительских и праздничных (фольклорно-исторических) мероприятиях.

Однако, больший интерес вызывают виды действий, создаваемых и направляемых самими посетителями. В понимании этих стихийно сконструированных и повторяющихся действий мы можем опираться на концепт «изобретенной традиции» Э. Хобсбаума: «Изобретенная традиция – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» (Хобсбаум, 2000, с. 48).

К числу наиболее распространенных действий по освоению пространства Аркаима можно отнести следующие:

– использование камней для создания сооружений, имитирующих так называемые «обо» (культовые объекты тюрко-монгольских народов Центральной Азии, места поклонения степным духам) (фото 1);

Фото 1 – Современный вариант «обо»

Picture 1 – A modern version of “obo”

– завязывание ленточек в специально сконструированных («Дерево желаний») или стихийных местах (фото 2);

Фото 2 – «Дерево желаний»

Picture 2 – “WishTree”

– рукотворное конструирование маршрутов – рукотворные (выложенные камнями или протоптанные среди травы) круги на вершинах гор, предусматривающие движение человека по спирали (фото 3); считается, что желание сбудется, если загадываешь его, находясь в центре спирали;

Фото 3 – Спиральные маршруты

Picture 3 – Spiralroutes

– создание импровизированных «жертвенных алтарей» – оставленные предметы, монеты, зерна и т.п. (фото 4);

Фото 4 – Жертвенный алтарь

Picture 4 – Sacrificial altar

– нарративные послания индивидуального или обезличенного (абстрактного) характера (фото 5);

Фото 5 – Нарративное послание

Picture 5 – Narrative message

– практики медитации – индивидуальные или коллективные; созерцательные или действенные – осуществляемые самостоятельно или модулируемые человеком, выполняющим функции духовного наставника (фото 6);

Фото 6 – Практики медитации

Picture 6 – Meditation practices

– индивидуальные или групповые восхождения на горы, находящиеся на территории Аркаима (Гора Здоровья/Покаяния, Гора Любви, Шаманка, Гора Богатства, Гора Счастья, Гора Разума и другие) и совершение ритуала хождения по выложенным спиралевидным маршрутам (зачастую с поднятыми к солнцу руками) (фото 7).

Фото 7 – Горные восхождения

Picture 7 – Mountain climbing

По сути, среди представленных материально-предметных и поведенческих практик, реализуемых посетителями Аркаима, не наблюдается какой-то выраженной эксклюзивности. Так, ряд исследователей (Алексеев, Иванова, 2012;

Сандыбаева, Альжанова, 2019) относят к числу типичных обход сакральных мест, зажигание свечей, оставление пищи или денег, привязывание лент и кусочков ткани, прикосновения к камням и другие.

В архитектонике мемориальных ландшафтов в целом, и Аркаима в частности, можно выделить 3 ключевых зоны: доминанта включенности – обязательные для посещения объекты; освоенные локусы – значимое, но не обязательное присутствие; периферийные зоны – не относящиеся к числу востребованных и максимально освоенных.

Чаще всего в ответах на вопросы анкеты респонденты называли в качестве обязательных действий на Аркаиме:

- восхождение на горы, находящиеся на территории Аркаима – 71,7%;
- принять участие в физических и духовных практиках (медитациях) на природе – 54%;
- встретить восход солнца в степи – 52%;
- поехать на горы, расположенные в нескольких километрах от лагеря – 40,2%.

В числе популярных фигурировали:

- принять участие в профессиональной экскурсии – 36,9%;
- прикоснуться к каменным глыбам в Долине Камней, сделать «каменный дольмен» своими руками – 30,3%;
- сделать интересные фотографии – 20,6%;
- просто провести время с компанией друзей, посидеть у костра – 18,4%;
- приобрести необычные сувениры – 17,3%;
- участие в ритуале завязывания ленточек для исполнения желаний – 15,9%;
- самостоятельно совершать жертвенные приношения, рассказать о сокровенных желаниях 10,7%.

Сами опрошенные, как правило, не выстраивают какой-либо целенаправленной и идеологически-осмысленной программы соблюдения ритуала, не могут обосновать на какие источники (религиозные, духовные, мистические) они опираются в воспроизведении данных практик и объясняют следование им неформальными и не институциональными аспектами: «так рассказывали друзья, знакомые» (82%). К. Трофимова, анализирующая специфику конструирования священных мест в мультикультурной среде на примере святилища «Зайде Башче» в Сербии, рассматривает аналогичный пример не институционализованных, а стихийно формируемых народных культовых мест: «Само место, отражая различия, наполняется дискурсами, которые образованы включенными во взаимодействие акторами. Взаимосвязь этих дискурсов образует сложное смысловое содержание того или иного места. Место возникает, наполняется смыслом или смыслами благодаря нарративам, которые “рассказываются” о нем и связывают место с социальными практиками людей» (Трофимова, 2014, с. 214).

Современные модификации паломничества, демонстрирующие эффект «доктринальной эклектики» (Ваторопин, Костина, Подергина, 2017, с. 56),

отражают целый спектр возможных мотивов присутствия в «месте силы». Если говорить о смысловой наполненности действий посетителей и – шире – мотивах посещения Аркаима, то здесь, как показывают результаты опроса, наиболее четко проявлены следующие стимулы личной мотивации:

- напиться целительной энергией, духом и силой места – 61,9 %;
- задать себе вопросы о смысле жизни, понять себя – 42,3 %;
- прикоснуться к истории человечества, ощутить связь с прошлым – 40 %;
- побывать на природе, увидеть степь, встретить рассвет в горах – 39,5 %;
- интересно провести время с друзьями, единомышленниками – 32,6 %;
- изучить историю места, увидеть археологические находки – 27,5 %.

Как видим, лидирующие позиции ответов связаны с обращенностью к «энергетической» трактовке Аркаима, во многом популяризированной в публичном поле астрологом Тamarой Глобой и писателем-стариком Михаилом Задорновым, выступившим в 2008 году сценаристом фильма «Аркаим – стоящий у Солнца». В целом, мистический «шлейф», сопровождающий историю существования многих мемориальных пространств, становится для туристов и паломников одним из ключевых стимулов посещения. Так, например, Т. А. Артамонова, исследующая территории на Алтае (Уймонская долина) и Гималаях (долина Киннаура в штате Химачал-Прадеш), также отмечает, что среди туристов распространено мнение об особой энергетике данных природных территорий и необходимости их посещения как «мест силы» (Артамонова, 2018, с. 78).

Подчеркнем, однако, что часто воспроизводимый посетителями образ Аркаима как «места силы» далеко не всегда ассоциируется в их сознании с эзотерическими и мистическими коннотациями. В ответе на вопрос анкеты: «Существует точка зрения, что Аркаим – это место духовной силы и особого энергетического воздействия на человека. Как бы вы определили свое отношение к этой точке зрения?», 28 % респондентов полностью солидаризировались с высказанным суждением, но чаще фигурировал вариант ответа: «отношусь с интересом и ощущаю на себе силу этого места, но это не мистическая трактовка» (46 %).

Большинство информантов, принявших участие в интервью, настаивали на собственной дистанцированности от понимания «энергетики» как сверхъестественного начала.

Из материалов интервью:

– Вот эти все мистические вещи – это не про нас, это сказка про белого бычка. Но, знаете, с чем могу это сравнить: вот были мы в Великом Новгороде, проехали по всем монастырям и церквям. И вот оказались мы в женском Варлаамово-Хутынский монастыре. Вот там просто хорошо, оказываешься там, и такое впечатление, что тебя каким-то куполом обволакивает. И вот такую силу я ощущаю, это не мистика – это другое. И здесь так. Я, вот, например, оказывалась в католических соборах – и это не мое, оно меня отталкивает. И, по-

жалуй, оказываясь в таких местах как Аркаим, мы эту связь с духовным наследием чувствуем (*Марина, 65 лет, Магнитогорск*).

– Я верю в тонкие миры, в эзотерику, верю в то, что есть мир, который нами не изучен. И до изучения нам еще сотни и сотни лет. Мы и океан пока изучить не смогли до конца, космос только осваиваем. Тайн много еще в природе. А уж если о тонких материях говорить – что такое душа, привидения – ничего ведь не понятно! Поэтому, я верю, верю, что это место особое. Я не принадлежу к каким-то эзотерическим группам, но верю, что много непознанного разумом остается. Те, кто так яро заявляет, что ничего подобного не существует, просто не могут себе позволить усомниться, допустить вероятность иного. И Хокинг говорил о высшем разуме, и Циолковский верил в иные цивилизации (*Сергей, 26 лет, Челябинск*).

– Здесь когда-то мои родители на горе повязали ленточку, мечтая о ребенке. И с тех пор считается, что я – дитя Аркаима. Впервые я здесь оказалась в 2019 году. И как-то это место подарило мне умиротворение, с тех пор и приезжаю – уже четвертый раз. Про все эти энергии... не знаю, я – скептик. Это, наверное, история из 90-х, когда всякие подзарядки воды были и прочее. Хотя, если так много людей сюда приезжают постоянно, то, возможно, что-то своей энергетикой здесь и подзарядили. Для меня это просто личный биографический факт, личная семейная история. Интересно ее соотносить с особым местом. Мне интересны археологические места, вся история сопротивления археологов, которые боролись за это место (*Анастасия, 23 года, Челябинск*).

Д. А. Гусенова, исследующая многообразие подходов к смысловому разграничению паломничества и туризма, говорит о паломничестве, мотивированном религией (или «настоящее паломничество»), при котором пилигрим не интересуется историко-культурным значением места, а проводит время в медитациях, молитвах и совершении религиозных обрядов; ученый выделяет и паломничество на почве знания: «Это духовное или религиозное вдохновение смысла путешествия, объектами которых могут быть элементы природно-географической среды (горы, реки), культовые сооружения, общественные места для проведения религиозных и культовых видов деятельности, ритуалов или празднеств» (Гусенова, 2016, с. 108). Как подчеркивает С. Ю. Житенев, в современных условиях понятие «религиозного паломничества», в целом, трансформируется в сторону практик социокультурной идентичности и уже не предполагает обязательности сакральных ритуалов (Житенев, 2010).

Среди посетителей Аркаима, как показывают предварительные результаты проведенного опроса (исследовательская группа планирует увеличить

выборку респондентов в экспедициях 2024 года), доминирующим становится тип экзистенциального паломничества, связанный с поиском ответов на смысловозажизненные вопросы.

Из материалов интервью:

– Слышал от разных людей об Аркаиме. И период жизни тогда у меня был довольно тяжелый: дети сильно болели, супруга болела. И решил съездить, чтобы как-то эмоционально перезагрузиться, как-то выйти из давящей той ситуации... Я далек от мистики, я не шаман, не маг, не все в таком духе. А вообще, со временем я понял, что сюда едут три типа людей: первые – те, кто просто хотят отдохнуть; вторые – с серьезным внутренним запросом, этих людей видно сразу; а третий – эзотерики, которые ищут место силы. Я тоже свой внутренний вопрос разрешил – мне нужна была смысловая перезагрузка. Побыл наедине с собой, постарался посмотреть на ситуацию со стороны. Кстати, когда вернулся – решил пойти учиться на психолога, сейчас уже и диплом защитил. Я сейчас стремлюсь рассказывать другим людям о нем. Здесь ничего нет, вроде бы, но тебе хорошо. Вообще, я заметил: сначала Аркаим работает с тобой, а потом – через тебя – с другими людьми (*Юрий, 32 года, Челябинск*);

– Говорят ведь на это место – колыбель цивилизации. Видимо, не зря... Будто к родному дому приезжаешь. Поэтому и возвращаешься сюда постоянно. Конечно, хочется, чтобы не было тут пьяных, случайных людей, чтобы могли с детишками семьи приезжать. Не дело здесь – медовуху продавать... Должен быть порядок, это место важно сохранить, это же особое место, оно духовный жизненный путь открывает. Сюда важно ехать за смыслами, это должно быть ценным, важно понять ценность этого места (*Земфира, 60 лет, Тюмень*).

Для человека, ориентированного на посещение подобных мест, характерно переживание неких пороговых или переходных состояний «лиминальности» – как отделения от набора прежних культурных состояний (Воронкова, 2013, с. 73) и перехода в фазу «обновленного себя».

Подобный переход может оцениваться как «путь из профанного, неподлинного в сакральное, подлинное, как выход в иные пространства бытия, как временное освобождение от ролевого, статусного и иного контроля со стороны общества; в реальности представляет собой смену инстанций социального контроля и санкционированности» (Ваторопин, Костина, Подергина, 2017, с. 55).

Из материалов интервью:

– Я работающий пенсионер, так ребята мои на работе мне говорят: «Дядя Тимур, чего ты какой-то сам не свой?» А я отвечаю –

мне уже пора ехать батарейки заряжать. И здесь на Аркаиме – будто в новое измерение вхожу. И вот приезжаешь – окрыленный, заряженный энергией обратно – а вокруг та же серость... и люди, которые больше на материальные блага ориентированы. Земля Аркаима дает возможность человеку раскрываться. Я здесь Истину нахожу (*Тимур, 62 года, Тюмень*);

– Я после Аркаима приезжаю очень наполненной, мне этого ощущения на год хватает. Первый раз здесь 10 лет назад была. И стараюсь ездить периодически. Узнала об этом месте случайно, хотя случайного ничего не бывает. Сначала я не очень поняла про это место. А потом, когда шла на гору, ходила по спирали – что-то особое и новое для себя ощутила. Верить ты или нет, но наполняешься силой этого места. Природа дает эти потоки энергий, надо больше босиком ходить (*Елена, 29 лет, Екатеринбург*);

– Мне одна женщина посоветовала сюда съездить, сказала, что здесь совсем другая энергия. Она гаданием занимается, приезжает, чтобы сил набираться. Я сама гаданием не увлекаюсь, но решила тоже побывать. Два года собиралась, вот, наконец, приехала. И вот будто переродилась даже! Не знаю, может это и самовнушение... Я вчера не смогла на гору Любви подняться, потом собрала себя, прошла одну спираль и спала потом так хорошо. Знаете, такое ощущение в организме, будто все ненужное отпало. Будто новые силы обрела теперь (*Инна, 47 лет, Стерлитамак*).

В целом, как показывали результаты наблюдений за посетителями Аркаима, отсутствие доминанты как в «символике посещения» (смыслы, мотивы), так и в «прагматике посещения» (реализуемые действия) способствуют универсальности и открытости мемориального ландшафта для реализации самых разнообразных социокультурных запросов. При этом, как подчеркивают исследователи (Загидуллина, 2017; Куприянова, 2021), формирование противоречивого образа Аркаима, своеобразная борьба дискурсов относительно статуса данного места – от сугубо исторических фактов до вольных эзотерических интерпретаций – связаны с трансфером археологического знания в публичную (прежде всего медийную) сферу.

Заключение

Мемориальные ландшафты, на наш взгляд, обладают тремя ключевыми характеристиками, обеспечивающими устойчивый интерес к ним аудитории.

Историчность – ценность ландшафта как события Истории, легитимная «проверка временем» и связь времен в незавершенном движении от прошлого – к настоящему.

Мифологичность – своего рода «символический капитал места», особый шлейф легенды, связанной с указанным местом (в отношении Аркаима, как показывает проведенный нами массовый опрос, к подобным конструкциям отнесены «место силы», «прародина ариев», «родина Заратустры», «энергетический очаг Земли»). П. И. Ананченкова, осуществившая контент-анализ наиболее популярных «мест силы» (более 500 публикаций, посвященных религиозному туризму и паломничеству в Татарстане, Башкортостане, Хакасии, Карачаево-Черкессии, Якутии и Дагестане), отмечает: «Такие места вызывают у людей особые эмоции: страх, восторг, умиротворение. Свидетели отмечают, что присутствие в таком месте эмоционально очищает, вдохновляет, придает сил и очищает разум. Про такие места силы часто можно услышать, что это «намоленное место», информация о чудотворности подобных мест передается из уст в уста, и люди прибывают в них с верой в то, что именно в этом месте сбываются сокровенные желания, а искренние молитвы быстрее доходят до Бога» (Ананченкова, 2020, с. 91).

Нарративность – действенный ресурс порождения личностных рассказов об истории посещения места, воздействии этого посещения на жизнь человека: «Процесс нарративизации позволяет месту служить значимым фактором в построении, изменении и поддержании исторической и культурной памяти» (Трофимова, 2014, с. 214).

Потребность человека в посещении, а тем более устойчивости и регулярности контактов (как показали результаты проведенного нами исследования – 68,5% опрошенных респондентов указали на повторные, в том числе – ежегодные посещения Аркаима), как нам кажется, могут объясняться следующими обстоятельствами:

– потребностью выхода за пределы повседневно-обыденной рамки жизни, когда присутствие в месте, легитимно позиционируемом как «событие истории», оказывает проецирующее воздействие и на «событие собственной жизни», дает ресурс значимого впечатления;

– урбанистическим давлением, которое связывается с истощением психологического ресурса стрессоустойчивости и поискам «места силы» в природном ландшафте, овеянном памятью прошлого как истока жизни;

– «духовной миграцией» – конструированием «чуда» в сверхрациональном и технологическом мире, попыткой компенсировать нестабильность жизненных координат через прикосновение к «миру Духа» или же мистической и эзотерической интерпретации.

Список литературы

1. Алексеев, А. К., Иванова, В. В. (2012). Общее и особенное в практиках паломничества (Зийарат) в Турции и Центральной Азии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение и африканистика*, (3), 72–81.

2. Ананченкова, П. И. (2020). Развитие молитвенного туризма в тюркских регионах Российской Федерации. *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*, (3), 90–94. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2020-3-48-90-94>
3. Артамонова, Т. А. (2018). К вопросу о паломническом туризме (на примере Алтая и Гималаев). *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*, (1), 77–80. <https://doi.org/10.32340/2541-772X-2018-1-77-80>
4. Ваторопин, А. С., Костина, Н. Б., Подергина, Е. Е. (2017). Трансформация феномена паломничества в современном обществе. *Дискуссия*, (7), 54–62.
5. Виноградов, В. В. (2002). Почитаемые места: конец XX века. В Т. А. Бернштам, Ю. Ю. Шевченко (Ред., сост.), *Христианство в регионах мира* (с. 230–240). Санкт-Петербург: МАЭ РАН.
6. Воронкова, Л. П. (2013). У истоков антропологии туризма: Виктор Тернер. *Российский научный журнал*, 1(32), 70–75.
7. Гусенова, Д. А. (2016). Антиномия сакрального и профанного в философском дискурсе: турист или паломник? *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, 17, 105–112.
8. Житенев, С. Ю. (2010). Религиозное паломничество и межкультурные коммуникации. *Вестник Славянских культур*, (4), 13–25.
9. Загидуллина, М. В. (2017). Как измерить популярность Аркаима? Голоса встроенных метрик в контексте теории панмедиатизации. В М. В. Загидуллина (Гл. ред.), *Горизонты цивилизации: материалы Восьмых аркаимских чтений (23–26 мая 2017 г., Аркаим)* (с. 38–67). Челябинск: Энциклопедия.
10. Каганский, В. Л. (2009). Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии. *Обсерватория культуры*, (1), 62–70.
11. Куприянова, Е. В. (2021). Современные механизмы формирования имиджа археологических памятников в общественном сознании с помощью СМИ (на примере поселения бронзового века Аркаим в Челябинской области). *Вестник культуры и искусств*, (2), 71–83.
12. Любимова, Г. В. (2021). Культовые и мемориальные места в сельских ландшафтах Западной Сибири: вопросы соотношения и коллективной памяти. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*, 27, 806–811. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811>
13. Нора, П. (1999). Между памятью и историей, проблематика мест. В П. Нора (Гл. ред.), *Франция-Память* (с. 17–50). Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
14. Сандыбаева, У. М., Альжанова, Г. М. (2019). «Места памяти» как культурный капитал региона: сакральный потенциал Баянаула. *Мир Большого Алтая*, 5(4), 630–647. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-4-629>

15. Тишков, В. А. (2004). Культурный смысл пространства. *Этнографическое обозрение*, (1), 14–31.
16. Трофимова, К. (2014). Конструирование священных мест в мультикультурной среде: пример святилища «Зайде Башче» в Нише (Сербия). *Государство, религия, церковь*, (2), 204–230.
17. Хобсбаум, Э. (2000). Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, (1), 47–62.
18. Элиаде, М. (2001). *История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий*. Москва: Критерион.

References

1. Alekseev, A. K., & Ivanova, V. V. (2012). Obshchee i osobennoe v praktikakh palomnichestva (Ziyarat) v Turtsii i Tsentral'noy Azii [Common and distinctive features of islamic pilgrimage practices (ziyarat) in Central Asia and Turkey]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie i afrikanistika*, (3), 72–81.
2. Ananchenkova, P. I. (2020). Razvitie molitvennogo turizma v tyurkskikh regionakh Rossiyskoy Federatsii [Development of prayer tourism in the turkic regions of the Russian Federation]. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologiy)*, (3), 90–94. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2020-3-48-90-94>
3. Artamonova, T. A. (2018). K voprosu o palomnicheskom turizme (na primere Altaya i Gimalaev) [Revisiting the pilgrimage tourism (evidence from the Altai and the Himalayas)]. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii*, (1), 77–80. <https://doi.org/10.32340/2541-772X-2018-1-77-80>
4. Eliade, M. (2001). *Istoriya very i religioznykh idey. V 3 t. T. 1. Ot kamennogo veka do elevsinskikh misteriy* [A History of Religious Ideas. Vol. 1. From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries]. Moscow: Kriterion.
5. Gusenova, Dz. A. (2016). Antinomiya sakral'nogo i profannogo v filosofskom diskurse: turist ili palomnik? [The Antinomy of the Sacred and the Profane in the Philosophical Discourse: a Tourist or a Pilgrim?]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"*, 17, 105–112.
6. Hobsbawm, E. J. E. (2000). Izobretenie traditsiy [The Invention of Tradition]. *Vestnik Evrazii*, (1), 47–62.
7. Kaganskiy, V. L. (2009). Kul'turnyy landshaft: osnovnye kontseptsii v rossiyskoy geografii [Cultural landscape: basic concepts in russian geography]. *Observatoriya kul'tury*, (1), 62–70.
8. Kupriyanova, E. V. (2021). Sovremennye mekhanizmy formirovaniya imidzha arkheologicheskikh pamyatnikov v obshchestvennom soznanii s pomoshch'yu SMI (na primere poseleniya bronzovogo veka Arkaim v Chelyabinskoy oblasti) [Modern Mechanisms of Forming the Image of

Archaeological Sites in the Public Consciousness with the Help of the Media (on the Example of Bronze Age Settlement Arkaim, Chelyabinsk Region)]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, (2), 71–83.

9. Lyubimova, G. V. (2021). Kul'tovye i memorial'nye mesta v sel'skikh landshaftakh Zapadnoy Sibiri: voprosy sootnosheniya i kollektivnoy pamyati [Cult and Memorial Sites in Rural Landscapes of Western Siberia: Correlation and Collective Memory Issues]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 27, 806–811. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811>

10. Nora, P. (1999). Mezhdru pamyat'yu i istoriey, problematika mest [Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire]. In P. Nora (Gen. ed.), *Frantsiya-Pamyat'* (pp. 17–50). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta.

11. Sandybayeva, U. M., & Alzhanova, G. M. (2019). “Mesta pamyati” kak kul'turnyy kapital regiona: sakral'nyy potentsial Bayanau [“Memory Places” as Cultural Capital of the Region: Sacred Potential of Bayanau]. *Mir Bol'shogo Altaya*, 5(4), 630–647. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-4-629>

12. Tishkov, V. A. (2004). Kul'turnyy smysl prostranstva [The cultural meaning of the space]. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 14–31.

13. Trofimova, K. (2014). Konstruirovanie svyashchennykh mest v mul'tikul'turnoy srede: primer svyatilishcha “Zayde Bashche” v Nishe (Serbiya) [Constructing Holy Spaces in Multicultural Milieu: the Case of “Zajde Bašće” Shrine in Nish (Serbia)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov'*, (2), 204–230.

14. Vatoropin, A. S., Kostina, N. B., & Podergina, E. E. (2017). Transformatsiya fenomena palomnichestva v sovremennom obshchestve [Pilgrimage phenomenon's transformation in the modern society]. *Diskussiya*, (7), 54–62.

15. Vinogradov, V. V. (2002). Pochitaemye mesta: konets XX veka [Revered places: the end of the twentieth century]. In T. A. Bernshtam, & Yu. Yu. Shevchenko (Eds., comp.), *Khristianstvo v regionakh mira* (pp. 230–240). St. Petersburg: MAE RAN.

16. Voronkova, L. P. (2013). U istokov antropologii turizma: Viktor Turner [At the origins of the anthropology of tourism: Victor Turner]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal*, 1(32), 70–75.

17. Zagidullina, M. V. (2017). Kak izmerit' populyarnost' Arkaima? Golosa vstroennykh metrik v kontekste teorii panmediatizatsii [How to measure the popularity of Arkaim? Voices of built-in metrics in the panmediatization theory context]. In M. V. Zagidullina (Gen. ed.), *Gorizonty tsivilizatsii: materialy Vos'mykh arkaimskikh chteniy* (23–26 maya 2017 g., Arkaim) (pp. 38–67). Chelyabinsk: Entsiklopediya.

18. Zhitenev, S. Yu. (2010). Religioznoe palomnichestvo i mezhkul'turnye kommunikatsii [Religious pilgrimage and intercultural communication]. *Vestnik Slavyanskikh kul'tur*, (4), 13–25.

Информация об авторах

Людмила Борисовна Зубанова, доктор культурологии, профессор, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6081-5568>, e-mail: milazubanova@gmail.com

Наталья Львовна Зыховская, доктор филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1697-2782>, e-mail: ladoga122@gmail.com

Мария Львовна Шуб, доктор культурологии, доцент, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3159-6391>, e-mail: shubka_83@mail.ru

Information about the authors

Lyudmila Borisovna Zubanova, Doctor of Sciences (Cultural Studies), Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6081-5568>, e-mail: milazubanova@gmail.com

Natalia Lvovna Zykhevskaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1697-2782>, e-mail: ladoga122@gmail.com

Maria Lvovna Shub, Doctor of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3159-6391>, e-mail: shubka_83@mail.ru

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ВОПРОСУ О СИРИЙСКИХ БЕЖЕНЦАХ И ВНУТРЕННЕ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦАХ

Юлия Сергеевна Филаретова,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
iulia.filaretova@urfu.ru

Получена 14.11.2023.

Поступила после рецензирования 13.12.2023.

Принята к публикации 28.03.2024.

Для цитирования: Филаретова Ю.С. Гуманитарная деятельность международных неправительственных организаций по вопросу о сирийских беженцах и внутренне перемещенных лицах // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 111-128. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_111

Аннотация

Исследование посвящено изучению гуманитарной деятельности международных неправительственных организаций (МНПО), функционирующих в Сирии. Целью работы стало проведение анализа деятельности неправительственных организаций в сфере гуманитарной помощи сирийским беженцам, а также внутренне перемещенным лицам (ВПЛ). Так, в первую очередь исследование раскрывает феномен гуманитарного кризиса в Сирии, повлекшего за собой включение различных МНПО в решение вопросов гуманитарного характера; затем автор дает оценку гуманитарной деятельности нескольких МНПО в Сирии, являющихся членами Сирийского

© Филаретова Ю.С., 2024

международного регионального форума (SIRF). Для достижения цели автор использовал комплексный подход, включающий качественный и количественный анализ информации, официально представленной самими МНПО о своей гуманитарной деятельности. Результаты проведенного анализа показали, что гуманитарная инициатива МНПО по вопросу урегулирования кризиса беженцев и ВПЛ связана в первую очередь с обеспечением их продовольствием и водоснабжением, оказанием им медицинской и психологической помощи, с реконструкцией гражданской инфраструктуры. Более того, деятельность МНПО представлена различными программами и имеет разную интенсивность, поэтому в исследовании определяются несколько МНПО, имеющих наиболее разветвленную деятельность в Сирии. Автором доказывается, что в большей части случаев работа организаций не носит политизированный характер. В настоящей статье осуществляется теоретическое обобщение принимаемых МНПО практических шагов по разрешению вопроса о сирийских беженцах и ВПЛ. Данный вопрос пока слабо изучен в отечественной литературе и потому может стать предметом пристального внимания как со стороны определенных групп российских ученых, так и целого ряда общественных организаций.

Ключевые слова

Сирия, конфликт, беженцы, ВПЛ, МНПО, гуманитарная деятельность

UDC 341.1

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_111

HUMANITARIAN ACTIVITIES OF INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS ON THE ISSUE OF SYRIAN REFUGEES AND INTERNALLY DISPLACED PERSONS

Iuliia S. Filaretova,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
iulia.filaretova@urfu.ru

Received 14.11.2023.

Revised 13.12.2023.

Accepted 28.03.2024.

For citation: Filaretova, Iu. S. (2024). Humanitarian Activities of International Non-Governmental Organizations on the Issue of Syrian Refugees and Internally Displaced Persons. *Discourse-P*, 21(2), 111–128. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_111

Abstract

The paper aims to study humanitarian activities of international non-governmental organizations (INGOs) operating in Syria in terms of humanitarian assistance to Syrian refugees, as well as internally displaced people (IDPs). Thus, firstly, the research reveals the phenomenon of the humanitarian crisis in Syria, which led various INGOs to participate in solving humanitarian problems. Secondly, the paper assesses humanitarian activities performed by several INGOs in Syria that are members of the Syrian International Regional Forum (*SIRF*). An integrated approach was used that included a qualitative and quantitative analysis of information officially provided by INGOs concerning their humanitarian activities. The analysis determined humanitarian relief on resolving refugees and IDPs crisis as being primarily related to ensuring food security and water supply, providing medical and psychological assistance, reconstructing civilian infrastructure. Moreover, the paper comes to the conclusion that activities of NGOs are represented by different programs and they have different intensity, therefore, the study identifies several NGOs with the most extensive activities in Syria. The author proves that in most cases these organizations tend to avoid politicization of their work. This article provides a summary of those practical steps taken by an NGO to resolve the issue of Syrian refugees and IDPs. This issue has been largely ignored in Russian literature and therefore may become a subject of close attention both from certain groups of Russian scientists and a number of public organizations.

Keywords:

Syria, conflict, refugees, IDPs, NGOs, humanitarian work

Введение

Конфликт в Сирии, начавшийся в марте 2011 г., продолжается более десяти лет. Он стал одним из самых масштабных и кровопролитных конфликтов начала XXI в., приравненным Международным комитетом Красного Креста (МККК) к «вооруженному конфликту международного характера»¹. Сирийский конфликт оказал катастрофическое воздействие на гражданское население, став крупным гуманитарным кризисом современности, обернувшимся массовой гибелью мирного населения, масштабными перемещениями беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ).

Стоит отметить, что с 2018 г. конфликт перешел в менее активную вооруженную фазу и более не ведется на таких обширных территориях государства, как

¹ Nebehay, S. (2017, April 7). *Exclusive: Situation in Syria constitutes international armed conflict – Red Cross*. Retrieved July 10, 2023, from <http://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-redcross-idUSKBN17924T>

в 2014–2015 гг., сузив охват боевых действий до одного города – Идлиб – и его окраин, где на современном этапе сосредоточены остатки боевиков. Тем не менее, согласно гуманитарным показателям, обстановка в стране не улучшается. Это в свою очередь связано с затянувшимся процессом восстановления экономической и социальной жизни в Сирии, с проблемой поиска доноров, а также с масштабным санкционным режимом. Несмотря на санкционные ограничения, в стране ведется активная работа международных неправительственных организаций (МНПО), которые наряду с агентствами ООН, пытаются улучшить гуманитарную ситуацию в стране, в том числе в аспекте урегулирования кризиса беженцев и ВПЛ. Помимо международных, в Сирии стали появляться и национальные неправительственные организации (ННПО), стремящиеся оказывать помощь согражданам.

В исследовании под термином МНПО будет пониматься неправительственная организация, работающая в Сирии, но не являющаяся сирийской по происхождению, и образованная в соответствии с нормами национального права другого государства, где она зарегистрирована, однако осуществляющая свою деятельность в глобальном масштабе в соответствии с принципами международного права. Изучению роли МНПО в международных отношениях посвящено большое число работ, в которых отмечается усиливающая роль этих акторов в решении глобальных проблем. Одними из наиболее востребованных стали МНПО, занявшиеся оказанием помощи населению, которое находится в чрезвычайной ситуации, путем решения гуманитарных и экологических вопросов.

Исследованию гуманитарного кризиса в Сирии, в том числе изучению проблемы беженцев и ВПЛ, посвящено большое количество научных трудов. Однако в отечественной литературе наблюдается отсутствие комплексных работ по анализу деятельности неправительственных организаций в Сирии. В ряде работ российских авторов освещаются те или иные аспекты миграционного кризиса беженцев в странах Европейского Союза и Ближнего Востока (Потемкина, 2019; Демченко, 2019; Бибилова, 2016; Аваткова и др., 2018).

Среди зарубежных теоретических источников особо выделим отчетную статью Е. Слободы и С. Пантулиано (Svoboda, Pantuliano, 2015), раскрывающую проблему деятельности международных и национальных диаспоральных акторов в первые годы сирийского конфликта. Большое количество иностранных исследований посвящено работе гуманитарных организаций в Турции, стране, приютившей наибольшее число беженцев из Сирии – более 3 млн чел. (Aras, Duman, 2019; Puthiyakath, 2017; Atar et al., 2023; Zihnioğlu, 2022 и др.).

С самого начала конфликта в Сирию устремились десятки международных неправительственных организаций (МНПО), в том числе российских, среди которых оказались: Русская Гуманитарная Миссия, Региональный общественный фонд им. Героя России А. Кадырова, Международная благотворительная общественная организация «Справедливая помощь Доктора Лизы», Всероссийская общественная организация ветеранов «Боевое Братство», Русская Православная Церковь, Императорское Русское Православное Палестинское Общество, Региональный общественный фонда поддержки и сохранения духовных памят-

ников «Духовное наследие Святого Апостола Павла» и др. (Филаретова, 2023). Данные организации занимались гуманитарной поддержкой уязвимых групп Сирии, проживающих в труднодоступных районах, обеспечивали их продуктами питания, средствами первой медицинской помощи, непродовольственными товарами (одеяла, матрасы и др.), поставляли в школы и монастыри электрогенераторы и солнечные батареи, проводили восстановление мечетей и объектов культурного наследия.

Для взаимодействия между различными МНПО в апреле 2013 г. была создана крупная площадка – Сирийский международный региональный форум (*The Syria International NGO Regional Forum – SIRF*). С начала своего функционирования в SIRF вошли более 50 международных неправительственных организаций, занимающихся преимущественно оказанием помощи беженцам и ВПЛ.

Основная цель настоящей работы – проведение комплексного анализа деятельности МНПО в сфере гуманитарной помощи сирийским беженцам и ВПЛ, основанного на отчетных документах и официальных данных SIRF, а также на данных органов и агентств ООН, таких как Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ).

Результаты исследования

Гуманитарный кризис. Кризис сирийских беженцев и ВПЛ

Согласно заявлению Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ), Сирия остается страной с огромным гуманитарным кризисом². Губительное воздействие на гражданское население можно проследить по демографическим показателям Сирии. Согласно данным Департамента по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ) ООН³ в 2010 г. население составляло 21,3 млн чел., тогда как в 2022 г. оно сократилось на 14,5% до 18,2 млн чел., как показано на диаграмме (Рисунок 1).

Такое сокращение населения в стране, находящейся в состоянии конфликта, связано в первую очередь с двумя основными факторами. Во-первых, это жертвы, погибшие в боевых действиях, ведущихся на территории жилых районов, в том числе крупных городов. Так, с начала конфликта до 2018 г. наблюдается сокращение населения – это период активной фазы вооруженного конфликта, окончившейся сражением оплота международного терроризма в лице ИГИЛ⁴

² *Message from the United Nations humanitarian, refugee, and development chiefs on the situation in Syria and the region*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/news/press/2022/5/627a72354/message-united-nations-humanitarian-refugee-development-chiefs-situation.html>

³ *Data Query, Population Dynamics*. Retrieved July 10, 2023, from <https://population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/760>

⁴ Террористическая организация, запрещенная в России.

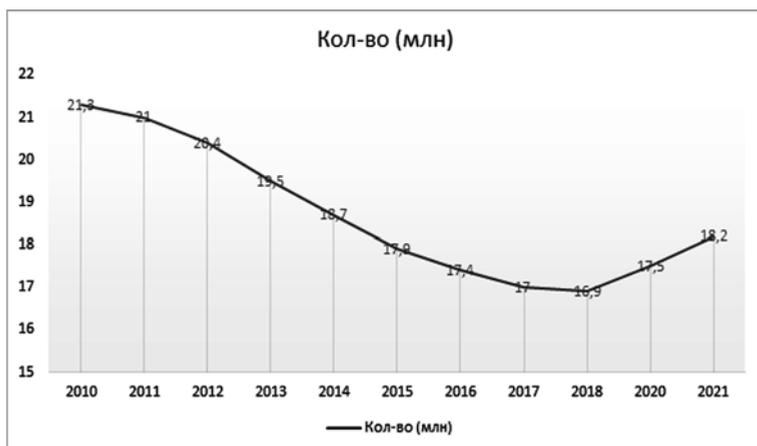

Рисунок 1 – Демографическая ситуация в Сирии, 2010–2021 гг. (*Department of Economic and Social Affairs, Population Dynamics, UN, 2018. Retrieved July 10, 2023, from <https://population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/760>*)

Figure 1 – Demographic situation in Syria, 2010–2021 (*Department of Economic and Social Affairs, Population Dynamics, UN, 2018. Retrieved July 10, 2023, from <https://population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/760>*)

и суживанием боевых действий до весьма ограниченной территории. Во-вторых, крупные эмиграционные потоки, которые с 2014–2015 гг. спровоцировали кризис сирийских беженцев не только в соседних странах, но и в Европе, продолжавшие расти также вплоть до 2018 г. В 2022 г. УВКБ ООН представило данные, согласно которым около 6,9 млн зарегистрированных сирийских беженцев до сих пор остаются за пределами Сирии⁵. При этом на современном этапе вновь наблюдается небольшой рост, связанный с вынужденным переселением из-за торможения процесса социально-экономического восстановления страны, включая социальную инфраструктуру и, главным образом, разрушенный жилищный фонд, вследствие крепко стягивающих страну санкций, в числе которых так называемый американский санкционный закон «Акт Цезаря»⁶, принятый в 2019 г. – сразу же после окончания активной вооруженной фазы конфликта (Рисунок 2).

По данным УВКБ ООН, сирийские беженцы размещаются в 129 странах⁷, при это большая часть беженцев приходится на страны Ближнего

⁵ *Syria emergency*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/syria-emergency.html>

⁶ *Abdullah bin Zayed: US Caesar Act complicates the situation in Syria*. Retrieved July 10, 2023, from <https://thearabweekly.com/abdullah-bin-zayed-us-caesar-act-complicates-situation-syria>

⁷ *Global Trends Report 2021*. P. 17. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/publications/brochures/62a9d1494/global-trends-report-2021.html>.

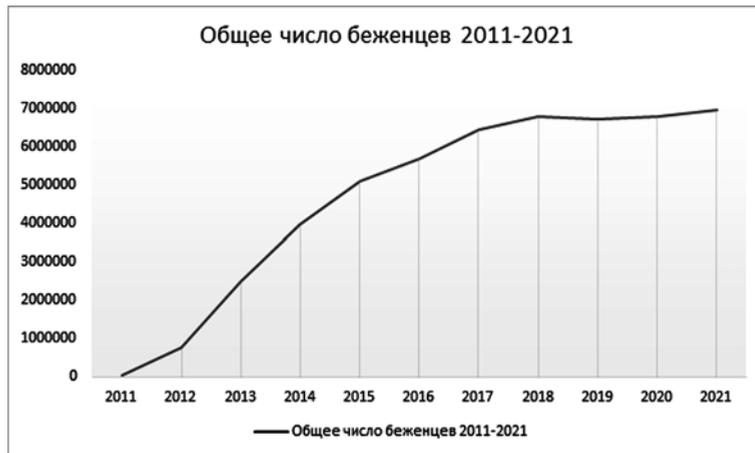

Рисунок 2 – Общее число беженцев, 2011–2021 гг. (*Syria emergency, UNHCR*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/syria-emergency.html>)

Figure 2 – Total number of refugees, 2011–2021 (*Syria emergency, UNHCR*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/syria-emergency.html>)

Востока – более 5,6 млн беженцев, среди которых Турция является главной принимающей страной, размещая более 3,5 млн беженцев; за ней идут Ливан, Египет, Ирак и Иордания⁸. Из числа стран ЕС, страной-лидером по приему сирийских беженцев оказалась Германия – там размещается более 600 тыс. чел.⁹

Наряду с существующей проблемой сирийских беженцев, внутренне перемещенные лица, т. е. лица, перемещенные внутри своей страны из-за вооруженного конфликта, всеобщего насилия и последствий санкционных ограничений, имеют не менее трагичные показатели: по данным УВКБ ООН они оцениваются в 6,9 млн чел. за все годы конфликта¹⁰ (Рисунок 3).

Таким образом, общие миграционные потоки внутри страны и за ее пределами превысили 13,7 млн чел., что составляет более половины населения Сирии довоенного времени. В этой связи ситуация в Сирии описывается верховным комиссаром ООН по делам беженцев как «крупнейший гуманитарный кризис и кризис с беженцами нашего времени»¹¹.

⁸ 33RP. *Syria Regional Refugee Response*. Retrieved July 10, 2023, from <https://data.unhcr.org/en/situations/syria>

⁹ *Global Trends Report 2021. Op. cit. P. 17.*

¹⁰ *TRefugee Data Finder, UNHCR*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=H38bK1>

¹¹ *Message from the United Nations humanitarian, refugee, and development chiefs on the situation in Syria and the region*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/news/press/2022/5/627a72354/message-united-nations-humanitarian-refugee-development-chiefs-situation.html>

Рисунок 3 – Общее число внутренне перемещенных, 2011–2021 гг. (Refugee Data Finder, UNHCR. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=H38bK1>)

Figure 3 – Total number of internally displaced, 2011–2021 (Refugee Data Finder, UNHCR. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=H38bK1>)

Роль МНПО в решении кризиса беженцев и ВПЛ

Большая роль в решении гуманитарных вопросов в Сирии принадлежит структурам МНПО и ННПО. По мнению таких исследователей как Б. Арас и Я. Думан, значение турецких национальных неправительственных организаций в решении кризиса сирийских беженцев внутри Турции достаточно велико, поскольку их деятельность включает весь спектр предоставления гуманитарной помощи беженцам: от регистрации до ассистирования и выдачи продуктов первой необходимости (Arag, Duman, 2019).

Необходимо подчеркнуть, что при осуществлении гуманитарной деятельности неправительственная организация должна отвечать принципам гуманизма, предполагающим в первую очередь ненасильственную работу, направленную на обеспечение безопасности и благополучия человека. Так, следуя принципам гуманизма, работа МНПО в Сирии и регионе должна проводиться в рамках международного гуманитарного права с целью ненасильственного завершения вооруженного конфликта и обеспечения безопасности (Громогласова, 2018, с. 6), с целью общего улучшения гуманитарного положения населения (Примаков, 2018). Среди основных видов деятельности гуманитарных МНПО в ситуации вооруженного конфликта можно выделить миротворчество, обеспечение людей продовольствием, защиту беженцев, политику репатриации и др. (Богатырева, 2022). Согласно исследованию М. Харроф-Тэйвела, основная задача МНПО, таких как *Oxfam International*, *CARE International*, которые как раз присутствуют в Сирии, заключается в выполнении ими роли нейтрального медиатора

при проведении переговоров между акторами конфликта (Harroff-Tavel, 2005). В то же время Л. Минер и Х. Смит отмечают, что реализация гуманитарной функции должна сопровождаться следованием трем базовым принципам: независимости, нейтральности и беспристрастности (Minear, Smith, 2007). В связи с чем можно заключить, что деятельность гуманитарных МНПО в Сирии, население которой стало жертвой крупной гуманитарной катастрофы, является особенно важной на пути урегулирования конфликта и восстановления мирной жизни в стране, регионе и за его пределами.

Одним из самых больших вкладов в урегулирование гуманитарных последствий вооруженного конфликта в Сирии внесла деятельность Сирийского международного регионального форума (*SIRF*)¹², который был создан на фоне все расширяющегося вооруженного конфликта на территории Сирии, а также усугубляющихся гуманитарных и политических последствий как для самой Сирии, так и соседних стран¹³. *SIRF* провозглашает следующие четыре принципа своего функционирования: координация, представительство, защита интересов и управление информацией. В связи с этим его основными целями являются, во-первых, предоставление централизованных запросов региональному сообществу доноров, а также отделениям агентств ООН и правительствам стран, принимающих беженцев; во-вторых, управление и представительство МНПО-членов в рамках региональных стратегических и технических координационных механизмов и мероприятий; в-третьих, информирование МНПО-членов о возможностях защиты интересов и др.; и, в-четвертых, содействие обмену и координации информации по вопросу о гуманитарной помощи в Сирии и соседних странах¹⁴.

В 2023 г., по опубликованным данным, в *SIRF* входят 57 МНПО, которые для осуществления гуманитарной деятельности получают финансовую поддержку от правительств государств, преимущественно, на территории которых они зарегистрированы, а также коммерческих компаний, церквей, образовательных учреждений и путем сбора благотворительных средств от обычных граждан.

Согласно представленной информации, единственным донором, вносящим пожертвования в пользу развития и функционирования *SIRF*, является Министерство иностранных дел и международного развития Великобритании (*FCDO*), также известное как Форин-офис¹⁵. Великобритания на протяжении всего конфликта позиционируется как один из основных критиков сирийского правительства, в том числе выступая с заявлениями об отставке президента Сирии. Несмотря на кажущуюся возможность существования политизированности в деятельности МНПО, входящих в *SIRF*, работу многих организаций

¹² *The Syrian International NGO Regional Forum*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.sirf.ngo/#>

¹³ *Reliefweb*. Retrieved July 10, 2023, from <https://reliefweb.int/organization/sirf>

¹⁴ *The Syrian International NGO Regional Forum*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.sirf.ngo/#>

¹⁵ *Ibid.*

все же можно назвать приверженной основополагающим принципам гуманитарной деятельности, потому что большая часть их них работает на территориях, подконтрольных сирийскому правительству.

Среди 57 организаций есть те, которые уделяют первостепенное значение решению вопроса помощи беженцам и ВПЛ. К ним можно отнести: *Dorcas*, *ZOA*, *Jesuit Refugee Service*, *Syria Relief*, *Solidarités International*, *CARE International*, *International Rescue Committee*, *Norwegian Refugee Council* и *Danish Refugee Council*. Для более масштабного охвата многомиллионных жертв вооруженного конфликта эти организации включают в свой штат не только иностранных сотрудников, но и работников из числа местного населения, которые обычно представляют абсолютное большинство.

Деятельность перечисленных выше МНПО берет начало в разные периоды конфликта в Сирии. Если с начала конфликта в 2011 г. в Сирии работали всего 2 такие организации, то в 2012 г. к их числу присоединились 3, в 2013 г. – еще 3, в 2015 г. – 1. Таким образом, к 2016 г. количество МНПО, занимающихся решением проблемы беженцев и ВПЛ в Сирии, выросло до 9.

Самыми опытными в этом отношении можно считать МНПО *Jesuit Refugee Service* и *Danish Refugee Council (DRC)* – их деятельность берет начало до 2011 г.

Jesuit Refugee Service, имеющая штаб-квартиру в Ватикане, начала свою работу в Сирии в 2008 г. в связи с растущим числом иракских беженцев после интервенции США в Ирак. С 2011 г. *JRS* расширила свой мандат в Сирии и начала предоставлять гуманитарную помощь сирийским ВПЛ: в первую очередь медицинские услуги, а также доступ к образованию, защиту детей, экстренную помощь и др.¹⁶ Таким образом, *JRS* фокусируется на предоставлении специализированного медицинского лечения в широком спектре, которое включает выдачу лекарств, транспортировку в медицинские центры, услуги устного перевода, услуги специализированных клиник, лабораторные анализы, рентгенографию, хирургию, родовспоможение и др. Помимо этого, для поддержки уже существующих систем общественного здравоохранения *JRS* помогает местным клиникам, больницам и диспансерам¹⁷.

Danish Refugee Council начала свою работу в Сирии также в контексте оказания поддержки иракским беженцам с 2008 г. В 2012 г. ее деятельность в Сирии стала включать и поддержку пострадавшим сирийцам. Так, *DRC* занимается восстановлением зданий и гражданской инфраструктуры, пропагандируя безопасное, добровольное и достойное возвращение беженцев на родину в Сирию¹⁸. Донорами организации в Сирии выступают МИД Дании и Управление по евро-

¹⁶ *Jesuit Refugee Service*. Retrieved July 10, 2023, from <https://jrs.net/en/country/syria/>

¹⁷ *Jesuit Refugee Service. Health Care*. Retrieved July 10, 2023, from <https://jrs.net/en/programme/health-care/>

¹⁸ *Danish Refugee Council, Syria*. Retrieved July 10, 2023, from <https://pro.drc.ngo/where-we-work/middle-east/syria/>

пейским операциям по гражданской обороне и гуманитарной помощи (ECHO). Более того, МНПО работает с беженцами и осуществляет многосекторальное гуманитарное реагирование в соседних странах: Турции, Ливане, Иордании. В этих странах, в отличие от Сирии, донорами программ помощи сирийским беженцам являются такие государственные структуры европейских стран, как UK AID и Swiss Agency for Development and Cooperation¹⁹.

МНПО нидерландского происхождения *Dorcас*, работая с беженцами и ВПЛ с 2013 г., особое внимание уделяет психологической помощи перемещенному населению, прежде всего женщинам и вдовам, а также детям. По данным организации, в 2022 г. в ее программах, в том числе проектах по удовлетворению основных потребностей уязвимых групп, столкнувшихся с вынужденным переселением и его экономическими и социальными последствиями, поддержке и восстановлению их благополучия, приняли участие более 34 тыс. чел. по всей Сирии²⁰. Важно подчеркнуть, что организация работает и на подконтрольных, и на неподконтрольных сирийскому правительству территориях, таким образом следуя принципу нейтралитета.

МНПО *ZOA*, также зарегистрированная в Нидерландах, осуществляет деятельность в Сирии с 2015 г., и, как и *Dorcас*, имеет офис в столице г. Дамаске. Работа данной МНПО направлена на помощь ВПЛ, принимающим общинам и репатриантам, с особым фокусом на решение проблем водоснабжения, санитарии и гигиены, продовольственной безопасности, обеспечение жильем, а также программу образования населения. Работа организации сосредоточена преимущественно на подконтрольных правительству Сирии западных и южных территориях, охватывая ежегодно более 35 тыс. нуждающихся.

ZOA является головным агентством Совместного реагирования в Сирии, многолетнего консорциума, финансируемого МИД Нидерландов с бюджетом в более 40 млн евро. *ZOA* работает совместно с нидерландской *Dorcас* и другими не нидерландскими МНПО как *Oxfam*, *TDH Italy*, *Medair*, а также национальными представительствами, к примеру, с Греческим православным патриархатом Антиохии и всего Востока²¹. Так, с 2015 г. программы *ZOA* смогли охватить более 2 млн уязвимых людей.

Одной из организаций, действующих только на неподконтрольных сирийскому правительству территориях, является *Syria Relief*, зарегистрированная в Великобритании. МНПО берет свое начало в 2011 г. – она была создана специально в качестве меры реагирования на сирийский конфликт. Сегодня *Syria Relief* – это крупнейшая британская благотворительная организация, ориентированная на Сирию²².

¹⁹ Ibid.

²⁰ *Dorcас, Syria*. Retrieved July 10, 2023, from <https://dorcас.org/countries/syria/>

²¹ *ZOA, Syria*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.zoa-international.com/syria>

²² *Syria Relief*. Retrieved July 10, 2023, from <https://syriarelief.org.uk/>

Syria Relief осуществляет гуманитарную деятельность на севере Сирии, где базируется сирийская вооруженная оппозиция и связанная с ней немалая часть внутренне перемещенных сирийцев²³ – в городе Идлиб²⁴.

Временным поселением для части внутренне перемещенных лиц стали лагеря беженцев, в том числе на северо-востоке Сирии, условия жизни в которых влияют на общую картину гуманитарного кризиса. В лагерях наблюдается дефицит еды, воды и медицинской помощи, а также широко нарушаются нормы МГП и МППЧ²⁵. Помимо опасных условий для жизни в лагере, в них до сих пор находятся десятки тысяч иностранных боевиков и в подавляющем большинстве женщин и детей²⁶. Решение вопросов перемещенных лиц является ключевой в деятельности данной МНПО. Прежде всего, идет речь о предоставлении им временного убежища. С целью повышения уровня жизни перемещенного населения, проживающего в том числе в лагерях, организация занимается реконструкцией жилищного фонда путем восстановления домов, разрушенных во время конфликта, а также выстраиванием новых районов. Так, организация сообщает об окончившемся строительстве целого поселка, рассчитанного на 750 семей, а также процессом строительства второго схожего поселения²⁷.

Помимо этого, данная МНПО занимается и другими насущными проблемами по оказанию гуманитарной помощи, в том числе решая проблему чистой воды, а также экстренное реагирование²⁸ и медицинское лечение, включая протезирование пострадавших²⁹.

Миссия МНПО французского происхождения *Solidarités International (SI)* в Сирии функционирует с 2012 г., предоставляя гуманитарную помощь на севере и северо-востоке Сирии, с фокусом на город Идлиб, где расположены крупные поселения ВПЛ. Возглавляя крупный консорциум международных участников, *Solidarités International* решает вопросы по здравоохранению, питьевой воде,

²³ *Last 1,000 rebels leave Damascus district under evacuation deal*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.reuters.com/article/uk-mideast-crisis-syria-damascus-idUKKCN18B1SV>

²⁴ *Containing Transnational Jihadists in Syria's North West*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/east-mediterranean-mena/syria/239-containing-transnational-jihadists-syrias>

²⁵ *In Syria Camp, IS Ideology Molds Forgotten Children*. Retrieved July 10, 2023, from https://www.voanews.com/a/middle-east_syria-camp-ideology-molds-forgotten-children/6206549.html (Признан СМИ-иноагентом в РФ).

²⁶ *Эксперты ООН призвали срочно репатриировать иностранцев, содержащихся в бесчеловечных условиях в сирийских лагерях*. Взято 10 июля 2023, с <https://news.un.org/ru/story/2021/02/1396112>

²⁷ *Syria Relief, Shelter*. Retrieved July 10, 2023, from <https://syriarelief.org.uk/projects/shelter/>

²⁸ *Syria Relief, Water and Sanitation*. Retrieved July 10, 2023, from <https://syriarelief.org.uk/projects/water-and-sanitation/>

²⁹ *Syria Relief, Health*. Retrieved July 10, 2023, from <https://syriarelief.org.uk/projects/health/>

жилью и реагированию на чрезвычайные ситуации. Как отмечается самой организацией, миссия по оказанию помощи ВПЛ стала возможной благодаря уникальным и беспрецедентным условиям доступа, согласованным самой SI в регионе на северо-востоке Сирии³⁰.

CARE International (CI), деятельность которой в Сирии берет начало в 2013 г., реагирует на сирийский кризис через сеть партнеров, представленных национальными организациями, где ключевые программы фокусируются на продовольственной безопасности и восстановлении средств к существованию для перемещенных лиц, распространении предметов первой необходимости и многоцелевых денежных ваучеров на продукты питания, а также гигиенические и детские наборы и др.³¹

International Rescue Committee (IRC), директором которого является бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд, осуществляет деятельность в Сирии с 2012 г. Организация сосредоточена на оказании поддержки общинам, проживающим на северо-западе и северо-востоке страны. Говоря о пагубном влиянии насилия, перемещений, бедности, COVID-19 и землетрясений в феврале 2023 г., *IRC*, как и остальные МНПО, не упоминают о гуманитарных последствиях принятых санкций против Сирии, прямо затрагивающих сирийский народ, уровень жизни которых, также как и ВВП и национальная валюта, резко упал в 2020 г. – сразу после введения в силу «Акта Цезаря», а миграционные потоки продолжили расти, хотя вооруженные столкновения на территории страны носят крайне ограниченный характер.

Тем не менее, *International Rescue Committee* также оказывает помощь ВПЛ. В круг проектов включены занятия и консультирование по вопросам защиты детей и женщин в лагерях беженцев на территории Сирии и в других уязвимых общинах. Более того, организация поддерживает сирийских беженцев в соседних странах, таких как Иордания³², Ирак и Ливан³³. Как следствие, гуманитарная деятельность *IRC* охватила уже 1,2 млн чел. в Сирии и странах региона³⁴.

Norwegian Refugee Council (NRC) – одно из немногих агентств, работающих на всей территории Сирии. С 2013 г. МНПО предоставляет экстренную, временную и долгосрочную помощь нуждающимся людям³⁵. Так, в 2022 г.

³⁰ *Solidarites, Syria*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.solidarites.org/en/missions/syria/>

³¹ *CARE International, Syria*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.care-international.org/our-work/where-we-work/syria>

³² *International Rescue Committee, Jordan*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.rescue.org/country/jordan>

³³ *International Rescue Committee, Lebanon*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.rescue.org/country/lebanon>

³⁴ *International Rescue Committee, Syria*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.rescue.org/country/syria>

³⁵ *Norwegian Refugee Council, Syria*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.nrc.no/countries/middle-east/syria/>

получателями помощи стали 612 тыс. чел., из которых более 53 тыс. ВПЛ стали участниками программы по предоставлению места для проживания в качестве временного убежища (“shelter program”). Для перемещенных лиц организация предоставляет палатки, одеяла и основные предметы домашнего обихода, а также гуманитарные наборы, состоящие из непродовольственных товаров, таких как зимняя одежда. Помимо этого, организация занимается работами по восстановлению поврежденных зданий и гражданской инфраструктуры (школы, системы водоснабжения, пекарни и медицинские центры). Донорами данной МНПО по Сирии выступают МИД Норвегии, МИД Германии, МИД Бельгии и другие государственные структуры европейских стран, также как и USAID³⁶. Донорство американской структуры в пользу МНПО является свидетельством отсутствия политизированности в деятельности данной организации, учитывая и тот факт, что она работает, в том числе, в подконтрольных правительству районах.

Девять представленных МНПО играют важную роль в оказании помощи гражданскому населению в рамках урегулирования конфликта (Таблица 1).

Таблица 1 – Виды деятельности МНПО в Сирии (составлено автором)
Table 1 – Types of the INGOs activities in Syria (composed by the author)

МНПО \ Вид деятельности	Медицинские услуги	Психологическая помощь	Образование	Защита детей и женщин	Обеспечение жильем и инфраструктурой	Водоснабжение	Санитария и гигиена	Гуманитарные наборы и денежные ваучеры	Работа в соседних странах
Dorcas	+	+						+	
ZOA			+		+	+	+	+	
Jesuit Refugee Service	+	+	+	+				+	
Syria Relief	+				+	+		+	
Solidarités International	+				+	+		+	
CARE International					+		+	+	
International Rescue Committee	+		+	+				+	+
Norwegian Refugee Council					+	+		+	
Danish Refugee Council					+	+			+

³⁶ Ibid

Исходя из представленных данных, можно заключить, что такие МНПО, как ZOA, *Jesuit Refugee Service* и *International Rescue Committee* имеют наиболее разветвленную деятельность по оказанию помощи беженцам и ВПЛ.

Необходимо отметить, что несмотря на то, что сегодня такие показатели, как общее количество беженцев и ВПЛ, ВВП, уровень бедности, число уязвимых людей, еще не улучшаются, гуманитарные МНПО все же удовлетворяют базовые потребности пострадавших во время вооруженного конфликта людей, а их деятельность в оказании содействия по возвращению беженцев на родину, а ВПЛ – к мирной жизни, заслуживает высокой оценки, охватывая миллионы сирийцев.

Заключение

Функционирующие в Сирии и соседних странах МНПО, занятые преодолением кризиса сирийских беженцев и ВПЛ, вносят большой вклад в поддержание жизни гражданского населения страны, особенно в свете масштабных санкций против Сирии. Важно учесть тот факт, что представленные в исследовании организации являются европейскими по своему происхождению. Нередко донорами этих МНПО и их программ оказываются те государственные структуры, которые выступают инициаторами санкций против Сирии, например, США, Великобритания и др. Это еще раз подтверждает вывод о том, что гуманитарные МНПО должны следовать принципам независимости, нейтральности и беспристрастности.

Подводя итог, отметим, что каждая МНПО, следуя общим целям по решению проблем беженцев и ВПЛ, специализируется на определенных видах поддержки: одни уделяют особое внимание психологической помощи, например, *Dorcas*, а также медицинскому лечению, как *Jesuit Refugee Service*, *Solidarités International*; другие, например, *Syria Relief*, *Danish Refugee Council*, *Norwegian Refugee Council* занимаются проектами по восстановлению жилого фонда и гражданской инфраструктуры, чтобы обеспечить как ВПЛ, так и потенциальных репатриантов «крышей над головой». При этом в своей гуманитарной деятельности организации постоянно взаимодействуют со структурами ООН, что придает им более весомый статус на пути урегулирования конфликта в Сирии и восстановления страны.

Список литературы

1. Аватков, В. А., Крылов, Д. С., Сыртмач, М. М., Якимова, Д. А. (2018). Сирийский кризис беженцев. Проблемы вынужденного перемещения на Ближнем Востоке. *Свободная мысль*, (6), 129–140.
2. Бибилова, О. П. (2016). Меркель, Эрдоган и «сирийские беженцы». Предпосылки и последствия миграционного кризиса. *Международная аналитика*, (2), 13–26. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2016-0-2-13-26>

3. Богатырева, О. Н. (2022). Гуманитарная дипломатия: современные концепции и подходы. *Международные процессы*, 20(1), 1–26. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.4>
4. Громогласова, Е. С. (2018). *Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования*. Москва: ИМЭМО РАН.
5. Демченко, А. В. (2019). Логика развития и перспективы преодоления кризиса беженцев в Иордании. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 11(2), 128–170.
6. Потемкина, О. (2019). Сирийские беженцы в Европе. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, (3), 48–53. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320194853>
7. Примаков, Е. А. (2018). Гуманитарная миссия России. *Пути к миру и безопасности*, (1). Спецвып. Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах, 182–196.
8. Филаретова, Ю. С. (2023). Гуманитарная дипломатия: цивилизационные и национальные модели. В Ю. С. Филаретова. *Гуманитарная дипломатия России в Сирии в XXI веке* (с. 149–184). Москва: Аспект Пресс.
9. Aras, B., & Duman, Ya. (2019). I/NGOs' Assistance to Syrian Refugees in Turkey: Opportunities and Challenges. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 21(4), 478–491. <https://doi.org/10.1080/19448953.2018.1530382>
10. Atar, E., Hossain, F., & Ullah, A. K. M. A. (2023). Syrian refugees in Turkey: exploring the role of I/NGOs in refugee crisis. *Third World Quarterly*, 44(2), 231–245. <https://doi.org/10.1080/01436597.2022.2144208>
11. Harroff-Tavel, M. (2005). The humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross. *Relations Internationales*, 121(1), 72–89.
12. Minear, L., & Smith, H. (2007). *Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft*. Tokyo: United Nations Univ. Press. 407 p.
13. Puthiyakath, H. U. W. (2017). Syrian Refugee Crisis: Role of Turkish Non-Governmental Organizations in Humanitarian Relief. *SSRN*, 11 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2972257>
14. Svoboda, E., & Pantuliano, S. (2015). International and local/diaspora actors in the Syria response. A diverging set of systems? *Humanitarian Policy Group*. Retrieved July 10, 2023, from <https://cdn.odi.org/media/documents/9523.pdf>
15. Zihnioğlu, Ö. (2022). From social capital to social cohesion: Syrian refugees in Turkey and the role of NGOs as intermediaries. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 48(11), 2455–2472. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2022.2047908>

References

1. Aras, B., & Duman, Ya. (2019). I/NGOs' Assistance to Syrian Refugees in Turkey: Opportunities and Challenges. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 21(4), 478–491. <https://doi.org/10.1080/19448953.2018.1530382>

2. Atar, E., Hossain, F., & Ullah, A. K. M. A. (2023). Syrian refugees in Turkey: exploring the role of I/NGOs in refugee crisis. *Third World Quarterly*, 44(2), 231–245. <https://doi.org/10.1080/01436597.2022.2144208>
3. Avatkov, V., Krylov, D., Sirtmach, M., & Yakimova, D. (2018). Siriyskiy krizis bezhentsev. Problemy vyzhdennoy peremeshcheniya na Blizhnem Vostoke [The Syrian refugee crisis. The problem of forced displacement in the Middle East]. *Svobodnaya mysl'*, (6), 129–140.
4. Bibikova, O. P. (2016). Merkel, Erdogan i “siriyskie bezhentsy”. Predposylki i posledstviya migratsionnogo krizisa [Merkel, Erdogan and “Syrian refugees”. Prerequisites and consequences of the migration crisis]. *Mezhdunarodnaya analitika*, (2), 13–26. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2016-0-2-13-26>
5. Bogatyreva, O. N. (2022). Gumanitarnaya diplomatiya: sovremennyye kontseptsii i podkhody [Humanitarian diplomacy: modern concepts and approaches]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 20(1), 1–26. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.4>
6. Demchenko, A. V. (2019). Logika razvitiya i perspektivy preodoleniya krizisa bezhentsev v Iordanii [Refugee Crisis in Jordan: the logic of development and possible solutions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 11(2), 128–170.
7. Filaretova, Yu. S. (2023). Gumanitarnaya diplomatiya: tsivilizatsionnye i natsional'nye modeli [Russian humanitarian diplomacy in Syria in the 21st century]. V Yu. S. Filaretova. *Gumanitarnaya diplomatiya Rossii v Sirii v XXI veke* (pp. 149–184). Moscow: Aspekt Press.
8. Gromoglasova, E. S. (2018). *Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: opyt sistemnogo issledovaniya* [Humanitarian diplomacy in modern international relations: experience of systemic research]. Moscow: IMEMO RAN.
9. Harroff-Tavel, M. (2005). The humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross. *Relations Internationales*, 121(1), 72–89.
10. Minear, L., & Smith, H. (2007). *Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft*. Tokyo: United Nations Univ. Press. 407 p.
11. Potemkina, O. (2019). Siriyskie bezhentsy v Evrope [Syrian refugees in Europe]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*, (3), 48–53. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320194853>
12. Primakov, E. A. (2018). Gumanitarnaya missiya Rossii [Humanitarian mission of Russia]. *Puti k miru i bezopasnosti*, (1). Spetsvyv. Gumanitarnyye vyzovy, gumanitarnoe reagirovaniye i zashchita grazhdanskogo naseleniya v voozruzhennykh konfliktakh, 182–196.
13. Puthiyakath, H. U. W. (2017). Syrian Refugee Crisis: Role of Turkish Non-Governmental Organizations in Humanitarian Relief. *SSRN*, 11 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2972257>
14. Svoboda, E., & Pantuliano, S. (2015). International and local/diaspora actors in the Syria response. A diverging set of systems? *Humanitarian Policy Group*. Retrieved July 10, 2023, from <https://cdn.odi.org/media/documents/9523.pdf>

15. Zihnioğlu, Ö. (2022). From social capital to social cohesion: Syrian refugees in Turkey and the role of NGOs as intermediaries. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 48(11), 2455–2472. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2022.2047908>

Информация об авторе

Юлия Сергеевна Филаретова, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8879-740X>, e-mail: iulia.filaretova@urfu.ru

Information about the author

Iulia Sergeevna Filaretova, Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8879-740X>, e-mail: iulia.filaretova@urfu.ru

ЭКЗОГЕННЫЕ И ЭНДОГЕННЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Никита Иванович Ялманов,

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,
nikita-ya55@yandex.ru

Получена 20.02.2024.

Поступила после рецензирования 29.04.2024.

Принята к публикации 15.05.2024.

Для цитирования: Ялманов Н. И. Экзогенные и эндогенные ограничители рациональности в процессе принятия политических решений // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 129-149. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_129

Аннотация

Одной из ключевых проблем в процессе принятия политических решений является их рациональное обоснование. Теория рационального выбора долгое время задавала методологические ориентиры для исследований в рассматриваемой тематической области. Неопозитивистская установка на определение стимулов и ответных действий в совокупности с основополагающими метапринципами неоклассической экономической традиции (эффективности, полноты информации, реактивности и целенаправленности) определяли точку зрения, согласно которой рационально обоснованное решение привязано к соотношению эффективности целей и средств. Сегодня возникают новые научные направления, которые стремятся сменить устоявшиеся теоретико-методологические рамки. Внимание к когнитивным особенностям акторов, принимающих решения

© Ялманов Н. И., 2024

в условиях риска и неопределенности, стимулировало возникновение целого ряда исследований, определивших рассмотрение рациональности под новым углом зрения. Ключевые достижения неоклассического, поведенческого и натуралистического подходов, создали для этого обширную исследовательскую базу. Вместе с тем, актуальность исследования связана не только с появлением целого ряда новых концепций в социально-политических науках, которые меняют взгляд на понятие «рациональность», но и с изменением природы факторов, влияющих на возможность рационального выбора, в том числе, на принятие политических решений. На основе анализа и последовательного рассмотрения данных подходов предпринимается попытка образовать интегральное смысловое поле вокруг концепта рациональности как атрибутивного признака решений. Делается акцент на изучении экзогенных и эндогенных факторов, ограничивающих достижение политически значимых результатов. Доказывается, что ограничительные факторы в зависимости от когнитивных возможностей лиц, принимающих решения, и аналитических средств оценки внешних условий не только могут влиять на конечные результаты решений, но и существенным образом определять содержание процедуры рационализации самого выбора. Методологическая позиция включает изучение динамических аспектов выбора в условиях риска и неопределенности, когда под воздействием экзогенных или эндогенных ограничителей происходит инверсия стратегий рационального выбора.

Ключевые слова:

политические решения, рациональность, экзогенные ограничения, когнитивная ограниченность, информация, контингентность, вероятность, риск, неопределенность, либертарианский патернализм

UDC 321.6.8

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_129

EXOGENOUS AND ENDOGENOUS CONSTRAINTS OF RATIONALITY IN THE POLITICAL DECISION-MAKING PROCESS

Nikita I. Yalmanov,

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia,
nikita-ya55@yandex.ru

Received 20.02.2024.

Revised 29.04.2024.

Accepted 15.05.2024.

For citation: Yalmanov, N. I. (2024). Exogenous and Endogenous Constraints of Rationality in the Political Decision-Making Process. *Discourse-P*, 21(2), 129–149. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_129

Abstract

One of the key problems in political decision-making is to rationalize those decisions. The theory of rational choice has long set methodological guidelines for research in this area. A neo-positivist approach towards the definition of incentives and responses, together with fundamental meta-principles of neoclassical economic tradition (such as efficiency, completeness of information, reactivity, intentionality), determined the point of view according to which a rationally justified decision is tied to effectiveness of goals and means. Today, new scientific directions are appearing that seek to change the established theoretical and methodological framework. Attention to the cognitive characteristics of decision-making actors in conditions of risk and uncertainty has stimulated a number of studies to emerge that have considered rationality from a new angle. Achievements of neoclassical, behavioral and naturalistic approaches formed an extensive research base for this. At the same time, this study is relevant not only due to some new concepts appearing in the socio-political sciences that change the concept of rationality, but also due to changing the nature of factors that affect the possibility of rational choice, including political decision-making. Based on the analysis and consideration of these approaches, an attempt has been made to form an integral semantic field around the concept of rationality as an attribute of solutions. Exogenous and endogenous factors limiting the achievement of politically significant results are emphasized. It is proved that restrictive factors can not only influence the final results of decisions, but also they can significantly determine the content of the procedure for rationalizing the choice itself; however cognitive capabilities of decision makers and analytical tools for assessing external conditions play an important part. Methodology includes studying dynamic aspects of choice under the conditions of risk and uncertainty, when an inversion of rational choice strategies occurs based on the influence of exogenous or endogenous constraints.

Keywords:

political decisions, rationality, exogenous constraints, cognitive limitations, information, contingency, probability, risk, uncertainty, libertarian paternalism

Введение

Зарождение научного интереса к рациональности в процессе принятия властных решений связано с именем известного представителя Чикагской школы политического бихевиоризма Гарольдом Лассуэллом, который считается основоположником такого нового направления в политической науке, как политико-управленческие дисциплины. Он постулировал, что «научная дисциплина может быть отнесена к политико-управленческим наукам, если она разъясняет процесс принятия политических решений в обществе или же обеспечивает необходимыми данными разработку рациональных способов разрешения политико-управленческих вопросов» (Лассуэлл, 2005, с. 41).

Одной из фундаментальных проблем концептуализации политических решений является выделение и обоснование рациональности в качестве основополагающего критерия результативности. Безусловно, требование рациональности – предпосылка для решения самого обширного круга задач в разных сферах человеческой деятельности. Однако в отличие от толкования рациональности в самом широком смысле слова, когда действия оцениваются с точки зрения их разумности и осмысленности, и тем самым противопоставляются иррациональному поведению, логика принятия политических решений подразумевает поиск особого теоретико-методологического контекста, конституирующего выделение отдельного типа рациональности. Речь идет о признании контекста, создаваемого общей теорией принятия решений в качестве основополагающего момента для исследования политико-управленческого типа рациональности.

Современные подходы к изучению процесса принятия политических решений породили множество трактовок рациональности с оговоркой на то, что общим ориентиром для них остается направленность на целесообразность и результативность управления. При этом проблема ограничителей на пути достижения оптимальных значений целеполагания либо выносится за скобки, либо затрагивается вскользь, когда пределам рациональности отводится роль функциональных характеристик, сопутствующих процессу принятия решений. По мере того, как под действием внутренних и внешних обстоятельств возникают новые ситуации, конфигурация и значение ограничивающих факторов также претерпевают изменения, корректируя возможности производить расчеты. В процессе принятия политических решений акторы неизбежно сталкиваются со слабоуправляемыми объективными условиями, которые в существенной степени сказываются на конечных итогах рационального выбора.

Структура рационального выбора подразумевает наличие двух типов ограничителей. Первый тип имеет экзогенный характер, поскольку продуцируется внешней средой. Экзогенное измерение рациональности определяется следующими факторами: трудоемкостью согласования интересов основных акторов в процессе принятия решений, устойчивостью группового взаимодействия, учетом сложности и динамичности социальной среды в качестве адресата решений, наличием и полнотой информации о внешних условиях по отношению к лицу, принимающему решение. Второй тип ограничителей носит эндогенный

характер, так как связан главным образом с когнитивными особенностями и пределами человеческого разума, с возможностями человека сопоставлять собственный опыт с предполагаемыми рисками, со способностью субъекта преодолевать моменты неопределенности в процессе решения управленческих проблем.

На наш взгляд, изучение факторов, которые препятствуют оценке и расчету оптимального образа действий, позволит не только более точно определить функциональные параметры целеполагания, но и рассмотреть данные факторы в качестве атрибутивного элемента рациональности как таковой. Интеграция экзогенных и эндогенных ограничителей в целостную модель объяснения рациональности позволяет обратить внимание на динамические (процедурные) аспекты процесса принятия политических решений, понять каким образом под воздействием риска и неопределенности происходит инверсия стратегий рационального выбора.

Формирование представлений о рациональности в русле неоклассической школы

Изначально осмысление рациональности в процессе принятия решений развивалось в русле теории, в которой данный концепт определил ее название и содержание, – теории рационального выбора. Данная теория, став методологическим ядром неоклассической экономической школы, получила широкое распространение в социально-гуманитарных науках, в том числе в политологии, что позволило ученым говорить об ее парадигмальном статусе.

Общие методологические постулаты теории рационального выбора заключаются в том, что человек рассматривается как «максимизатор выгоды», чьи действия нацелены на максимальную возможность увеличения собственного благополучия. Кроме того, он рационально использует имеющиеся в его распоряжении ресурсы для достижения своих целей. То есть, по сути, речь идет о целенаправленном поведении – основном принципе теории действия, где способность выбирать наилучший вариант из имеющихся и оптимизировать цели выступает базовым критерием рациональности. С точки зрения циклического представления об этапах принятия решений этот процесс включает в себя ряд стадий: определение проблемы и критериев ее оценки, постановка цели и выведение набора альтернатив для ее достижения в соответствии с процедурами оценивания и расчета наилучшего варианта достижения необходимых результатов.

Постулаты стандартной теории позволили объяснить, как в принципе действуют рынки и почему они являются эффективными распределителями дефицитных ресурсов. По мнению Мэри Фармер, притягательность данной теории «частично обусловлена тем, что она преподносилась как теория, выводящая рыночный уклад из свободного выбора разумных индивидов и неразрывно связывающая идеи эффективности, рациональности и порядка в социальной и экономической организации общества с понятиями «свобода личности»,

«индивидуальный выбор» и «индивидуальная рациональность» (Фармер, 1994, с. 47). Теоретики неоклассической школы, как правило, утверждают, что их концепция не только объясняет, каким образом индивиды, чьи сознательные действия направлены на достижения эгоистических целей, создают организованные рынки, но и способна доказать, что подобные рынки обеспечивают более эффективное распределение общественных ресурсов, нежели любая альтернативная система. Следовательно, когда мы рассматриваем теорию рационального выбора с ее индивидуалистической трактовкой концепта «рациональность», то можем оценивать рациональное поведение, опираясь на принцип достижения индивидом собственных целей.

Рассмотрим основные стадии принятия политических решений. Они выглядят следующим образом: сначала в ходе политического процесса определяются политические цели, интересы и приоритеты, затем политические институты ставят цели и собирают необходимую для их достижения информацию, после чего на основе сравнения целей и средств вырабатывается политическая линия, которая подходит для достижения выбранных ориентиров, и наконец, завершается цикл реализацией властных решений. При этом институты законодательной и исполнительной ветвей власти образуют единую систему принятия политических решений. Такая трактовка политических действий, безусловно, в большей мере подходит для демократических режимов, нежели для диктаторских с единоличной персональной моделью целеполагания.

С методологической точки зрения можно выделить отличительные черты неоклассического подхода, определяющие содержание исследований процесса принятия решений. Во-первых, для него характерна неопозитивистская методологическая установка, согласно которой объяснение рациональности при принятии решений строится на основе эмпирического установления их причин. Во-вторых, это опора на фундаментальные для неоклассической экономической традиции метапринципы эффективности, согласно которым главным критерием оценки результативности принятых решений выступают количественные измерения выгод и затрат, полнота информации, реактивность (решения содержат в себе ответ на эмпирически установленные причины проблемной ситуации), целенаправленность (формирование целей и задач через построение, оценку и выбор альтернатив).

Согласно представителям школы рационального выбора, принятие решений – это процесс, осуществляемый субъектом без каких-либо присущих ему ментальных отклонений и ограничителей, а вероятные силы сопротивления имеют исключительно внешнюю природу и формируются окружающей средой. Следовательно, избежать ограничений, искажений и аномалий в процессе осуществления рациональных решений индивидуальный субъект может при условии обладания полной информацией о внешнем фоне, сопровождающем управленческую деятельность, а также о всех возможных альтернативных вариантах действий в условиях неблагоприятной и конкурентной экзогенной среды. Но, как показывает политическая практика, такие условия фактически невыполнимы. Большинство властных решений сопровождается тем или иным

видом ограничений, которые касаются именно ключевого управленческого ресурса – полноты и достоверности необходимой информации. Нерелевантность информации в качестве внешнего ограничителя рационального действия связана с неопределенностью будущего – того временного континуума, которому адресовано любое политическое решение (за исключением оперативных и краткосрочных управленческих мер). Если бы было возможным с абсолютной точностью определить все существенные обстоятельства и детерминанты, то вероятность предсказания результата была бы высокой, а решения исключали бы риск.

Вероятностный характер решений в условиях неопределенности

В исследованиях, посвященных вопросу принятия решений в условиях неопределенности, содержится ссылка на базовый принцип оценки результата – привязку значимости и точности результата к степени его вероятности. Вероятность должна охватывать как весь спектр ожидаемых перспектив, так и потенциальное вмешательство контингентных факторов, проявляющихся с разной степенью частотности. Г. И. Рузавин в своей статье «Неопределенность, вероятность и прогноз» отмечает, что частотная или статистическая интерпретация вероятности стала важнейшим теоретическим инструментом анализа, исчисления и калькуляции рационального принятия решений в условиях неопределенности (Рузавин, 2009, с. 83–85).

Принципы принятия решений в сложных условиях, образуемых экзогенными средовыми факторами, были заложены концепцией вероятностного расчета неопределенности, разработанной нобелевским лауреатом Френком Найтом, которая остается авторитетной во многих отраслях научного знания вплоть до настоящего времени. Осмысление неопределенности сводится им к оценке влияния действующих в определенной ситуации факторов, а также расчету вероятности их проявления. Сами факторы классифицируются на основании частотности повторения. Если классифицируемые факторы в значительной степени соотносимы с наработанным опытом (потому и поддаются числовому выражению), то можно говорить об измеряемой вероятности. В противном случае эмпирическую оценку частотности проявления факторов нельзя свести к типичным комбинациям в силу присутствия отклонений и аномалий. Чтобы сохранить различия между измеримой и неизмеримой вероятностью, Найт использует термин «неопределенность» для обозначения второго типа вероятности и подчеркивает невозможность ее оценки посредством эмпирической классификации (Найт, 2003). В основу изучения исчисляемой вероятности была положена логика нелинейного развития управленческих процессов, сопряженных с риском.

На взаимосвязь между вероятностным расчетом уровня риска и ценностью или полезностью ожидаемых результатов обращает особое внимание теория ожидаемой полезности, сформулированная Джоном фон Нейманом и Оскаром Моргенштерном в середине XX в. Положения данной теории основаны на ряде допущений, рационализирующих процесс принятия решений в условиях риска

и неопределенности. Полагается, что на основе использования всей полноты доступной информации можно перевести оценку риска в количественное исчисление. При этом калькуляция риска считается рациональной только в том случае, если она отвечает аксиомам полноты, транзитивности, независимости и непрерывности. В итоге, наивысший результат (максимизируемая полезность) предпочитается всем остальным, а ранжирование рисков характеризуется упорядоченностью и последовательностью (Нейман, Моргенштерн, 1970).

Если стандартная теория рационального выбора анализирует экзогенную ограниченность рациональности с позиций методологического индивидуализма, то политическую науку в большей степени интересует вопрос внешних издержек в контексте коллективного действия. Достижение максимальных значений коллективного действия становится проблемой в тех случаях, когда каждый из участников не располагает полным набором альтернатив, а поиск оптимального варианта требует каких-либо дорогостоящих мер, превышающих предел допустимых издержек. В неоклассической модели прекращения поиска определяется при помощи соотношения предельных издержек процедуры поиска с предельным увеличением количества альтернатив для осуществления решения. В контексте данной формулы при групповой выработке решений улучшения могут быть достигнуты только благодаря согласованности интересов и обмену информацией между членами коллектива. Однако, как утверждает Клаус Оффе, с точки зрения групповой деятельности границы рациональности обусловлены экзогенными ограничивающими факторами, так как польза, которую индивид извлекает из доступных ему вариантов действий, связана с образом действий, выбранным другими участниками, имеющими диаметрально противоположные интересы (Оффе, 1999, с. 664). В результате конкуренции противоречивых и малосовместимых стратегий образуется неопределенность, сложно поддающаяся оценке для каждого индивидуального субъекта, вовлеченного в политический процесс, что в свою очередь не позволяет оптимальным образом реализовать те преимущества, которые они могли бы достичь в условиях предсказуемой внешней среды. Следовательно, в условиях сотрудничества и коллективного взаимодействия субъекты, принимающие политические решения, не всегда способны делать разумные заключения об интересах и намерениях других лиц. В основе сотрудничества лежит важная проблема, которая касается минимального уровня знаний об окружающей среде, о взглядах и желаниях контрагентов, которыми должен располагать агент принятия решений, чтобы иметь возможность рационально обосновать их поведение. Тем не менее, стандартная теория исходит из допущения о рациональной непогрешимости индивидов при принятии решений. В рамках такого концептуального конструирования рациональности просчеты и искажения объясняются главным образом ненадежностью и несовершенством информации, социальным окружением либо провалами рыночных механизмов, в то время как ментальные возможности самих акторов никогда не ставятся под сомнение. Иными словами, стандартный подход исключает из своего внимания ограничено рациональные действия, не говоря уже об иррациональных решениях.

Структурированность отклонений от рациональности

Поведенческое направление в исследовании принятия решений рассматривает не только типичные экзогенные институциональные и средовые сбои, но и уделяет пристальное внимание поведению отдельных лиц, принимающих решение. Значение поведенческой теории заключается в менее категоричном и более критичном взгляде на рациональность. Представители поведенческой школы отошли от стандартных представлений, в соответствии с которыми индивиды стремятся принять наилучшие решения, исходя из доступного на данный момент объема информации, и никогда не повторяют своих ошибок. Напротив, они ставят под сомнение рациональную непогрешимость, отмечая иррациональность не как случайный и редкий сбой, но как закономерное отклонение от тщательного расчета.

Значение поведенческого подхода для понимания процесса принятия решений чрезвычайно велико. Его достоинство не ограничивается включенностью иррациональности в контекст теории принятия политических решений. Данный подход идет дальше, создавая необходимые условия, продиктованные стремлением объяснить факторы, ранее неизученные и не принимаемые во внимание, открывает возможность рассмотреть закономерные или непредсказуемые отклонения от принципов последовательности, транзитивности, логичности и эффективности. Поведенческий поворот в теории принятия решений обращает внимание на присутствие иррациональных компонентов в сознании индивида, обусловленное эмоциональными аффектами и чувственными реакциями, акцентируясь на причинах отклонений от рационального образа действия, связанных с когнитивными особенностями человеческого мышления, проявляющихся в ситуации неопределенности выбора.

В современных исследованиях установлено, что восприимчивость к неопределенности обусловлена многообразием рассматриваемых вариантов решений и сложностью решаемых задач, отсутствием структурированных предпочтений, а также стремлением минимизировать усилия. В условиях неизвестности будущего, сложности и переизбытка информации лица, принимающие решение, часто используют эвристику – совокупность методов и упрощенных практических правил, которые применяются для ускорения решения творческих задач. Даниэль Канеман и Амос Тверски одними из первых сосредоточили фокус внимания на анализе эвристик, доказав, что некоторые из них приводят к систематическим и предсказуемым ошибкам и искажениям (Канеман и др., 2018). Изучая ошибки и искажения интуитивного мышления при расчете вероятности событий, предсказаний будущего и оценке гипотез, Канеман и Тверски выделили три типа эвристик: эвристика доступности, эвристика репрезентативности и эвристика коррективы.

Зачастую при принятии решений в условиях дефицита времени агенты не анализируют максимально совокупный объем имеющейся информации, вместо этого используя только ту, которую легко найти, извлечь и вспомнить (чаще всего первые и последние фрагменты). В результате совершаемые при

этом ошибки выступают результатом пренебрежения к наиболее важной информации. Решение, основанное на легко извлекаемой информации в ущерб ее полному и тщательному анализу, называется *эвристикой доступности*. К примеру, политологам эвристика доступности помогает раскрыть причины, почему для многих избирателей значимость одних проблем гораздо выше, чем других. Это объясняется тем, что их мнение опирается на ту или иную степень освещения данных проблем в средствах массовой информации. Чем интенсивней освещается тот или иной вопрос, тем он легче вспоминается, в то время как все остальные вопросы отходят на второй план или пропадают из поля зрения.

Ошибки, вызванные действием по аналогии, то есть, совершаемые посредством сравнений и поиска прототипов и образов в аналогичных ситуациях, связаны с *эвристикой репрезентативности*. Канеман и Тверски показали, что лица, принимающие решения имеют устойчивую склонность не только делать выводы о схожести сценариев различных событий, но и чрезмерно уповать на принцип подобия, прогнозируя возникновение тех или иных событий при низкой априорной вероятности и нечувствительности к качеству имеющихся данных (Канеман и др., 2018).

Эвристика корректировки возникает в том случае, когда решения привязываются к некоему ориентиру в ходе инкрементальных (пошаговых) действий. Как следствие, различные ориентиры приводят к различным оценкам. В данном случае ошибки и искажения зависят от выбора отправной точки. Чаще всего ситуация привязки связана со стремлением сохранять статус-кво, избегать отклонений от сложившейся ситуации. Использование принципа статус-кво нашло отражение в государственной политике, связанной с решением проблем, которые возникли из-за инертности предпочтений граждан. В частности, представители поведенческой школы Ричард Тайлер и Шломо Бернаци разработали схему пенсионного обеспечения, основанную на применении статус-кво (Thaler, Benartzi, 2004).

На основе идей об эвристиках и искажениях Даниэлем Канеманом и Амосом Тверски была сформулирована базовая поведенческая модель – теория перспектив, которая занимается изучением реализуемых в будущем и сопряженных с риском и неопределенностью вариантов действий, именуемых перспективами (Канеман и др., 2018). Развитие своей теории перспектив Канеман и Тверски начинают с выявления аномалий и фактов, которые выходят за познавательные рамки стандартного подхода к изучению риска. Они обратили внимание на то, что стандартная теория не объясняет парадокс Алле и парадокс Элсберга, в рамках которых ставится под сомнение постулат стандартного взгляда о ранжировании риска ожидаемых исходов в зависимости от вероятности их наступления. Последующее рассмотрение теории перспектив требует последовательного обзора двух парадоксов.

Нобелевский лауреат Морис Алле (Allais, 1953) указал на противоречивость выбора в условиях риска, объясняя это тем, что у агентов отсутствует стабильная и устойчивая реакция на различные рискованные ситуации. Алле установил, что при выборе между определенным результатом и результатом, который со-

держит в себе риск, предпочтение отдается варианту, получаемому с определенностью. Однако если бы определенного результата не существовало, то агент пошел бы на риск. Майкл Аллингем видит в этом парадоксе свидетельство того, что агенты стремятся обратить внимание в большей мере на исходы, чем на вероятности (Аллингем, 2017, с. 72). Таким образом, акцент с оценки вероятности исхода смещается в сторону определения его надежности и стремления не идти на дополнительные риски, чтобы получить результат, полезность которого оценивается гораздо выше. В свою очередь, аналитик RAND Даниэль Элсберг (Ellsberg, 2001) выявил другой парадокс, который впоследствии был назван его именем. Ключевой тезис Элсберга: индивиды избегают неопределенности, отдавая предпочтение вариантам, просчитываемым с однозначностью. Если для определенного числа альтернатив невозможно просчитать однозначность исходов, то известная вероятность предпочитается неизвестной из-за нетерпимости к неопределенности. Таким образом, в парадоксах Алле и Элсберга опция определенности искажает рациональное поведение человека, а предпочтения перестают отвечать аксиомам максимизации результата и ожидаемой полезности, сообразно которым выбор должен быть предопределен отношением агента к риску и неопределенности.

Парадоксы Алле и Элсберга заставили Канемана и Тверски расширить область исследования и обратить внимание на проблему различного отношения к положительным и отрицательным исходам. Сместив исследовательский ракурс в сторону нарушения логики вероятности в ситуациях выигрышных и проигрышных исходов, Канеман и Тверски открыли совершенно новую область исследования, которой до этого не придавалось никакого значения. Опираясь на эвристику корректировки, исследователи заметили, что точка отсчета выступает исходным состоянием, относительно которого оцениваются выигрыши и потери при принятии решений. Вследствие этого решения определяются изменениями относительно точек отсчета, а не всей информации, которой располагает агент. Соответственно, в качестве выигрышей рассматриваются результаты выше точки отсчета, а потери определяются ниже точки отсчета. Более того, исследователи ввели в теорию перспектив функцию субъективной ценности, которая отражает неприятие потерь, показывая, что агентов больше заботят потери, чем эквивалентные выигрыши. В своем стремлении избежать неудач агенты готовы пойти на больший риск, и, напротив, на меньший риск, действуя в целях достижения положительного итога. Склонность к риску при расчете возможных потерь является своеобразным зеркальным отражением склонности к риску в контексте выгод. В результате возникает так называемый эффект отражения. В условиях гораздо высокой субъективной ценности потерь срабатывает эвристика доступности, в рамках которой происходит игнорирование важных элементов в альтернативах, и как следствие, исключается из поля зрения весь объем релевантной информации. Однако в противоположной ситуации, если в точке отсчета индивиды оценивают свое исходное состояние как крайне неудовлетворительное, либо для них все опции недостаточно хороши, то происходит инверсия предпочтений, и агенты, напротив, начинают стремиться к риску, чтобы изменить стартовые позиции и добиться большего успеха.

Исследования рационального образа действия при принятии решений в условиях риска и неопределенности, предшествовавшие теории перспектив, не учитывали динамики и не предложили объяснения инверсии взглядов в точке отсчета, относительно которой оценивается риск и неопределенность в ситуациях выигрыша или потерь. Анализ стратегий управленческих действий в условиях благоприятных и неблагоприятных перспектив способствовал значительному шагу вперед в области изучения когнитивных ограничителей рациональности при принятии решений. Однако ключевой методологический поворот, совершенный теорией перспектив, заключается в том, что оценка решений оказалась отделена от уровня вероятности в силу того, что при смещении фокуса в целеполагании на смену ожидаемому неприятию риска приходит инверсия в сторону стремления к нему.

От натуралистического подхода к либеральному патернализму

Синтез основных методологических принципов стандартной и поведенческой теорий вобрал в себя натуралистический подход. Основоположник данного исследовательского направления Гэри Клайн следует сформировавшейся исследовательской традиции, развивая тему принятия решений в условиях риска и неопределенности, но уже с другой стороны. Если Канеман и Тверски пытались продемонстрировать ограничения агентов, принимающих решения, указывали на типичные свойства иррациональности, то теория Клайна предлагает обратить внимание на сильные стороны и способности индивидов, которые обычно в теории принятия решений игнорируются (Клайн, 2020, с. 17). Он выстраивает исследование рациональности вокруг комплекса человеческих качеств, которые обозначаются как источники силы. Термин «источник силы», заимствованный натуралистическим подходом, изначально был введен в когнитивные науки в конце XX века для исследования искусственного интеллекта в качестве обозначения аналитических способностей, позволяющих разбирать проблему на элементы и выполнять операции над этими элементами, которые представляются способом их решения.

Основное внимание натуралистический подход уделяет изучению кейсов индивидуального принятия решений в условиях экзогенных ограничений, когда субъекты управления отвечают на вызовы среды и создаваемые ей сдерживающие факторы, среди которых основополагающими являются неполнота информации, дефицит времени, неопределенные цели и динамично меняющиеся условия социума. Теоретические построения и методология данного подхода выходят за рамки моделирования и экспериментальной проверки управленческих механизмов в искусственных лабораторных условиях и предполагают изучение опыта экспертов, принимающих решения на практике, в конкретных условиях места и времени. При этом исследовательский метод включает в себя рассмотрение как линейного развития событий, так и стохастических нестандартных ситуаций, когда решения приходится принимать в условиях неопределенности и лимита времени. Для решений, принимаемых в линейно развивающихся и критических ситуаци-

ях, используются, соответственно, два типа стратегий. Линейно развивающиеся ситуации (с ожидаемыми условиями, которые в значительной мере можно предвосхитить) подразумевают использование аналитических приемов дедуктивного типа: анализ вероятностей и применение статистических методов, в то время как критические ситуации требуют применения неаналитических стратегий – интуитивного оценивания, ментальной симуляции плана действий, опору на опыт, прототипы и аналогии (Клайн, 2020, с. 21). При линейно развивающихся ситуациях рациональность подразумевает применение устойчивых технологий и схем достижения цели. Однако по мере изменения условий в сторону их усложнения и нелинейности происходит инверсия стратегий рационального выбора в сторону определения наиболее работоспособной из них.

Содержание аналитических стратегий включает в себе устойчивые и в определенной мере универсальные схемы принятия решений, тогда как динамика перехода в сторону неаналитических стратегий предполагает апеллирование к ментальным возможностям лица, принимающего решение. Вариативность рационального поведения утверждается как способ реакции на возмущающие импульсы и ограничения. Если число ограничивающих факторов слишком велико, то в заданный интервал времени возможно учесть лишь часть из них. При этом уровень риска возрастает по мере того, как под воздействием экзогенных факторов возникают новые ситуации. В этих условиях накопление опыта реагирования на возникающие ограничения – основной способ усиления рациональности.

Центральными звеньями управленческого цикла, определяющими переход от аналитических стратегий к неаналитическим, становится распознавание проблемы и постановка цели на основе сравнительной либо одиночной оценки альтернатив. Принятие решений на основе распознавания (*recognition-primed decision* или RPD) включает двухэтапный управленческий цикл, начало которому задает распознавание реакции на проблему при помощи интуиции; на втором этапе дается аналитическая оценка посредством ментальной симуляции, позволяющей понять работоспособность такой реакции. Опыт – исходная позиция оценки ситуации, даже нестандартной, – в качестве отражения определенного прототипа и предопределяет типичный план действий.

В качестве отправного пункта для оценки линейной динамики проблемной ситуации и разработки соответствующего плана действий рассматривается точка доступа. Точка доступа в терминологии натуралистического подхода есть стадия принятия решений, в рамках которой осуществляется сравнение альтернатив на предмет определения их эффективности и работоспособности. Аналитическая рациональность в процессе принятия решений выстраивается вокруг возможности составления набора вариантов с последующей их сравнительной оценкой и отбором наилучшего из них в точке доступа. Именно техника одновременного изучения двух или большего числа вариантов посредством сравнения и сильных, и слабых сторон именуется *сравнительной оценкой*. Тогда как в критической ситуации, напротив, возможность попарного сравнения опций отсутствует априори, варианты рассматриваются поочередно, один

за другим, даже если актер одновременно располагает набором разных возможностей. Решения, логика которых определяется критичностью, сложностью и изменчивостью текущего момента, исключают абсолютную рациональность и последовательную техническую проработку, требующую полноты времени и аналитического сопровождения. Кроме того, если лицу, принимающему решение, известен хотя бы один вариант, который, в конечном счете, становится итоговым, то решение считается правомочным (Клайн, 2020, с. 41). Обособленное и поочередное рассмотрение вариантов одного за другим названо натуралистами техникой *единичной оценки*. Различие между единичной и сравнительно оценкой восходит к идеям Герберта Саймона, выделившего при помощи когнитивного подхода стратегию решения, которую он назвал поиском удовлетворительности (Simon, 1997, с. 26). Саймон отстаивает идею, согласно которой достижение оптимального решения всегда ограничено не только информационными издержками, но и когнитивными возможностями человека. Поэтому в отличие трактовок «оптимальности» в духе неоклассической школы с ее аналитической проработкой абсолютной рациональности, когда выбор делается из числа всех возможных вариантов, толкование «удовлетворительности» связана с процедурой единичной оценки посредством выбора первого работоспособного варианта в противоположность наилучшему образу действия.

Возникает закономерный вопрос: если альтернативы не сравниваются между собой, то каким образом осуществляется их оценка? Ответ заключается в ментальной симуляции, через моделирование действий и селекции рассматриваемых вариантов, в том случае, если они представляются малоэффективными. Когнитивный поиск первого работоспособного варианта включает в себя движение от симуляции заранее отработанного варианта к сравнительной оценке, и, в конечном счете, к рассмотрению решения на основе распознавания. Клайн подчеркивает, что к уровню распознавания относится не менее 80 % всех решений, принимаемых в условиях экзогенных ограничений.

С точки зрения формальной логики, распознавание проблемы, а затем и реакция на нее заключается в форму условного суждения с отношением зависимости между antecedentом и консеквентом («если ... то»). Определяя рациональность в соответствии с метапринципами реактивности и целенаправленности, Клайн выделяет три вариации действий реактивного характера в зависимости степени возрастания уровня неопределенности проблем, результатов и последствий управленческих действий.

В первой вариации («если ... то») при низком уровне неопределенности и проблема, и реакция на нее четко определены, а вероятность достижения необходимых результатов оценивается как высокая. Доступный объем информации дает возможность определить эмпирически установленное значение проблемы и выработать типичные способы постановки цели при принятии решений. С точки зрения конечного итога, распознавание ситуации в качестве типичной означает выбор плана действия, который с наибольшей вероятностью приведет к успеху. Этот кейс может всецело строиться на применении аналитических методов.

Вторая вариация («если? ...то») объясняет, как при возрастании уровня неопределенности и сложности проблемной ситуации акторам удается сохранить высокое качество реакции и определенности решений. Все внимание переносится на диагностику проблемы, поскольку доступная информация не в полной мере соответствует типичному кейсу либо, напротив, соответствует нескольким типам. Источник неопределенности выявляется в точке доступа на этапе диагностирования проблемы. При неоднозначных исходных параметрах постановка цели зачастую требует сбора дополнительной информации и увеличения издержек. Вторая вариация в равной степени предполагает обращение как к аналитическим, так и к неаналитическим стратегиям.

Вариация третья («если ... то?») объясняет, каким образом оценка единичной ситуации при высоком уровне неопределенности усложняет ментальную симуляцию плана действий. Предвидя осложнения на уровне реагирования (достижения результатов), актор может корректировать план действий либо искать замену под влиянием непрогнозируемых экзогенных факторов. Параметры проблемы и меры реагирования определяются интуитивно за счет неаналитических стратегий (Клайн, 2020, с. 55).

Таким образом, принятие решений при помощи распознавания заключает в себе конфигурацию, в рамках которой акцент делается либо на диагностике проблемы, либо использовании ранее отработанного варианта действия. Как видно во всех трех вариациях, ключевой причиной неверных решений оказывается нехватка, ненадежность, двусмысленность или сложность информации. Отстаивая идею сохранения рационального обоснования решений, принимаемых в условиях неопределенности, Клайн в тоже время подчеркивает, что они не могут быть совершенными в силу ментальных ограничений. Возможность оценивать сложные ситуации с последующим выбором оптимальной формы реакции всецело зависит от эффективности использования человеческого интеллекта.

В ситуациях, где реагирование приобретает ключевое значение, необходимо уделять пристальное внимание как внешним условиям окружающей среды, так и особенностям ментальных процессов рационально действующих лиц в пределах человеческих возможностей и ограничений. В этом смысле положения натуралистического подхода отражают современные тенденции изучения вариативного применения стратегий рациональности, смещение исследовательского интереса в сторону синтетического единства конечных результатов и процедурной стороны рационального выбора, выводят процесс принятия решений за рамки статичного целепалогания в условиях определенности. Для натуралистов большой интерес представляет не только определение того, каковы решения с точки зрения их итоговых результатов, но и как решения принимаются.

При разработке политических решений в условиях экзогенных и эндогенных ограничителей возникает вопрос распределения рисков и последствий политических действий внутри социума. У современных теоретиков есть убежденность в том, что государственный аппарат управления обладает преимуществами перед общественными структурами при определении рационально

верных ориентиров социального развития, базируясь на способности аккумулировать комплексные данные в едином центре управления и применения более совершенных методов их обработки и анализа. Эта точка зрения согласуется с результатами исследований, показавших, что по мере усложнения социальной реальности индивиды в значительной мере склонны к иррациональности, колебаниям в поведении и неверной артикуляции собственных интересов. Так, например, Альберт Хиршман отмечает: «...участие населения в выборах или других формах политических акций подвержено постоянным колебаниям в соответствии с изменением экономических условий, деятельностью правительства, личным развитием и другими факторами. В результате с учетом ограниченности общего времени для частной и общественной деятельности интенсивность преследования гражданами их интересов также подвержена постоянным изменениям» (Хиршман, 2004, с. 445). Таким образом, граждане принимают решения совсем не так, как следует поступать, чтобы их действия были признаны рациональными. При этом, как можно увидеть из рассуждений Хиршмана, на уровне общественных систем отклонения от рациональности довольно структурированы. Вслед за Гербертом Саймоном теоретики общественного выбора, а также ученые, изучающие когнитивные особенности поведения при принятии решений, называют это рациональным неведением или ограниченной рациональностью. Политологи чаще экономистов признают данную проблему и подчеркивают практические трудности, стоящие перед политическими акторами, принимающими решения, которые хотят понять, в чем именно заключаются подлинные интересы их избирателей. Неведения и дезинформация – неотъемлемый элемент политического управления, подтверждающий несовпадение интересов избирателей и действий политиков.

Последние научные изыскания в области управления, вобрав в себя разработки неоклассического, поведенческого и натуралистического подходов, определили развитие теории принятия политических решений в направлении моделей и стратегий, при помощи которых нерациональному поведению индивида может быть задано необходимое направление со стороны государства. В научной литературе такая политика получила название «либертарианского патернализма», так как государство побуждает граждан к более рациональному поведению, даже если оно в некотором смысле противоречит их собственной воле. Сам по себе инструмент не оригинален, в том или ином виде он использовался в периоды различных войн, когда государство призывало граждан платить новые виды налогов, покупать государственные облигации и записываться добровольцами в армию. Однако механизм его работы – влияние на иррациональное поведение – раньше не был очевиден (Танци, 2018, с. 399). В работе Ричарда Талера и Кассы Санстейна «Nudge. Архитектура выбора» дано обоснование этому инструменту и всесторонне рассмотрены способы его применения. «Nudge» – центральный термин концепции, который в буквальном переводе означает «подталкивание локтем», побуждение человека к действию, на которое он не может решиться. Талер и Санстейн определяют подталкивание как аспект архитектуры выбора, посредством которого государство предсказуемым образом влияет на поведение

людей (Талер, Санстейн, 2017, с. 16). Архитектура выбора – это организованный при помощи институционального регулирования и распространения полезной информации контекст, подталкивающий человека к принятию определенного решения. По сути, речь идет об универсальных институциональных механизмах, охватывающих все стороны социальной жизни и целенаправленно создающих источники силы, однако уже в коллективном масштабе.

Изначально способность каждого члена общества отвечать принципам рациональности ставится под сомнение. Наибольшие вопросы вызывают когнитивные возможности оценки, расчета и выбора средств преодоления риска в условиях плохо поддающейся рационализации окружающей среды. Рационализация становится возможной только при условии рамочной заданности сценариев социального действия со стороны государственных институтов, постепенно концентрирующих право определения рациональности. На уровне общества многообразии форм, принципов и критериев рациональности продиктовано сложностью, динамикой и стохастичностью социально-экономических, политических и технологических процессов, что исключает сведение рационального образа действия к одному единственному варианту. Собирательный образ рациональности выстраивается вокруг категории риска, который не только не позволяет рассчитать максимум достижения личных целей, но и зачастую понять, что составляет подлинные интересы граждан. Повышение рационализации и результативности политических решений происходит за счет обмена информацией между государством и обществом. Современное государство мыслится как вычислительная система, способная находить рациональные решения для множества задач.

Сопряженность рациональности с конструированием значимых контекстов активности человека предполагает высокоорганизованную социальную среду, в которой созданы условия для удовлетворения потребностей и предпочтений граждан, обеспечиваются принципы правового государства и равенство стартовых возможностей, что позволяет говорить об инклюзивности человека в жизнеобразующие взаимосвязи в рамках социума. В противном случае возникает целый ряд проблем относительно определения целей политических решений и добросовестности применения инструмента подталкивания граждан действовать в направлении, заданном архитектурой выбора. Чьими интересами руководствуется правительство при достижении целей? Могут ли цели в некоторых случаях быть заменены другими инструментами влияния – принуждением, запретом или манипуляцией? Возникает ли конфликт интересов? Опасность более глубокого вмешательства и злоупотребления властью возникает независимо от того, насколько рационально обоснованно такое вмешательство или нет. Сторонники либерального патернализма выносят за скобки нормативные и моральные аспекты регуляторной деятельности в духе идеи беспристрастности Джона Ролза, запрещавшей государству проводить политику, содержащую в себе высокие риски недобросовестности, которую страна не готова отстаивать публично перед своими гражданами. Более того, в патерналистской модели усматриваются ограничения индивидуальной свободы, так как в широком смысле

свобода включает в себя в том числе и право поступать иррационально. Все эти вопросы требуют отдельных исследований и глубокого осмысления.

Ключевым аргументом в пользу возрастающего теоретического и практического интереса к либертарианскому патернализму является тот момент, что граждане, так же как и политические институты, сталкиваются с экзогенными и эндогенными ограничителями, однако, в отличие от последних, самостоятельно не могут себя защитить. Поскольку индивиды ошибаются в условиях различного рода ограничений, то архитектура выбора должна учитывать возможность таких ошибок и минимизировать их последствия. Именно в целях минимизации рисков и ошибок со стороны граждан обосновывается необходимость значительного расширения функций государства. Либертарианский патернализм уже нашел свое практическое воплощение в США и странах Западной Европы при регулировании таких вопросов как социальное обеспечение, пенсионные накопления, здравоохранение, автострахование, координирование кредитных рынков и многих других.

Современные тенденции развития систем государственного управления показывают, что с течением времени риски, оказывающие фундаментальное и определяющее влияние на характер политического управления и исполнение государственных функций в условиях сокращающихся финансовых ограничений со стороны бюджетного законодательства, приведут к изменению роли государства в жизни общества (Танци, 2018, с. 528). Уже в текущее время глобальный характер социальных изменений требует качественно иных ориентиров институционального регулирования с точки зрения предельно допустимых рисков. Поскольку правила регулирования устанавливаются с учетом прошлого опыта, они могут оказаться нежизнеспособными в непредвиденных ситуациях, особенно в результате внедрения новейших технологий, влияния глобализации, неизбежных провалов рынка и экстерналий нового типа. Все это потребует дополнительных расходов в будущем, на которые с учетом текущего прогнозирования, очевидно, не хватит ресурсов. Если государству сложно повышать налоги или увеличивать государственный долг для обеспечения более высокого уровня расходов, то приоритетную роль начинают играть другие инструменты политического управления, в первую очередь государственное регулирование. В этом смысле побуждение граждан к более рациональным действиям в качестве функции государственного регулирования имеет свои преимущества. Специфика государственного регулирования состоит не только в конструировании принципов рациональности, но и в обозначении ориентиров деятельности как меры соответствия принимаемых решений и возникающих рисков.

Заключение

Постулаты неоклассического, поведенческого и натуралистического подходов создали обширную исследовательскую базу для анализа условий, ограничивающих рациональность. Невзирая на то, что рациональное обоснование управленческих действий в русле каждого подхода получило собствен-

ную трактовку, теоретическое осмысление процесса принятия политических решений развивается в направлении синтеза ключевых методологических принципов и теоретических положений каждого из них. Движение в сторону единых концептуальных рамок главным образом выстраивалось вокруг взгляда на рациональность как ключевого атрибута целеполагания. Прогрессивное понимание рациональности может основываться только на признании многообразия и динамичности стратегий преодоления ограничителей различной природы. Экзогенные и эндогенные факторы, сужающие поле альтернативных вариантов действия, фиксируются как пределы рациональности самого субъекта принятия решений, а также – в качестве границ рационального восприятия окружающей действительности.

По мере усложнения политических проблем возрастает уровень риска и неопределенности, что затрудняет эффективное информационное сопровождение процесса принятия политических решений. Проблема учета риска и неопределенности поднимает вопрос когнитивных отклонений и ограничений, присущих субъекту, принимающему решения. Динамично изменяющаяся среда, в которой принимаются политические решения, делает использование количественных аналитических моделей сложно осуществимой задачей, так как границы рациональности не позволяют оценить масштаб изменений, а выбор не позволяет учесть возможный риск и отрицательные последствия.

Стремление защитить население от различного рода рисков в современных научных исследованиях связывают с инструментами «либертарианского патернализма», с помощью которых государство формирует удобную для граждан среду, побуждая их менять свое поведение в сторону большей рационализации и защиты от непредвиденных последствий. Несмотря на увеличение доказательной базы в пользу патерналистского подхода, вопросы эффективности данного управленческого инструментария, возможного злоупотребления властью, обеспечения свобод и справедливости остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Аллингем, М. (2017). *Теория выбора*. Москва: Издат. дом «Дело» РАНХиГС.
2. Канеман, Д., Словик, П., Тверски, А. (2018). *Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения*. Харьков: Гуманит. центр.
3. Клайн, Г. (2020). *Источники силы: как люди принимают решения*. Москва: Издат. дом «Дело» РАНХиГС.
4. Лассуэлл, Г. Д. (2005). *Власть и личность*. Москва: РАГС.
5. Найт, Ф. Х. (2003). *Риск, неопределенность и прибыль*. Москва: Дело.

6. Нейман, Дж. фон, Моргенштерн, О. (1970). *Теория игр и экономическое поведение*. Москва: Наука.
7. Оффе, К. (1999). Политэкономия: социологические аспекты. В Р. Гудин, Х.-Д. Клингеман (Ред.), *Политическая наука: новые направления* (с. 657–671). Москва: Вече.
8. Рузавин, Г. И. (2009). Неопределенность, вероятность и прогноз. *Философский журнал*, (2), 77–92.
9. Талер, Р., Санстейн, К. (2017). *Nudge. Архитектура выбора*. Москва: Манн, Иванов и Фарбер.
10. Танци, В. (2018). *Правительство и рынки: меняющаяся экономическая роль государства*. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара.
11. Фармер, М. (1994). Рациональный выбор: теория и практика. *Полис. Политические исследования*, (3), 47–58.
12. Хиршман, А. О. (2004). Интересы. В Д. Итуэлл, М. Мильгейт, П. Ньюмен (Ред.), *Экономическая теория* (с. 434–446). Москва: Инфра-М.
13. Allais, M. (1953). Le comportement de l'homme rationnel devant le risqué: Critique des postulats et axiomes de l'école américaine. *Econometrica*, 21, 503–546.
14. Ellsberg, D. (2001). *Risk, Ambiguity and Decision*. New York: Routledge.
15. Simon, H. (1997). *Administrative behavior*. New York: Free Press.
16. Thaler, R. H., & Benartzi, S. (2004). Save More Tomorrow: using behavior economics to increase employee saving. *Journal of Political Economy*, 112(S1). <https://doi.org/10.1086/380085>.

References

1. Allais, M. (1953). Le comportement de l'homme rationnel devant le risqué: Critique des postulats et axiomes de l'école américaine. *Econometrica*, 21, 503–546.
2. Allingham, M. (2017). *Teoriya vybora* [Choice theory]. Moscow: Izdat. dom "Delo" RANKhiGS.
3. Ellsberg, D. (2001). *Risk, Ambiguity and Decision*. New York: Routledge.
4. Farmer, M. (1994). Ratsional'nyy vybor: teoriya i praktika [Rational Choice: Theory and Practice]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 47–58.
5. Hirschman, A. O. (2004). Interesy [Interests]. In J. Eatwell, M. Milgate, & P. Newman (Eds.), *Ekonomicheskaya teoriya* (pp. 434–446). Moscow: Infra-M.
6. Kahneman, D., Slovic, P., & Tversky, A. (2018). *Prinyatie resheniy v usloviyakh neopredelennosti: pravila i predubezhdeniya* [Decision making under uncertainty: rules and biases]. Kharkov: Gumanit. tsentr.
7. Klein, G. (2020). *Istochniki sily: kak lyudi prinyimayut resheniya* [Sources of Power. How People Make Decisions]. Moscow: Izdat. dom "Delo" RANKhiGS.
8. Knight, F. (2003). *Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, uncertainty and profit]. Moscow: Delo.

9. Lasswell, H. D. (2005). *Vlast' i lichnost'* [Power and Personality]. Moscow: RAGS.
10. Neumann, J. von, & Morgenstern, O. (1970). *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie* [Theory of Games and Economic Behavior]. Moscow: Nauka.
11. Offe, C. (1999). Politekonomiya: sotsiologicheskie aspekty [Political Economy: Sociological Perspectives]. In R. E. Goodin, & H.-D. Klingemann (Eds.), *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* (pp. 657–671). Moscow: Veche.
12. Ruzavin, G. I. (2009). Neopredelennost', veroyatnost' i prognoz [Uncertainty, probability and forecast]. *Filosofskiy zhurnal*, (2), 77–92.
13. Simon, H. (1997). *Administrative behavior*. New York: Free Press.
14. Tanzi, V. (2018). *Pravitel'stvo i rynki: menyayushchayasya ekonomicheskaya rol' gosudarstva* [Government versus markets]. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
15. Thaler, R. H., & Benartzi, S. (2004). Save More Tomorrow: using behavior economics to increase employee saving. *Journal of Political Economy*, 112(S1). <https://doi.org/10.1086/380085>
16. Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2017). *Nudge. Arkhitektura vybora* [Nudge]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber.

Информация об авторе

Никита Иванович Ялманов, старший преподаватель, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9116-4470>, e-mail: nikita-ya55@yandex.ru

Information about the author

Nikita Ivanovich Yalmanov, senior lecturer, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9116-4470>, e-mail: nikita-ya55@yandex.ru

УДК 327.8:811.161.1:811.111 DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_150

ИДЕОЛОГЕМА «КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЗАПАД»: РУССКОЯЗЫЧНЫЕ VS АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СМИ

Алена Вячеславовна Дымова,

кафедра иностранных языков и перевода
Уральского федерального университета,
Екатеринбург, Россия,
dym.alyona@yandex.ru

Наталья Николаевна Коптяева,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
nkoptyaeva@inbox.ru

Получена 16.12.2023.

Поступила после рецензирования 19.02.2024.

Принята к публикации 22.04.2024.

Для цитирования: Дымова А. В., Коптяева Н. Н. Идеологема «коллективный Запад»: русскоязычные vs англоязычные СМИ // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 150–170. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_150

Аннотация

В условиях обострения военно-политических конфликтов информационное противоборство играет важную роль в формировании общественного мнения. Использование идеологем в политическом медиадискурсе одной лингвокультуры и их репрезентация в контексте другой лингвокультуры становятся эффективным

© Дымова А. В., Коптяева Н. Н., 2024

инструментом воздействия на адресата при помощи общекультурных установок и перспективной темой для исследования. Идеологема «коллективный Запад» прочно вошла в политический медиадискурс, число ее употреблений стремительно растет, но при этом коннотация данной лексемы практически не изучена. В данной статье на материале новостных изданий русскоязычных и англоязычных СМИ за 2022–2023 гг. с помощью методов контент-анализа, компонентного и дискурсивного анализа исследуется коннотация идеологема «Коллективный Запад» и ее англоязычного варианта “collective West”. Описаны особенности ее функционирования в медиатекстах русскоязычных СМИ – использование оценочных эпитетов и маркеров отчуждения (кавычек и местоименного выражения «так называемый»). Лексема имеет негативную коннотацию и состоит из компонентов *противостояние*, *агрессия*, *гегемония*, *упадок*, *лицемерие* и др. В англоязычных СМИ лексема “collective West” чаще, чем ее русскоязычный вариант, заключается в кавычки, практически с такой же частотностью используется с прилагательным “so-called”, а ее коннотацию составляют такие компоненты, как *противостояние*, *активное участие в российско-украинском конфликте*, *агрессия*, *гегемония*, *отсталость* и др. Негативная коннотация лексемы “collective West” смягчается отсутствием оценочных эпитетов и различными приемами языкового манипулирования (обезличивание, персонификация, искажение при переводе). Результаты исследования могут быть использованы в изучении приемов информационной войны, языкового манипулирования в медиатекстах, репрезентации России в англоязычных СМИ в целях обеспечения информационной безопасности и обучения медиаграмотности.

Ключевые слова:

коллективный Запад, collective West, США, Европа, Россия, идеологема, СМИ, новостные издания, коннотация, политический дискурс, медиадискурс

IDEOLOGEME “COLLECTIVE WEST”: RUSSIAN-LANGUAGE VS ENGLISH- LANGUAGE MEDIA

Alyona V. Dymova,

Department of Foreign Languages and Translation
of the Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
dym.alyona@yandex.ru

Natalya N. Koptyaeva,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
nkoptyaeva@inbox.ru

Received 16.12.2023.

Revised 19.02.2024.

Accepted 22.04.2024.

For citation: Dymova, A.V., & Koptyaeva, N.N. (2024). Ideologeme “Collective West”: Russian-Language vs English-Language Media. *Discourse-P*, 21(2), 150–170. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_150

Abstract

The use of ideologemes in the political media discourse of one linguistic culture, and how they are represented in the context of another linguistic culture, can be a powerful tool for influencing audiences through shared cultural attitudes. This also presents an intriguing and promising area of research. The ideologeme “collective West” has firmly entered the political media discourse, the number of its uses is growing rapidly, but the connotation of this lexeme remains understudied. In this article, based on news publications of Russian and English media for 2022–2023, the connotation of the ideologeme “kollektivny Zapad” and its English version “collective West” is explored, using the methods of content, component and discourse analyses. The features of its functioning in Russian-language media texts are described, namely, the use of evaluative epithets and markers of alienation (quotation marks and the adjective “so-called”). The lexeme has a negative connotation and consists of the components *confrontation*, *aggression*, *hegemony*, *decline*, *hypocrisy*, etc. In the English-language media, the lexeme “collective West” is placed in quotation marks more often than its Russian-language version, it is used with almost the same frequency with the adjective “so-called”, and its connotation consists of such components as *confrontation*, *active participation in the Russian-Ukrainian conflict*, *aggression*, *hegemony*,

backwardness, etc. The negative connotation of the lexeme “*collective West*” is softened by the absence of evaluative epithets and various techniques of linguistic manipulation (depersonalization, personification, distortion in translation). The results of the research can be used in the study of information warfare techniques, language manipulation in media texts, the representation of Russia in English-language media in order to provide information security and teach media literacy.

Keywords:

collective West, USA, Europe, Russia, ideologeme, media, news publications, connotation, political discourse, media discourse

Введение

Несмотря на длительное существование различных терминологических альтернатив (например, «Запад», «Западный мир», «Западная цивилизация»), непосредственно идеологема «коллективный Запад» наиболее активно вошла в российский политический дискурс сравнительно недавно, но уже используется некоторыми учеными в научных публикациях. При этом лишь немногие исследователи дают определение данному термину, например: «Коллективный Запад – это группа западных стран во главе с США, координирующих свои подходы по ключевым вопросам мировой повестки дня для противодействия России с целью ее ослабления. Ядро коллективного Запада составляют государства – члены НАТО и Европейского союза» (Михайлин, 2023, с. 19). Тем не менее, коллективному Западу посвящен ряд работ по политологии (Большаков, Храмова, 2022; Шарков, 2022), экономике (Рябухин, 2023; Шлычков, 2022), истории (Ермаков и др., 2023; Михайлов, 2023), лингвистике (Балашова, 2022; Хабаров, 2021) и проч. Многие из этих исследований обозревают исторический контекст, возможную траекторию действий Запада в будущем, метафорическую репрезентацию в речи конкретных политиков и проч., но коннотативный вектор употребления идеологемы «коллективный Запад» в СМИ остается на сегодняшний день малоизученным.

Таким образом, цель настоящей статьи – изучить коннотацию идеологемы «коллективный Запад» (далее – «КЗ»), формируемую в русскоязычных СМИ, и сопоставить с коннотацией варианта “*collective West*”, представленной в англоязычных СМИ. Исследование идеологемы на основе материалов новостных изданий представляется наиболее перспективным, поскольку именно СМИ во многом являются медиаторами между разными сферами политической жизни. В качестве материала исследования сплошной выборкой было отобрано 323 статьи (163 русскоязычных и 160 англоязычных) различных новостных изданий за 2022–2023 гг. Методы, на которых основано настоящее исследование: описание, сравнение, контент-анализ, дефиниционный анализ, компонентный анализ, дискурсивный анализ.

В данной работе с точки зрения лингвистики авторы рассматривают термин «КЗ» как идеологему, т.е. «единицу когнитивного уровня, особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» (Малышева, 2009, с. 35); «структурную единицу языковой картины мира со строго очерченным лингвистическим, языковым содержанием» (Радбиль, 2017, с. 61); «целенаправленное воздействие адресанта на адресата с помощью укорененных в общественном сознании установок и социально-политических стереотипов» (Кушнерук, 2022, с. 23). С этим непосредственно связана актуальность данной работы, поскольку исследование функционирования идеологем позволяет через исследование языка глубже понять отношение лингвокультуры к какому-либо социально-политическому явлению, закрепленное на общекультурном уровне. Исследуя также репрезентацию идеологемы одной лингвокультуры в контексте другой, мы можем узнать, какие смыслы лингвокультура, транслирующая чью-либо идеологему, сознательно выводит на первый план, допуская и тиражируя их в публичном пространстве своего общества. Все это приобретает особенную значимость в периоды мировых вызовов и политической турбулентности.

Отметим, что в определенных случаях исследуемое словосочетание выделено кавычками, которые относятся к графическим стилистическим средствам. Например, из 160 изученных англоязычных контекстов 26 приводят словосочетание «КЗ» в кавычках; в свою очередь, из 163 рассмотренных русскоязычных контекстов лишь 8 содержат эти знаки пунктуации. Чаще всего кавычками выделяют чужую речь, при этом «автор подчеркивает, что сам он этих слов не употребляет и либо относится иронически к этому выражению (или к стоящему за ним понятию), либо, наконец, отмечает, что слово употреблено в необычном значении, принятом в каком-нибудь более менее узком кругу» (Арнольд, 2004, с. 304). Таким образом, выделение словосочетания «КЗ» кавычками может в том числе показывать несогласие автора с данным термином, а также подчеркивать ограниченность круга лиц, употребляющих его. Еще одной из причин размещения этой идеологемы в кавычках может быть и та, что многократно проиллюстрирована в рамках данной статьи – по традиции лексема после слова «термин» / «понятие» и т.д. приводится в кавычках.

В некоторых контекстах перед термином «КЗ» (“collective West”) встречается словосочетание «так называемый» (“so-called”). Примечательно, что частотность этого явления во всех исследованных контекстах примерно одинаковая: из 163 русскоязычных контекстов всего лишь 5 содержали такое местоименное выражение, а из 160 англоязычных – 8 сопровождалось указанным прилагательным. Словарная дефиниция лексемы «так называемый» на русском языке содержит стилистическую помету «пренебр.» и фиксирует ироническое и презрительное отношение к кому-либо или чему-либо, имеющему какое-нибудь

название¹. В англоязычных словарях значения словосочетания «so-called» предполагают неуместное и неправильное использование названия, либо введение нового слова или словосочетания, еще неизвестного большинству людей². Следовательно, использование данного прилагательного создает некоторую двусмысленность – с одной стороны, обозначение нового термина, неологизма, с другой стороны – возможность трактовать высказывание автора как несогласие с термином «КЗ» (“collective West”). Кроме того, как указывает Е. И. Шейгал, кавычки и лексический маркер «так называемый» являются «показателями недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов», а также проявления «пейоративного отчуждения» (Шейгал, 2004, с. 122).

Результаты исследования

Русскоязычные СМИ

Анализ 163 контекстов, отобранных сплошной выборкой из различных русскоязычных новостных изданий (например, *Российская газета*, *РИА Новости*, *Известия*, *ТАСС*, *Lenta.ru* и проч.) и датированных 2023 г., позволил установить следующие характерные черты использования идеологемы «КЗ»:

- данный термин практически в равной степени используется как в прямой речи (цитирование, часто в кавычках, высказывания политика или околополитической медийной личности) – 49 %, так и в косвенной речи (сжатый пересказ автором статьи какого-либо высказывания) – 41 %. Говоря о последнем, интересно отметить, что обнаружены контексты, в которых термин как заключается в кавычки, так и используется / публикуется без них. Также гораздо реже (10 %) термин употребляется непосредственно автором статьи в ходе повествования;

- под идеологемой подразумеваются, как правило, страны Европы, в частности страны НАТО, и США, которые периодически (8,5 %) отдельно выносятся в термине и определяются главой «КЗ», например см.: «“коллективного Запада” во главе с США»³, «коллективный Запад во главе с Соединенными Штатами»⁴ и т.д., а также прозападные страны, не расположенные на Западе, например см.: «стран коллективного Запада

¹ *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Взято 16 ноября 2023, с http://phraseology.academic.ru/69577/%D0%A2%D0%B0%D0%BA_%D0%BD%0%D0%B7%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D0%B9

² Cambridge Dictionary (n.d.) Взято 16 ноября 2023, с <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/so-called>

³ *Колокольцев призвал таджикских партнеров к выдаче преступников, находящихся на их территории* (2023, 29 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://rg.ru/2023/08/29/kolokolcev-prizval-tadzhikistan-k-vidache-prestupnikov-so-svoej-territorii.html>

⁴ «Типичное проявление терроризма». Эксперты о тактике ВСУ (2023, 03 сентября). Взято 16 ноября 2023, с <https://radiosputnik.ria.ru/20230903/vsu-1893431322.html>

(от Германии до Японии)»⁵, «коллективный Запад, к которому в последнее время присоединились отдельные государства Азиатско-Тихоокеанского региона»⁶ и т. д.

- сама по себе лексема «коллективный» не содержит словарных стилистических помет и не обладает резко отрицательными коннотациями в каких-либо формах и словосочетаниях (за исключением «коллективизация»).

- частота использования термина существенно возрастает с каждым годом. Например, по запросу «КЗ» за 2022 г. портал *Lenta.ru* предлагает 376 статей, а за 2023 г. на 13 декабря – 342 статьи (и есть все основания полагать, что это цифра сравняется или даже превысит показатель за предыдущий год к концу текущего). В свою очередь, за 2020 г. и 2021 г. портал предлагает лишь по 7 статей, за 2018 г. – 5. Схожую динамику можно наблюдать на всех из рассмотренных новостных порталов.

Коннотативный вектор использования рассматриваемой идеологемы в российских СМИ определяется несколькими компонентами, представленными и описанными ниже в порядке убывания частотности.

Противостояние. КЗ представлен в русскоязычных СМИ противником развития других стран, особенно Китая и России, которая стремится оказать противодействие деструктивным намерениям Запада помешать всестороннему развитию других стран и следующей за ним многополярности. В данной группе контекстов применяются прилагательные, содержащие оценочную характеристику действиям Запада, а также зооморфные метафорические переносы.

В контекстах (1) и (2), например, использована непосредственно лексема «противостояние». Примечательно, однако, что лишь в одном из них идеологема дана в кавычках, хотя оба идентифицируют лидера противоборства КЗ – Россия.

- (1) ...на фоне *жесточайшего противостояния России и коллективного Запада как никогда важным становится восточный вектор развития российской экономики и энергетики*⁷.
- (2) С темой *противостояния «коллективному Западу» связан и межфракционный законопроект о регулировании исследований в области торговой деятельности и потребительских рынков РФ*⁸.

⁵ Эрдоган опять не оправдал надежд Запада (2023, 05 сентября). Взято 16 октября 2023, с <https://ria.ru/20230905/erdogan-1894186190.html>

⁶ Шойгу заявил, что СВО на Украине стала серьезным испытанием для армии РФ (2023, 15 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://www.interfax.ru/russia/916262>

⁷ Глава комитета по энергетике Госдумы поприветствовал участников предстоящего форума «Нефть и газ Сахалина» (2023, 20 сентября). Взято 16 ноября 2023, с <https://www.mk-sakhalin.ru/social/2023/09/20/glava-komiteta-po-energetike-gosdumy-poprivetstvoval-uchastnikov-predstoyashhego-foruma-neft-i-gaz-sakhalina.html>

⁸ Летние поправки с видом на осень (2023, 21 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://www.kommersant.ru/doc/6172116?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4>

Безусловно, несмотря на главенствующую позицию России в этом вопросе, это не единственная страна, выступающая против политики КЗ. Так, в контексте (3) таким идейным партнером представлен Китай, в отношении которого КЗ проводит политику сдерживания, как и против самой России.

(3) *По словам Патрушева, в условиях развернутой коллективным Западом кампании по двойному сдерживанию РФ и КНР особую роль играет дальнейшее углубление российско-китайской координации и взаимодействия стран на международной арене⁹.*

Особенно интересно отметить, что, как отмечается в контекстах (4) и (5), подобную политику КЗ ранее уже осуществлял с разной степенью успешности в отношении других стран. Более продуктивно это было реализовано в Иране, Венесуэле, Сирии, и менее – в Белоруссии.

(4) *Находясь в ситуации год назад, или больше после начала СВО, можно было представить сценарий, что коллективный Запад будет пытаться изолировать экономику по кальке Ирана, или КНДР¹⁰.*

(5) *Более того, коллективный Запад в случае с Белоруссией (как и с Венесуэлой и Сирией) до глубины души возмущен тем, что, когда они уже думали, что революция произошла и прозападные марионетки вот-вот придут к власти, добыча, которую они уже считали своей, выскальзывала из кльков и когтей хищника¹¹.*

Агрессия. Сущность КЗ характеризуется как нечто предпочитающее сугубо недружественную тактику поведения с другими странами. В сфере их интересов наиболее часто указаны разжигание конфликтов и их эскалация на территории иных государств, ведение войны «чужими руками», подрывная деятельность и даже нацизм и терроризм. В данной группе контекстов также применяются зооморфные метафорические переносы. Отличительной особенностью группы является тот факт, что большинство контекстов приведены в качестве прямого цитирования, что, вероятно, связано с резкостью высказываний и стремлением возложить ответственность за него исключительно на авторов контекстов.

В контекстах (6) – (9) предлагаются примеры того, как российские политические деятели (например, Д. Медведев, С. Шойгу, М. Захарова) и инстанции (например, Национальный антитеррористический комитет) цитируются в русскоязычных СМИ с высказываниями об агрессивности поведения КЗ. В ключе предыдущей группы контекстов основное противостояние Запада,

⁹ *Москва выразила поддержку Китаю по Тайваню и Синцзяну* (2023, 19 сентября). Взято 16 ноября 2023, с <https://www.mk.ru/politics/2023/09/19/moskva-vyrazila-podderzhku-kitayu-po-taiwanyu-i-sinczyanu.html>

¹⁰ *В Минфине заявили об отсутствии угрозы массового изъятия активов РФ* (2023, 14 сентября). Взято 16 ноября 2023, с <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/09/14/21285758.shtml>

¹¹ *Враждебная активность* (2023, 22 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://russian.rt.com/opinion/1191781-shafran-posolstvo-ssha-prizyv-belorussiya>

а следовательно и его агрессивность, происходит в отношении России, что и проиллюстрировано в примере (6):

(6) «У нас нет выбора: или мы уничтожим их враждебный политический режим, или коллективный Запад в конечном итоге растерзает Россию. И сгинет в этом случае вместе с нами», – заявил Медведев¹².

Агрессия реализуется зачастую косвенно: прокси-война (7), расширение военного конфликта (8), пособничество террористическим идеям / организациям (9):

(7) «Коллективный Запад ведет против России опосредованную войну, оказывая беспрецедентную поддержку марионеточному киевскому режиму», – сказал он на заседании коллегии российского военного ведомства¹³.

(8) «Очевидно, что “коллективный Запад”, несмотря на закрепленный в конституции Молдавии нейтральный статус, продолжает активно тягивать ее в конфликт на Украине», – говорится в комментариях Захаровой, опубликованном на сайте МИД РФ¹⁴.

(9) «При содействии “коллективного Запада” они пропагандируют идеи терроризма и неонацизма, пытаются вовлечь в преступную деятельность российских граждан и лиц, прибывающих с территории Украины, активно используя при этом различные интернет-ресурсы», – утверждают в НАК¹⁵.

Гегемония. В рассмотренных контекстах русскоязычных СМИ КЗ нередко определен как объединение стран, стремящееся взять контроль в каких-либо вопросах над другими странами, например экологические угрозы (10). Очевидна связь с рассмотренными выше векторами – склонности к мировому господству КЗ проявляются и в форме агрессии и стремления контролировать другие страны, не входящие в коалицию.

(10) Коллективный Запад 30 лет как считает себя главным в климатической повестке. Борьба с потеплением и CO₂ – оправдание его гегемонии. И каков итог?¹⁶

¹² Медведев заявил о неизбежности поражения Запада на Украине (2023, 19 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/19/990989-medvedev-zayavil-o-neizbezhnosti-porazheniya-zapada>

¹³ Коллективный Запад ведет против России опосредованную войну, заявил Шойгу (2023, 9 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://gia.ru/20230809/shoygu-1889039221.html>

¹⁴ Захарова обвинила Запад во втягивании Молдавии в конфликт на Украине (2023, 25 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://iz.ru/1564453/2023-08-25/zakharova-obvinila-zapad-vo-vtiagivanii-moldavii-v-konflikt-na-ukraine>

¹⁵ Бортников: после начала СВО возникли террористические угрозы от Украины (2023, 08 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://www.kommersant.ru/doc/6148326?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4>

¹⁶ Что делать, если Гольфстрим остановится, а вечная мерзлота перестанет быть вечной (2023, 04 сентября). Взято 16 ноября 2023, с <https://rg.ru/2023/09/04/klimaticheskaja-karusel.html>

Стоит отметить, что подобная траектория репрезентации идеологемы тесно связана со следующей группой – упадком. Таким образом, заявляемая мощь Запада остается в прошлом. Этой некогда несравнимой с остальными силе на смену приходит новая, так или иначе связанная с деятельностью России (11) – (12).

(11) *БРИК вначале очень осторожно и миролюбиво, но заявило себя остовом альтернативы однополярности, отвергая жесткую гегемонию со стороны коллективного Запада (НАТО и других жестко однополярных организаций с доминацией США)¹⁷.*

(12) *Именно возвращение Крыма в родную гавань стало символом окончания периода мирового диктата США и коллективного Запада¹⁸.*

Упадок. Связанный с прошлым уровнем значимости на мировой арене, нынешний статус КЗ, согласно русскоязычным СМИ, не идет в сравнение с тем, что был во время его расцвета и гегемонии. В настоящее время этот период заканчивается (13), оставляя Запад без его сфер влияния (14).

(13) *«Новый мир и многополярность возникают не без проблем. Конфликтогенность и кризисы очень серьезны. Но это только отражение того, что эпоха доминирования коллективного Запада реально подходит к собственному завершению. . .», – заявил дипломат¹⁹.*

(14) *«С развитием новых центров силы ООН должна адаптироваться к меняющимся реалиям, а реалии таковы, что коллективный Запад уже не обладает былым военным, политическим и экономическим могуществом», – пояснил Фельдман²⁰.*

Лицемерие. Как мы видим из примеров (15) – (16), русскоязычной прессой освещается тот факт, что действия КЗ во многом характеризуются как неискренние и полные притворства. В данной понятийной области определяются два вида контекстов: высказывания о том, что Западом не соблюдаются пропагандируемые им же правила взаимодействия на мировой арене (15) и о пиковости этого проявления Западом в настоящее время (16).

(15) *«Двойные западные стандарты ярче всего проявляются в вопросе непризнания ЕС и США законности крымского референдума 2014 года. . . на фоне того, что коллективным Западом признается незаконное, без проведения общенародного референдума поглощение Германской*

¹⁷ *Второй мир отменил первый* (2023, 29 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://ria.ru/20230829/briks-1892759981.html>

¹⁸ *Окно в будущее* (2023, 28 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://iz.ru/1565376/oleg-karpovich/okno-v-budushchee>

¹⁹ *МИД России предсказал конец эпохи доминирования коллективного Запада* (2023, 25 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://lenta.ru/news/2023/08/25/8743473/>

²⁰ *«Развитие новых центров силы»: Россия намерена помочь новым членам БРИКС «войти в дело»* (2023, 25 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://russian.rt.com/world/article/1193199-rossiya-briks-rasshirenie-sammit>

Демократической Республики Федеративной Республикой Германия», – сказала Ковитиди²¹.

- (16) *Вынужден констатировать, что сейчас в ОБСЕ наблюдается высочайший градус политического лицемерия со стороны представителей коллективного Запада*²².

Англоязычные СМИ

Методом сплошной и репрезентативной выборки было отобрано 160 контекстов из англоязычных новостных изданий за 2022–2023 гг. Материалом для анализа послужили публикации в таких изданиях, как *The Guardian, The Times, The Mirror, DailyMail, Washington Post, The New Yorker* и др.

Основной особенностью употребления термина «collective West» является то, что подавляющее большинство контекстов содержат ссылки на русскоязычные источники или являются прямой цитатой русскоязычного политического деятеля. Тем не менее, отдельные случаи употребления данного термина встречаются в высказываниях украинских (17) – (18) и китайских (19) авторов:

- (17) *“We know the Americans and collective West tried to save the Putin regime from the Wagner threat”*²³.

- (18) *“The collective West must decide what it wants”*²⁴.

- (19) *“USA and the collective West have been trying hard to put fear of the 'Chinese debt trap' into the minds of recipient countries to no avail”*²⁵.

В контексте (19) говорится о безуспешных попытках США и КЗ внушить странам-реципиентам страх перед «китайской долговой ловушкой».

При этом следует отметить, что к КЗ могут относиться как конкретные страны и организации (20), так и западный мир в целом:

- (20) *“For a couple of decades, we were telling the collective west that we are afraid of your Nato’s moving eastwards”*²⁶.

²¹ В Совфеде напомнили Шольцу о «незаконном» слиянии ФРГ и ГДР (2023, 18 сентября). Взято 16 ноября 2023, с <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/09/18/21310034.shtml>

²² ОБСЕ не сможет урегулировать кризис на Украине (2023, 25 августа). Взято 16 ноября 2023, с <https://iz.ru/1564062/semen-boikov/obse-ne-smozhet-uregulirovat-krizis-na-ukraine>

²³ ‘A matter of weeks’: Zelensky’s ex-adviser says Ukraine will reach Crimea by October (2023, August 18). Retrieved November 16, 2023, from <https://inews.co.uk/news/world/matter-weeks-zelensky-ex-adviser-ethical-warfare-reclaiming-crimea-2554266>

²⁴ As Ukraine’s counteroffensive heats up, Washington holds its breath (2023, June 14). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/06/14/ukraine-counteroffensive-biden-support>

²⁵ US refuses to admit it is a nation that’s fast declining (2023, June 04). Retrieved November 16, 2023, from <https://dailyexpress.com.my/read/5124/us-refuses-to-admit-it-is-a-nation-that-s-fast-declining>.

²⁶ Putin’s spokesman Dmitry Peskov on Ukraine and the West: ‘Don’t push us into the corner’ (2022, March 28). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.pbs.org/>

В данном примере Д. Песков обращается к КЗ, и напоминает о предупреждении насчет продвижения НАТО.

При обозначении стран, входящих в КЗ, могут вводиться дополнительные критерии:

– **страны, проводящие определенную политику в регионах** (*“the collective west, namely the USA, Britain, France and other countries trying to pursue a policy of enslaving Africa, have been planting and organising terrorist groups in Mali for years”*²⁷);

– **демократические государства, желающие победы Украине** (*“the English-speaking, the western European and the eastern European minus Hungary. What Putin calls the 'collective west' all want Ukraine to win”*²⁸);

– **страны, вводящие санкции против России** (*“Western European countries, United States, Canada, Australia, they actually — they actually — they are leading war against us in trade, in economy, in seizing our properties, in seizing our funds, in blocking our financial relations”*²⁹).

Таким образом, в связи с объективными различиями в лингвокультуре, геополитическом мышлении и терминологии, авторам англоязычных текстов часто приходится пояснять, что подразумевается под идеологемой «КЗ».

При этом США либо входят в число стран, относящихся к КЗ, либо упоминаются отдельно, в качестве союзника (21) или руководящего центра (22):

(21) *This has not, as Vladimir Putin and others claim, become a proxy war between the United States or the «collective West» (the U.S. and its European and other allies) against Russia*³⁰.

(22) *“The goal of the 'US-led collective west' is to strengthen its global hegemony”*³¹.

[newshour/show/putins-spokesman-dmitry-peskov-on-ukraine-and-the-west-dont-push-us-into-the-corner](https://www.pbs.org/newshour/show/putins-spokesman-dmitry-peskov-on-ukraine-and-the-west-dont-push-us-into-the-corner)

²⁷ *Wagner-linked Putin ally: ‘Dying west thinks Russians are third world scum’* (2022, May 4). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.theguardian.com/world/2022/may/04/putin-ally-yevgeny-prigozhin-wagner-group-dying-west-russians-third-world-scum>

²⁸ *Why Poland may have most to gain from a Russian defeat in Ukraine* (2022, November 13). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/nov/13/poland-russia-defeat-ukraine-western-europe>

²⁹ *Putin’s spokesman Dmitry Peskov on Ukraine and the West: ‘Don’t push us into the corner’* (2022, March 28). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.pbs.org/newshour/show/putins-spokesman-dmitry-peskov-on-ukraine-and-the-west-dont-push-us-into-the-corner>

³⁰ *G7 wrestles with how to prosecute one war and prevent another* (2023, May 18). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.theguardian.com/world/2023/may/18/g7-wrestles-with-how-to-prosecute-one-war-and-prevent-another>

³¹ *Russia’s Lavrov: Ukraine conflict will not end until West drops plans to defeat Moscow* (2023, July 12). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.reuters.com/world/europe/russias-lavrov-ukraine-conflict-will-not-end-until-west-drops-plans-defeat-2023-07-12/>

Обратимся к словарным данным, используя метод компонентного анализа. Сводная дефиниция прилагательного *collective* и его синонимичный ряд позволяют выделить следующие ключевые семы: качество (*common, relating to or shared, aggregate, united*), состояние (*concentrated*), структура (*organized according to the principles of collectivism, united, assembled, joint, combined, compiled*), характер действия (*consolidated, cooperative*), субъект (*group of individuals, all the members of a group*), количество (*heaped, hoarded, massed, piled*). Все эти компоненты дают прагматику объединенности, консолидированности, массовости такого объединения, как КЗ. Таким образом, лексема «*collective*» используется в разных значениях, при этом сводная словарная дефиниция не содержит стилистических помет и значений с негативной коннотацией, но контекстное употребление дает негативную прагматику (см. контексты). Из всей нашей выборки лишь один контекст (23) содержал эпитет к КЗ – *nefarious* (гнусный, бесчестный):

(23) *Putin will claim that despite the efforts of the nefarious “collective west”, the Russian economy can stabilise because the world needs Russian fossil fuels*³².

Анализ англоязычных контекстов из нашей выборки показал, что лексема «КЗ» вводит следующие компоненты значения:

Противостояние. КЗ, по мнению авторов высказываний, противопоставит Путину лично (24) и России в целом (25). В изучаемых контекстах подчеркивается, что Россия находится в конфронтации не с отдельными странами, а с единым, сплоченным Западом:

(24) *Putin cast the war in Ukraine as a struggle for Russia’s very existence – at the hands of not the Ukrainian Army but, rather, the combined forces of the collective West*³³.

(25) *“The collective West is set for a long confrontation with Russia”, says Russian foreign ministry*³⁴.

Противостояние может быть не только военным, но и экономическим:

³² *Prigozhin couldn’t seal Putin’s fate. But here’s how all of us in the west still can* (2023, June 26). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jun/26/yevgeny-prigozhin-vladimir-putin-west-russia-fossil-fuels>

³³ *Putin’s Escalation in Ukraine Is a Losing Strategy* (2022, September 23). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.newyorker.com/news/news-desk/putins-escalation-in-ukraine-is-a-losing-strategy#:~:text=Putin%20cast%20the%20war%20in,our%20country%2C%E2%80%9D%20he%20said>

³⁴ *“The collective West is set for a long confrontation with Russia,” says Russian foreign ministry* (2022, December 22). Retrieved November 16, 2023, from https://edition.cnn.com/europe/live-news/russia-ukraine-war-news-12-22-22/h_977e29d78e7257d1a3365643e01d758

³⁵ *No ‘free exit’ from Russia for Western firms: Kremlin* (2023, October 31). Retrieved November 16, 2023, from <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/no-free-exit-from-russia-for-western-firms-kremlin/articleshow/104855717.cms>

(26) *But taking into account the quasi-war that the collective West is waging with Russia, including an economic war, a special regime applies to those western companies that are leaving under pressure from their governments*³⁵.

В данном контексте (26) речь идет о квазивоине, которую КЗ ведет с Россией, в том числе и об экономической войне, в результате которой западные компании вынуждены уходить из России под давлением своих правительств.

В ряде контекстов авторы упоминают «квазивоину» и «прокси-войну», при этом использование военной метафоры, которая вводится через военную лексику (“fight”, “forces”, “war”) распространяется и на те сферы, где боевые действия не ведутся, создавая прагматику конфронтации с КЗ в иных аспектах.

Если Запад представляется единым, сплоченным, состоящим из нескольких государств и организаций, то и у России тоже есть свои союзники. Так, в экономическом противостоянии на стороне России выступают страны БРИКС и КНР (27) в частности:

(27) *The BRICS are pursuing an economic direction independent of USA and the collective West*³⁶.

При заключении сделки о поставке тактического ядерного оружия министр обороны С. Шойгу (28) подчеркнул, что Россия и Белоруссия вместе противостоят КЗ:

(28) *“Today, together, we are confronting the collective West, which is actually waging an undeclared war against our countries”, Shoigu said*³⁷.

Активное участие в российско-украинском конфликте. КЗ ведет прокси-войну против России, финансово поддерживает украинскую армию (29) – (30), является организованным и подготовленным союзником Украины, а также тем, кто развязал конфликт с Украиной, с кем на самом деле воюет Россия. В данной группе контекстов часто используются приемы метонимии (“Kremlin” в значении «российское правительство», “Moscow” в значении «Россия») и персонификации:

(29) *“The collective West is waging a proxy war against Russia”, he [S. Shoigu] said, according to his ministry, pointing to its “unprecedented support for Ukraine*³⁸.

³⁶ *US refuses to admit it is a nation that’s fast declining* (2023, June 04). Retrieved November 16, 2023, from <https://dailyexpress.com.my/read/5124/us-refuses-to-admit-it-is-a-nation-that-s-fast-declining>

³⁷ *Russia sends tactical nuclear weapons to Belarus after ‘Nato aggression’* (2023, May 25). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.thetimes.co.uk/article/russia-tactical-nuclear-weapons-belarus-nato-gwxrr8dfj>

³⁸ *Russia to build up forces at western borders to counter NATO threat, defence minister Sergei Shoigu says* (2023, August 9). Retrieved November 16, 2023, from <https://news.sky.com/story/russia-to-build-up-forces-at-western-borders-to-counter-nato-threat-defence-minister-sergei-shoigu-says-12936662>

В статье говорится о беспрецедентной поддержке Украины со стороны НАТО.

(30) “...*Russian soldiers were effectively facing the full force of the 'collective West' which has been supplying Kyiv's forces with advanced weapons, training and intelligence*”³⁹.

(31) *Biden's trip is expected to be viewed in the Kremlin as the latest confirmation that Moscow is fighting not just against Ukraine but against what it calls the collective west*⁴⁰.

В контексте (31) содержится предположение, что поездка Байдена будет интерпретирована в Кремле как подтверждение непосредственного участия США и КЗ в военном конфликте с Украиной. Интересно отметить употребление пассивного залога в структуре сложного подлежащего (*is expected to be*) как пример пассивизации перформатива (ождается кем? – неизвестно). Такой прием обезличивания может применяться в качестве приема хеджирования (смягчения категоричности), а также для намеренного манипулирования адресатом, с целью предугиализации возражения, или «создания ложного высказывания» (Данилова, 2014, с.134). Фраза “*what it (Moscow) calls*” перед лексемой *collective west* вносит ноту сарказма и дополнительно подвергает сомнению возможную трактовку визита Байдена российской стороной.

Агрессия. КЗ проявляет агрессию по отношению к России, преследует враждебные геополитические цели (32), своими действиями напоминает гитлеровскую Германию. В одном из контекстов приводится цитата из речи В. Путина, в которой проводятся исторические параллели с Великой Отечественной войной. Основанием для сравнения КЗ с фашистской Германией послужила новость о том, что украинской армии будут переданы на вооружение немецкие танки Leopard, а также танки из других стран. В результате Россия снова должна отбиваться от агрессии КЗ (33).

(32) “*Behind the hypocritical talk and today's actions of the so-called collective west are hostile geopolitical goals*”, he [V. Putin] added. “*They just don't want a strong and sovereign Russia*”⁴¹.

³⁹ *Putin escalates Ukraine war, issues nuclear threat to West* (2022, September 21). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.reuters.com/world/europe/putin-signs-decree-mobilisation-says-west-wants-destroy-russia-2022-09-21/#:~:text=nuclear%20war%20imminent.-,MOBILISATION,advanced%20weapons%2C%20training%20and%20intelligence>

⁴⁰ *Biden's Ukraine trip undercuts Kremlin narrative of waning support in the west* (2023, February 20). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/20/biden-ukraine-trip-undercuts-kremlin-narrative-of-waning-support-in-the-west>

⁴¹ *Putin says Russia will achieve goals in Ukraine, won't bow to West* (2022, March 16). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.reuters.com/world/putin-says-western-attempt-global-dominance-will-fail-2022-03-16/>

⁴² *Putin uses Stalingrad trip to liken Ukraine to second world war* (2023, February 3). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/02/stalingrad-events-see-putin-warn-of-response-to-western>

(33) “*Again and again we are forced to repel the aggression of the collective west*”⁴².

В данном примере (33) присутствует лексический повтор (*again and again*), который подчеркивает не только повторяемость этой негативной стратегии поведения, но и ее интенсивность.

Гегемония. Страны КЗ стремятся к доминированию в мировой политике, пытаются сохранить гегемонию (34) любой ценой:

(34) “*Anglo-Saxons, who pull the rest to the collective West with them...want to keep their hegemony with all their might*”⁴³.

В данном высказывании основными силами, стремящимися к гегемонии, являются англосаксы, которые тянут за собой весь остальной КЗ.

Отсталость. Некоторые авторы (35) приписывают КЗ стремление придерживаться архаичных догм, ставя на карту судьбы государств и народов. Примечательно, что контексты с вектором «Упадок», в отличие от русскоязычной выборки, практически не присутствуют, формируя более мягкое восприятие коннотации читателем.

(35) “*The “collective West” clings more and more desperately to archaic dogmas, to its elusive dominance, putting the fate of entire states and peoples at stake*”⁴⁴.

Заключение

Интересно отметить тот факт, что в настоящее время в политическом и медиадискурсе «КЗ» – далеко не единственная функционирующая идеология, сформированная на основе этого атрибутивного прилагательного. Так, удастся вычлениить с различной частотой применения, например, «коллективный Путин», «коллективный Брюссель», «коллективный Лукашенко», «коллективный Восток», «коллективный Байден» и т.д. Порой достоверно установить первоисточник использования (в том числе, принадлежность к лингвокультуре) или датировку первого введения в обиход не так просто. Однако можно предположить, что каждая новая идеология такого рода штампуется и реализуется какой-либо лингвокультурой как ответная реакция на создание другой такой идеологии. Так, исследуемое в статье словосочетание «КЗ» можно низкочастотно обнаружить еще в различных источниках 2007 года, но в это же время находятся и первые источники, употребляющие “collective Putin”. Весьма непросто установить, кем инициировано использование второй из них, а главное, что было выведено в общественное использование вперед. Можно лишь

⁴³ *Russia accuses UK of triggering 'genocide' over depleted uranium tank shells for Ukraine* (2023, March 22). Retrieved November 16, 2023, from <https://www.mirror.co.uk/news/world-news/russia-accuses-uk-triggering-genocide-29519435>

⁴⁴ *Xi Jinping warns China is ready to 'stand guard over world order' as he holds four-hour Kremlin talks with 'dear friend' Putin who says he is 'open to negotiations' over Ukraine* (2023, March 20) Retrieved November 16, 2023, from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11881561/Shakey-looking-Putin-praises-dear-friend-President-Xi-gripping-arms-chair.html>

предположить, что все-таки она имеет зарубежное происхождение, т.к. словосочетание «коллективный Путин» практически не представлено в русскоязычных СМИ. Что действительно очевидно – примерно в это время зародилась тенденция к созданию «коллективных» идеологем и все из них находятся в каком-то взаимовлиянии (одна повлияла не только на создание другой, но и на коннотацию, закладываемую в словосочетание в том числе).

На сегодняшний день идеологема «КЗ» в российском медиадискурсе по результатам проведенного исследования имеет однополярно негативную коннотацию. Во-первых, в контекстах с этим словосочетанием распространены прилагательные с оценочной коннотацией («жесточайшего противостояния», «бешеная ненависть», «непримиримую позицию», «деструктивной линии» и проч.), зооморфные анималистические метафоры («хищник», «зверь», «растерзает» и проч.) и иные метафорические переносы («смерть совести», «империя лжи» и проч.). Во-вторых, коннотативный вектор применения данного словосочетания выстраивается в сторону негативных образов и смыслов. Наиболее частотные из них: *противостояние, агрессия, гегемония, упадок, лицемерие*. Полученные данные совпадают с данными смежных исследований по теме негативной репрезентации лексемы «Запад» в русскоязычном медиадискурсе (Абрамова и др., 2019; Ерофеева, 2018; Фёдорова 2009), свидетельствуя о том, что Россия не чувствует стремления к сближению и налаживанию диалога со стороны Запада, а, напротив, видит его неискренние попытки получить мировое господство и контроль над другими странами.

В англоязычном сегменте наблюдаются те же тенденции, что и в русскоязычном медиадискурсе (за исключением использования оценочных эпитетов), что объясняется большим процентным соотношением цитирования и перевода из русскоязычных источников. Кроме того, это так же свидетельствует и о том, что англоязычные СМИ не стремятся скрыть какие-либо смыслы, закладываемые в идеологему «КЗ», и транслируют их своей лингвокультуре. При этом авторы текстов или цитируемых высказываний часто поясняют англоязычным читателям, что, по их мнению, входит в понятие «КЗ». Однако зафиксированы случаи манипулирования и размывания контекстов англоязычной прессой, из-за чего нередки случаи изменения изначально закладываемой коннотации, где КЗ представлен в более выгодном свете, как мощный и благородный союз. В то же время можно отметить более частотное употребление маркеров недоверия и отчуждения – кавычек и прилагательного “so-called”.

Список литературы

1. Абрамова, Е. С., Субботина, И. М., Климова, Ю. А. (2019). Образ Запада в зеркале российской прессы: сферы-источники метафорической экспансии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12(2), 167–171. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.35>

2. Арнольд, И. В. (2002). *Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов*. Москва: Флинта.
3. Балашова, Л. В. (2022). Идеологема «коллективный Запад» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале выступлений С. В. Лаврова после начала специальной военной операции 24.02.2022). *Политическая лингвистика*, (5), 24–39. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_02
4. Большаков, А. Г., Храмова, Е. В. (2022). Этноразовой триггер в рамках гибридной войны России и «коллективного Запада» (практики российских телеграмм-каналов). *Этносоциум и межнациональная культура*, (7), 32–43.
5. Данилова, А. А. (2014). *Манипулирование словом в средствах массовой информации*. Москва: Добросвет: КДУ.
6. Ермаков, Д. Н., Коршунов, А. В., Лунин В. С., Чшиев, Т. Г. (2023). Фолклендская война и «коллективный Запад». Забытые уроки истории (по британским и американским архивным документам и вторичным источникам). *Аграрное и земельное право*, (6), 6–11. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_6_6
7. Ерофеева, И. В. (2018). Нарратив «Восток-Запад» как способ национальной идентификации в российских СМИ. *Вопросы теории и практики журналистики*, 7(1), 76–86. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(1\).76-86](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(1).76-86)
8. Кушнерук, С. Л. (2022). Идеологема «Soviet Union» как концептуальная основа миромоделирования в журналистском нарративе о Челябинске. *Политическая лингвистика*, (4), 21–30.
9. Мальшева, Е. Г. (2009). Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация. *Политическая лингвистика*, (4), 32–40.
10. Михайлин, И. В. (2023). О государственных, военных переворотах и работе дипломатического представительства в кризисной ситуации и в посткризисный период (на примере Испании и Украины). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, (1), 18–28. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2023_1_850_18
11. Михайлов, Д. Ю. (2023). Никола Саркози в урегулировании конфликта в Грузии 2008 г.: «коллективный Запад» против России. *Вестник МГИМО-Университета*, 16(3), 109–137. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-109-137>
12. Радбиль, Т. Б. (2017). *Язык и мир: парадоксы взаимоотражения*. Москва: Издат. дом ЯСК.
13. Рябухин, С. Н. (2023). Новые финансовые инструменты и технологии, позволяющие осуществить асимметричный ответ на вызовы и угрозы российской экономике со стороны коллективного Запада. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 241(3), 396–400. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-396-400>
14. Фёдорова, Е. А. (2009). Особенности употребления гиперлексем Восток и Запад в газетных текстах. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, (4), 115–120.

15. Хабаров, А. А. (2021). Техники лингвокогнитивного манипулирования в реалиях информационно-психологического противоборства. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, (4), 72–82. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-72-82>

16. Шарков, Ф. И. (2022). Эскалация коллективным Западом конфликта с Россией: информационные истоки и динамика развития. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 7(1), 8–17.

17. Шейгал, Е. И. (2004). *Семиотика политического дискурса*. Москва: Гнозис.

18. Шлычков, В. В. (2022). Интенсификация санкционного давления коллективного Запада как основной фактор корректировки парадигм и трансформации стратегии развития российской экономики. *Вестник экономики, права и социологии*, (2), 36–40.

References

1. Abramova, E. S., Subbotina, I. M., & Klimova, Yu. A. (2019). *Obraz Zapada v zerkale rossiyskoy pressy: sfery-istochniki metaforicheskoy ekspansii*. *Filologicheskie nauki* [Image of the West in the mirror of the Russian press: spheressources of metaphorical expansion]. *Voprosy teorii i praktiki*, 12(2), 167–171. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.35>

2. Arnol'd, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk: uchebnik dlya vuzov* [Stylistics. Modern English: Textbook for universities]. Moscow: Flinta.

3. Balashova, L. V. (2022). Ideologema “kollektivnyy Zapad” skvoz' prizmu antropomorfnoy metafory (na materiale vystupleniy S.V. Lavrova posle nachala spetsial'noy voennoy operatsii 24.02.2022) [The Ideologeme of the “Collective West” Through the Prism of Anthropomorphic Metaphor (Based on the Material of Sergey Lavrov's Speeches After the Start of the Special Military Operation on February 24, 2022)]. *Politicheskaya lingvistika*, (5), 24–39. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_02

4. Bolshakov, A. G., & Khranova, E. V. (2022). Etnoyazykovoy trigger v ramkakh gibridnoy voyny Rossii i “kollektivnogo Zapada” (praktiki rossiyskikh telegramm-kanalov) [Ethno-linguistic trigger in the hybrid war between Russia and the “collective West” (practices of Telegram channels)]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, (7), 32–43.

5. Danilova, A. A. (2014). *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoy informatsii* [Manipulation of words in the media]. Moscow: Dobrosvet: KDU.

6. Ermakov, D. N., Korshunov, A. V., Lunin V. S., & Chshiev, T. G. (2023). *Folklendskaya voyna i “kollektivnyy Zapad”*. *Zabytye uroki istorii (po britanskim i amerikanskim arkhivnym dokumentam i vtorichnym istochnikam)* [The Falklands war and the “collective West”. Forgotten history lessons (based on British and American archival documents and secondary sources)]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, (6), 6–11. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_6_6

7. Erofeeva, I. V. (2018). Narrativ “Vostok-Zapad” kak sposob natsional'noy identifikatsii v rossiyskikh SMI [The “East-West” narrative as a way of national identification in the Russian mass media]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 7(1), 76–86. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(1\).76-86](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(1).76-86)
8. Kushneruk, S. L. (2022). Ideologema “Soviet Union” kak kontseptual'naya osnova miromodelirovaniya v zhurnalistskom narrative o Chelyabinske [The Ideologeme “Soviet Union” as a Conceptual Platform of World Modeling in Journalistic Narrative About Chelyabinsk]. *Politicheskaya lingvistika*, (4), 21–30.
9. Malysheva, E. G. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya [Ideologem as lingo-cognitive phenomenon: definition and classification]. *Politicheskaya lingvistika*, (4), 32–40.
10. Mikhailin, I. V. (2023). O gosudarstvennykh, voennykh perevorotakh i rabote diplomaticheskogo predstavitel'stva v krizisnoy situatsii i v postkrizisnoy period (na primere Ispanii i Ukrainy) [On Coup D'Etats, Military Coup D'Etats and Diplomatic Representation Activities in Crisis Situation and Post-Crisis Period (Spain and Ukraine Cases)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, (1), 18–28. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2023_1_850_18
11. Mikhaylov, D. Yu. (2023). Nikolya Sarkozi v uregulirovanii konflikta v Gruzii 2008 g.: “kollektivnyy Zapad” protiv Rossii [Nicolas Sarkozy's Role in the 2008 Georgia Conflict: The “United West” Confronting Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 16(3), 109–137. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-109-137>
12. Radbil, T. B. (2017). *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the world: paradoxes of mutual reflection]. Moscow: Izdat. dom YaSK.
13. Ryabukhin, S. N. (2023). Novye finansovye instrumenty i tekhnologii, pozvolyayushchie osushchestvit' asimmetrichnyy otvet na vyzovy i ugrozy rossiyskoy ekonomike so storony kollektivnogo Zapada [New financial instruments and technologies that allow for an asymmetric response to the challenges and threats to the Russian economy from the collective West]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 241(3), 396–400. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-396-400>
14. Fyodorova, E. A. (2009). Osobennosti upotrebleniya giperleksem Vostok i Zapad v gazetnykh tekstakh [Peculiarities in the use of hyper-lexemes 'East' and 'West' in newspaper texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, (4), 115–120.
15. Khabarov, A. A. (2021). Tekhniki lingvokognitivnogo manipulirovaniya v realiyakh informatsionno-psikhologicheskogo protivoborstva [Techniques of Linguistic Cognitive Manipulation in the Information and Psychological Confrontation Environment]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, (4), 72–82. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-72-82>
16. Sharkov, F. I. (2022). Eskalatsiya kollektivnym Zapadom konflikta s Rossiey: informatsionnye istoki i dinamika razvitiya [Escalation of the conflict with Russia by the collective West: information sources and dynamics of development]. *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 7(1), 8–17.

17. Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.

18. Shlychkov, V. V. (2022). Intensifikatsiya sanktsionnogo davleniya kolektivnogo Zapada kak osnovnyy faktor korrektyrovki paradig i transformatsii strategii razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Intensification of Sanctions Pressure of the Collective West as the Main Factor of Paradigm Adjustment and Transformation of the Strategy of Development of the Russian Economy]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (2), 36–40.

Информация об авторах

Алена Вячеславовна Дымова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2931-5199>, e-mail: dym.aliona@yandex.ru

Наталья Николаевна Коптяева, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0930-9384>, e-mail: nkoptyaeva@inbox.ru

Information about the authors

Alyona Vyacheslavovna Dymova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Translation of the Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2931-5199>, e-mail: dym.aliona@yandex.ru

Natalya Nikolaevna Koptyaeva, Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0930-9384>, e-mail: nkoptyaeva@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА ВРАЖДЫ НА ОСВЕЩЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Кирилл Константинович Фурсов,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия,
biathlon91@mail.ru

Получена 01.02.2024.

Поступила после рецензирования 26.04.2024.

Принята к публикации 15.05.2024.

Для цитирования: Фурсов К.К. Влияние политического медиадискурса вражды на освещение Специальной военной операции // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 171–187. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_171

Аннотация

В период цифровизации стали развиваться новые каналы медиакommunikации. Широкое использование социальных сетей привело к возникновению нового влиятельного информационного субъекта в лице инфлюенсеров, оказывающих серьезное воздействие на процесс формирования общественного мнения. Автором настоящей статьи проведено сопоставление профилей аудиторий традиционных российских СМИ и инфлюенсеров, а также способов реализации данными акторами обратной связи с массовой аудиторией. Исследование показало, что традиционные российские медиа, как и сетевые инфлюенсеры имеют широкую аудиторию, что уровень вовлеченности аудитории в просмотры информационных материалов примерно одинаков, однако инфлюенсеры больше ориентированы на экспрессивно-прагматический тип политического медиадискурса. Разница в предпочтениях аудиторий традиционных

© Фурсов К. К., 2024

СМИ и инфлюенсеров обусловлена прежде всего их возрастными особенностями: традиционные СМИ являются привлекательными, главным образом для представителей старшего поколения, поскольку они предпочитают чтение авторских аналитических публикаций, развернутых обзоров событий, а у инфлюенсеров аудитория более молодая, для которой более предпочтительны краткие, экспрессивно заряженные информационные материалы. Традиционные СМИ и инфлюенсеры выступают значимыми акторами в процессе интерпретации и продвижения актуальной политической информации, связанной с осмыслением важных событий, к которым следует отнести Специальную военную операцию (СВО), проводимую Россией на Украине с 24 февраля 2022 г. Данная операция вызвала мощные потоки дискурса вражды, транслируемого как зарубежными, так и отечественными медиа-каналами. Сегодня можно говорить о том, что политический медиадискурс вражды стал частью информационной повестки СВО, степень его присутствия на разных каналах сетевой среды различается. Так, дискурс вражды, транслируемый отечественными медиа, содержит дискредитацию руководства Украины, политического курса, проводимого по отношению к СВО со стороны США, ряда государств Европы. Он также направлен против уехавшей из России группы лиц, публично призывающей к разрушению государственных институтов страны. Вместе с тем, российские СМИ и инфлюенсеры не занимаются дегуманизацией населения Украины, США и Европы, в то время как украинские медийные институты используют весь арсенал информационной войны для создания антигуманного образа России. Главной целью настоящей статьи является проведение теоретического анализа процессов продвижения медиадискурса вражды посредством традиционных СМИ и инфлюенсеров в ходе освещения проблематики СВО. Основными методами исследования выступают: сравнительный подход, позволяющий сопоставить характеристики аудиторий и способы воздействия на них со стороны различных медиаканалов; методы продвижения медиадискурса вражды с использованием различного арсенала медиатехнологий в процессе рассмотрения актуальных вопросов, связанных с реализацией СВО. В статье делается вывод о том, что по мере укрепления военно-политических, экономических и международных позиций России в ходе проведения СВО закономерно произойдет увеличение объема информационных потоков, продвигающих политический дискурс вражды.

Ключевые слова:

политический медиадискурс вражды, масс-медиа, инфлюенсеры, блогеры, информационное влияние, Специальная военная операция, СВО

AN IMPACT OF POLITICAL MEDIA DISCOURSE ON COVERING A SPECIAL MILITARY OPERATION (SMO)

Kirill K. Fursov,

Ural Institute of Management – a branch of RANEPА,
Ekaterinburg, Russia,
biathlon91@mail.ru

Received 01.02.2024.

Revised 26.04.2024.

Accepted 15.05.2024.

For citation: Fursov, K.K. (2024). An Impact of Political Media Discourse on Covering a Special Military Operation (SMO). *Discourse-P*, 21(2), 171–187. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_171

Abstract

The age of digitalization can be characterized by new media communication channels. Resulting from that, new influential subjects of information started to appear – they are often called *influencers* and their impact on public opinion should not be underestimated. This paper compared audience profiles of traditional Russian media and those of influencers, as well as the ways these actors provided feedback with their audience. Preferences of the above mentioned audiences primarily differ due to age: traditional media attract mainly people of the older generation, since they prefer reading personalized analytics, detailed reviews, whereas influencers' audience is much younger, since young people tend to prefer brief, but expressively brought messages. Traditional media and influencers act as significant actors in the process of interpreting and promoting relevant political information related to important events, which should include a special military operation (SMO) conducted by Russia in Ukraine since 24 February 2022. This operation caused powerful streams of hostility discourse to develop, broadcast primarily by foreign media and influencers.

These days political media discourse of hostility has become a crucial part of the information agenda, however it is variously presented on different channels of network environment. Thus, the discourse of hostility broadcast by Russian media discredit the leadership of Ukraine, the political course towards SMO conducted by the United States and a number of European states. It is also directed against a group of people who left Russia and are publicly calling for destruction of Russian's state institutions. At the same time, Russian media and influencers are not engaged in dehumanizing the population of Ukraine,

of the United States and Europe, while Ukrainian media institutions use the entire arsenal of information warfare to create an anti-human image of Russia. This paper aims to carry out a theoretical analysis of media discourse of hostility promoting through traditional media and influencers in terms of their covering the problems of the SMO. Methods used in the research appear to be mainly a comparative analysis and a discourse of hostility promoting method, the latter uses different media technologies to consider topical issues related to the SMO. The paper comes to a conclusion that since Russia's military, political, economic and international positions strengthen during the course of its military and political campaign, information flows promoting the political discourse of hostility will naturally increase in volume.

Keywords:

political media discourse of hostility, mass media, influencers, bloggers, information influence, Special military operation, SMO

Введение

В условиях международного противостояния в информационном пространстве сохраняет актуальность продвижение политического медиадискурса вражды. Под ним в настоящей статье понимается властный ресурс, связанный с формированием в массовом сознании политических медиаобразов событий на основе дихотомической модели «свой – чужой» посредством использования манипулятивных технологий и экспрессивных риторических средств (Фурсов, 2022, с. 105).

В современном обществе происходит активная фаза изменения способов коммуникации. В XX в. главным источником информации были разные виды СМИ – печать, телевидение, радио. В XXI в. массовую коммуникацию затронул процесс цифровизации, главной особенностью которого стал выход СМИ в глобальную сеть Интернет. Появились новые формы сетевой коммуникации: сайты, поисковики, мессенджеры, социальные сети, онлайн-видеосервисы.

Конкуренцию СМИ в цифровой среде составили инфлюенсеры – пользователи (блогеры), которые имеют обширную и лояльную аудиторию в социальных сетях. Современной тенденцией развития информационного пространства стал рост подписчиков инфлюенсеров. Появились различные классификации инфлюенсеров по количеству подписчиков: микроинфлюенсеры – до 100 тыс. пользователей, макроинфлюенсеры – от 100 тыс. до 1 млн подписчиков, мегаинфлюенсеры – свыше 1 млн пользователей. В этих условиях актуальными становятся следующие вопросы, кто оказывается влиятельным в продвижении политического медиадискурса – СМИ или инфлюенсеры, в каких отношениях они находятся.

Особенностью цифровизации традиционных СМИ стала медиаконвергенция, которая обозначила технологическое и социальное соединение форматов

медиа. Масс-медиа стали доступны интернет-ресурсы для продвижения собственных изданий. Признаками новых медиа стали интерактивность, гипертекстуальность, конвергентность, дигитализация и принадлежность к медиа-пространству.

В описании инфлюенсеров Е. Дюбуа и Д. Гаффни отводили особую значимость их взаимодействия с аудиторией. Ключевыми признаками инфлюенсеров являются наличие последователей, обладание статусом эксперта, наличие необходимых знаний и профессионализм, а также социальная вовлеченность в общественные проблемы (Dubois, Gaffney, 2014). Влияние инфлюенсера ограничено собственной аудиторией. Чем меньше подписчиков, тем выше плотность контакта.

Инфлюенсеры оказываются значимыми посредниками между политическими структурами и массовой аудиторией, поскольку управляют общественным мнением посредством производства собственной интерпретации поступающей информации, а затем уже переработанную информацию распространяют в сетевой среде.

В отечественной литературе вопросам роли инфлюенсеров в формировании политических установок и настроений аудитории посвятили свои работы А. В. Дудкина (Дудкина, 2022), А. А. Ефанов (Ефанов, 2022), Р. А. Захаркин и Н. А. Аргылов (Захаркин, Аргылов, 2021), А. А. Кислицина (Кислицина, 2019). Описанию дискурса социальной сети *Telegram* посвящены работы С. Л. Кушнерук (Кушнерук, 2023), Ю. В. Шуйской (Шуйская, 2023). На особенности коммуникаций политических сообществ в русскоязычных *Telegram*-каналах обратила свое внимание известный политолог О. В. Попова, назвав такую особенность, как использование цифровой демагогии и речевых атак с целью привлечения внимания аудитории (Попова, 2023). Стабильными элементами политической коммуникации в цифровой среде выступают театрализация, сценарные перформансы, манипулятивный креатив.

В интернет-коммуникациях одной из важных тенденций стал кликбейтинг, представляющий собой сумму технологий, используемых в медиа-пространстве с целью управления вниманием аудитории, регуляции процессов потребления информационного контента (Mormol, 2019; Гаврикова, 2019; Есакова, Кольцова, 2021 и др.). Примерами информативного кликбейтинга выступают интернет-материалы, создаваемые с целью привлечения максимального количества пользователей к распространяемому медиа-контенту без искажения сути информационного сообщения. В абсолютном же типе кликбейтинга для повышения трафика посещения интернет-страниц используются манипулятивные технологии управления вниманием пользователей сети, искажающих смысл информации. Здесь включаются такие приемы, как умолчание, изъятие из контекста, подмена понятий, смещение смысловых акцентов, скандальные заголовки и др. (Гаврикова, 2019). Стоит также обратить внимание на опубликованные тезисы Р. К. Абагекяна, где были проанализированы дискурсивные поля нескольких *Telegram*-каналов во время проведения СВО. Автор пришел к выводу о том, что основной коммуникативной стратегией *Telegram*-каналов

является целенаправленное формирование управляемых дискурсивных полей, в рамках которых происходит привлечение внимания аудитории к утверждаемой инфлюенсерами точке зрения посредством применения технологий кликбейтинга (Абагекян, 2023).

В статье Д. Ю. Чиркина, А. Д. Колмакова, М. В. Скупова описана информационная структура и тематика сообщества Z-каналов сети *Telegram*. Авторы отмечают, что пользователи подписываются на данные каналы прежде всего для получения эксклюзивной информации о событиях СВО, и это прекрасно осознают администраторы каналов. Наиболее популярной темой выступает освещение изменений на линии фронта, с этой же темой связана критика военно-тактических решений командования и снабжения армии (Чиркин и др., 2023, с. 186). Особо выделены такие каналы, как *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»* и *WarGonzo* (администратор Семен Пегов), имеющие большое количество постов на тему линии фронта, они воздерживаются от критики, что объясняется их интегрированностью с традиционными СМИ и устойчивыми связями с системной журналистикой (Чиркин и др., 2023, с. 187). Другая популярная тема на данных каналах – это основные фигуры российской политики и военного командования в контексте проведения спецоперации. Согласно авторам исследования, частота упоминаний конкретной политической личности оказывает существенное влияние на рост ее популярности в массовом сознании и на повышение ее внутреннего и внешнеполитического имиджа.

Кроме того, в рамках дискурс-анализа сетевых медиаисточников стоит обратить особое внимание на их коммуникативные стратегии, лексику и манипулятивные технологии (Русакова, Курильченко, 2019).

Результаты исследования политического медиадискурса вражды в традиционных СМИ, освещающих проблематику СВО

Для анализа политического медиадискурса вражды были выбраны наиболее популярные масс-медиа в российском информационном пространстве: была рассмотрена посещаемость таких медиаканалов, как *РБК*, *РИА Новости*, *ТАСС*, *RT на русском*. *РБК* оказался лидером по посещению пользователями сайта медиахолдинга, а *РИА Новости*, *ТАСС* и *RT на русском* были лидерами индекса цитируемости по данным конца 2023 г. Аудиторию данных медиа представляют главным образом мужчины (63–70%), распределение пользователей по возрасту младше 45 лет различно: у *РБК* ее доля составляла 44,5%, у *ТАСС* – 33,4%, у *РИА Новости* – 30,7%, у *RT на русском* – 26,8%¹. При анализе медиадискурса выбранных каналов следует сначала коснуться вопроса о структуре медиадискурса, а затем перейти к вопросу о продвижении их контента в социальные сети.

Политический медиадискурс вражды присутствует на информационном канале *РБК* в таких информационных рубриках как «Военная операция на Украине.

¹ Платформа веб-аналитики *Similarweb*. Взято 20 февраля 2024, с <https://www.similarweb.com/ru/>

Главное», в которой освещаются события, происшедшие днем раньше. Содержание медиадискурса вражды включает описание обстрелов территории России со стороны ВСУ, аннотации статей западной прессы, заявления политиков по теме СВО. Экспрессивность политического медиадискурса вражды выражена в персональном дискурсе российских политиков. Например, в сюжете о В.В. Путине, когда он противопоставил варварство украинской армии сплоченности российского народа². Из невербальных элементов использовалась карта боевых действий и видеоролики. Продвижение официального медиадискурса СВО в социальных сетях сопровождалось критическими комментариями пользователей.

Политический медиадискурс вражды *РИА Новости* и *ТАСС* можно отнести к экспрессивно-аналитическому типу. Эти каналы использовали жанр аналитической статьи для дискредитации Украины и украинской армии, стран Запада, а также осуществляли героизацию России и российской армии с использованием экспрессивной риторики. Тематика авторских статей была представлена на сайтах *РИА Новости* и *RT на русском*. Журналисты этих масс-медиа занимались информационным продвижением внешнеполитических стратегических устремлений России, создавая при этом негативный образ стран Запада, Украины, критиковали противников СВО внутри России.

В *РИА Новости* повестка СВО присутствовала в статьях авторов в разделе «Аналитика» и в рубрике «Специальная военная операция»³. Темы политического медиадискурса вражды включали брифинги Министерства обороны РФ, новости хода СВО и международной политики. Коммуникативными стратегиями политического медиадискурса вражды выступали дискредитация Украины и стран Запада, разоблачение антигуманного поведения украинской армии, дискредитация российской оппозиции, героизация российской армии.

Авторы публикаций в *РИА Новости* описывали образ США как политически расколотой страны, Украины – как «страны-попрошайки», страны Европы изображаются циничными субъектами из-за оправдания обстрела мирных жителей России со стороны ВСУ. Для того чтобы опорочить покинувших Россию спортсменов, их называли с помощью метонимии «спортивными Галкиными и Пугачевыми»⁴. Использовался слоган «Россия не продается!». В описании европейских политиков применялись такие эпитеты, как «лживые» и «циничные». Обстрел Белгорода в декабре 2023 г. сравнивался с трагедией в Одессе 2014 г. Среди невербальных элементов присутствовала интерактивная карта проведения СВО, инфографика с описанием военной техники и карты ключевых сражений. Новости сопровождалась видеороликами официальных заявлений органов

² Путин предупредил об очень серьезном ударе по государственности Украины (2024, 16 января). РБК. Взято 23 января 2024, с <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2024/65a6a1b19a794793fa93e399>

³ *РИА Новости: сайт* (2024, 16 января). Взято 31 января 2024, с <https://ria.ru>

⁴ Стрельников, К. (2024, 12 января). Платить ли перебежчикам: вопрос, который может разделить Россию. *РИА Новости*. Взято 23 января 2024, с <https://ria.ru/20240112/sportsmeny-perebezhchiki-1920812340.html>

власти. Среди запросов к сайту РИА Новости на четвертом месте оказалась «Карта боевых действий специальной военной операции»⁵.

Продвижение политического медиадискурса вражды каналом РИА Новости проводится посредством социальных сетей *ВК*, *Telegram*, *Яндекс-Дзен*. Просмотр новостей в *ВК* составляет 10 % от всех пользователей, в *Telegram* – до 25 %, в *Яндекс-Дзен* – менее 1 %. Посты *РИА Новости* в социальных сетях являются открытыми и закрытыми для комментариев. Закрытыми оказываются посты про подвиги российских солдат в зоне СВО и описания их мирной жизни. Наиболее просматриваемыми оказались посты с описанием обстрелов России ВСУ, порождающие активную дискуссию пользователей. Политический медиадискурс вражды провоцировал также агрессивные комментарии. Например, обстрел Белгорода ВСУ в декабре 2023 г. привел к призывам пользователей начать войну с Европой.

ТАСС публикует новости из зоны проведения СВО⁶. Рубрика «Военная операция на Украине» в онлайн содержит ленту новостей из зоны СВО, различные интервью, мнения, статьи. Жанр статьи передает ключевые темы новостей – внешняя политика России, внутренняя и внешняя политика Украины, военные действия в зоне СВО, переводы иностранных изданий. Коммуникативные стратегии политического медиадискурса вражды включают сюжеты продвижения повестки Министерства обороны РФ, дискредитации Украины и стран Запада, разоблачения антигуманности украинской армии. Статей аналитического жанра на данном канале оказалось меньше, чем на РИА Новости. В этих статьях продвигается официальная государственная повестка о достижениях России в области осуществления денацификации и демилитаризации Украины. В качестве экспрессивных средств используются антитезы слов президента Украины и реальной обстановки в зоне боевых действий, применяется метод иронии по поводу проводимой украинскими властями политических действий. Образ Украины описывается понятием «режим Зеленского», военная цель Украины раскрывается посредством выражения «бесмысленная смерть собственных солдат». Из невербальных элементов используются фотографии и видеоролики министерства обороны РФ.

Телеканал *RT* на русском можно отнести к экспрессивно-прагматическому типу продвижения политического медиадискурса вражды. Медиадискурс вражды *RT* ориентирован на практические действия – используется бот для сбора помощи российской армии, используется жанр журналистского расследования. В рубрике «Расследование военных преступлений украинского режима» были обозначены 73 фигуранта обвинений со стороны командования и военных Украины⁷. Также

⁵ Рейтинг РИА Новости на сайте *Similarweb* (2023, 31 декабря). Взято 23 января 2024, с <https://www.similarweb.com/ru/website/ria.ru/#geography>

⁶ *ТАСС: сайт*. (2024, 14 января). Взято 14 января 2024, с <https://tass.ru>

⁷ Расследование военных преступлений украинского режима (2024, 17 января). *RT на русском*. Взято 25 января 2024, с <https://russian.rt.com/trend/672997-voennye-prestupleniya-ukraina>

описываются последствия обстрелов со стороны украинской армии российских территорий и раскрываются истории жертв от этих действий.

На сайте *RT* есть раздел «Спецоперация на Украине», в который входит хроника событий, в репортажах используются эксклюзивные материалы. *RT* использует коммуникативные стратегии романтизации войны, дегуманизации украинской армии, дискредитации стран Запада, критиков СВО в России. В авторских статьях на сайте *RT* используются материалы популярных политических блогеров и журналистов. Коммуникативная стратегия противопоставления Западу и Украине более жестких требований России продвигается при помощи средств призыва к наказанию зачинщиков войны посредством военных трибуналов. Среди экспрессивных средств используются эпитеты, метафора, парцелляция. Пример парцелляции: «Альтернатива всему вышеуказанному – прекращение существования формально независимой Украины. Проект признан неудачным – проект закрывается. Точка»⁸. Коммуникативная стратегия героизации российской солдат при обороне Горловки продвигается с помощью эпитетов «безуспешные попытки врага, арта зверски отработала» и рассказах военных⁹. Образ Украины описывают слова «неонацистский режим», политику Запада – «русофобская вакханалия», украинская армия описывается словом «враг». Из невербальных элементов используется карта военных преступлений Украины, видеоинтервью с российскими военными.

В продвижении публикаций политического медиадискурса вражды *RT* использует стандартный набор социальных сетей, к нему добавляется еще *Живой журнал*. Публикации с политическим медиадискурсом вражды в социальных сетях продвигаются частично, комментарии к публикациям являются редкими.

Влиятельные российские медиа в период проведения СВО по-разному продвигают политический медиадискурс вражды. Встречается разный тип подобного медиадискурса: формальный, экспрессивно-аналитический, экспрессивно-прагматический. Используются разные коммуникативные стратегии: дискредитация Украины и Запада, российской оппозиции, дегуманизация украинской армии, героизация российской армии, романтизация войны. Цель традиционный медиа – поддержка официального государственного нарратива. Традиционные медиа часто используют жанр авторской аналитической статьи, в рамках которого продвигается официальный нарратив внешнеполитических стратегических целей России и создается негативный образ противника. Подобная специфика медиадискурса вызывает интерес преимущественно у аудитории старшего поколения. Упомянутые каналы масс-медиа осуществляют выход в социальные сети: *ВКонтакте*, *Telegram*, *Одноклассники*, *Яндекс-дзен* и др. Наиболее просматриваемыми материалами оказались публикации *РИА Новости*.

⁸ Шафран, А. (2023, 29 декабря). Формула их войны. *RT на русском*. Взято 26 февраля 2024, с <https://russian.rt.com/opinion/1252641-shafran-zelenskii-ukraina-rossiya>

⁹ Пегов, С. (2023, 20 ноября). Непрístupная Горловка. *RT на русском*. Взято 26 февраля 2024, с <https://russian.rt.com/opinion/1233895-pegov-svo-donbass-gorlovka>

Результаты исследования продвижения инфлюенсерами политического медиадискурса вражды в условиях проведения СВО

Среди инфлюенсеров, занимающихся проблематикой СВО, были взяты популярные персоны и сообщества, которые имели в социальной сети Telegram более 0,5 млн подписчиков. В их число вошли каналы *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*, *Операция Z: военкоры русской весны*, *Рыбарь*, *WarGonzo*, *NE.CAXAP*, *Сладков+*, *Colonelcassad*, *Поддубный |Z|O|V| edition*, *Повернутые на Z войне*, *Военный осведомитель*, *kotsnews*, *Александр Ходаковский*, *Старше Эдды*, *Война с фейками*, *Спецоперация Z*¹⁰. Они представлены в различных формах виртуального пространства – сайтах, социальных сетях *Telegram*, *ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Яндекс-Дзен*, видеохостингах *Youtube*, *Rutube*, приложении *TikTok*. Указанные сообщества имеют разное представительство в онлайн-средах, больше всего выходов на социальные сети имеет блогер Ю. Подоляка. Наиболее популярными социальными сетями для политических инфлюенсеров по теме СВО являются *Telegram*, *ВКонтакте*, *Яндекс-Дзен* и *Rutube*. Создание онлайн-сообществ большинства каналов происходило в 2017–2018 гг. в период снятия запрета с *Telegram*. После начала СВО 24 февраля 2022 г. социальные сети корпорации *Meta* были запрещены¹¹. Это решение и внимание каналов к теме СВО привели к бурному росту каналов в феврале-мае 2022 г. Рост аудитории каналов по теме СВО происходил осенью 2022 г. и летом 2023 г., достигнув пика к моменту мятежа Е. Пригожина в июне 2023 г.

Анализ аудитории наиболее популярных социальных сетей показывает, что у *Telegram* больше пользователей мужчин – 58 %, а у *ВКонтакте* больше пользователей женщин – 60 %. По возрасту аудитория социальных сетей является молодой – пользователей до 45 лет в ней составляет 78 %. Анализ аудитории конкретных политических инфлюенсеров невозможен из-за недоступности статистики. Данная практика также обусловлена манипулятивной технологией искусственного накачивания аудитории различных каналов с помощью ботов. В июне 2023 года компания *Brand Analytics* составила анализ новостного контента социальных сетей. Военная тематика в различных социальных сетях занимала

¹⁰ Адреса страниц *Telegram*-каналов (взяты 25 января 2024): *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. URL: <https://t.me/yurasumy>; *Операция Z: военкоры русской весны*. URL: <https://t.me/RVvoenkor>; *Рыбарь*. URL: <https://t.me/rybar>; *WarGonzo*. URL: <https://t.me/wargonzo>; *NE.CAXAP*. URL: <https://t.me/+v-P0xT4ViGI4Yzg6>; *Сладков+*. URL: https://t.me/Sladkov_plus; *Colonelcassad*. URL: https://t.me/boris_rozhin; *Поддубный |Z|O|V| edition*. URL: <https://t.me/epoddubny>; *Повернутые на Z войне*. URL: <https://t.me/voenacher>; *Военный осведомитель*. URL: <https://t.me/milinfoive>; *kotsnews*. URL: <https://t.me/sashakots>; *Александр Ходаковский*. URL: https://t.me/aleksandr_skif; *Старше Эдды*. URL: <https://t.me/vysokygovorit>; *Война с фейками*. URL: <https://t.me/warfakes>; *Спецоперация Z*. URL: <https://t.me/specoperation>.

¹¹ *Meta* – компания, признанная в РФ экстремистской организацией и социальные сети которой запрещены.

разное место: у *Одноклассников* она была на 1 месте, у *Яндекс-Дзен* – на 2-м, у *Telegram* – на 3-м, во *ВКонтакте* – на 10-м.

И. С. Быков и С. В. Курушкин смогли выделить в области военной журналистики военных корреспондентов, военных экспертов, анонимных военкоров (Быков, Курушкин, 2022). К числу наиболее популярных по теме СВО можно отнести военных экспертов (М. Звинчука, Ю. Подоляку, Б. Ронжина), военных корреспондентов (А. Коца, С. Пегова, Е. Поддубнова, А. Сладкова), военного командира А. Ходаковского и анонимные военные сообщества (*Операция Z: военкоры русской весны, НЕ.САХАР, Повернутые на Z войне, Военный осведомитель, Старше Эдды, Война с фейками, Спецоперация Z*).

Наиболее популярным по теме СВО оказались интернет-ресурсы блогера Ю. Подоляки. *Мир сегодня* с «Юрий Подоляка» имеет свой сайт и доступ к 6 социальным сетям. Наиболее значительная аудитория блогера сосредоточена в *Telegram* – 2,7 млн пользователей (в 2023 г.). Целью Ю. Подоляки является создание среды для бойцов информационного фронта, где идеологией является защита России от уничтожения¹². Основой информационной деятельности блогера является разбор ситуации в зоне боевых действий СВО. Данный аналитический разбор востребован для каналов российского телевидения. В разных социальных сетях публикация материала отличается. В сети *ВКонтакте* публикуется только авторский контент, в *Яндекс-дзен* материалы разделяются на видео и статьи¹³. В сети *Telegram* к авторскому контенту добавляются репосты и комментарии близких к автору каналов. Основные темы интернет-ресурсов Ю. Подоляки включают международные новости, боевые действия в зоне СВО, политические новости в России. Основной коммуникативной стратегией политического медиадискурса вражды выступает дискредитация Украины, США и российской оппозиции. Также среди стратегий можно выделить героизацию солдат российской армии. Украина подается как преступный режим В. Зеленского, украинская армия продвигает идеологию нацизма. Происходит дегуманизация образа В. Зеленского через изображение его наркоманом. Россия изображается в качестве этического защитника добра. Цель России в представлении Ю. Подоляки состоит в искоренении идеологии нацизма и проведении нового уголовного процесса над нацистскими преступниками. На интернет-ресурсах Ю. Подоляки используются такие лингвистические средства, как метафора, перефраз, ирония, оскорбления против противников СВО в России. Также применяются приемы опровержения фейков со стороны Украины. Из невербальных элементов используются видео с разбором карты боестолкновений российской и украинской армии, изображения Украины из социальных сетей, видеоролики и фотографии

¹² «Паутина» по всей России. В Волгограде Подоляка формирует войска для информационного фронта. (2023, 11 октября). *ИА «Высота 102»*. Взято 26 февраля 2024, с <https://v102.ru/news/123383.html>

¹³ Страница «Мир сегодня с “Юрий Подоляка”» во *ВКонтакте*. Взято 26 января 2024, с <https://vk.com/public213276384>; Страница «Мир сегодня с “Юрий Подоляка”» в *Яндекс-Дзен*. Взято 26 января 2024, с <https://dzen.ru/yurasymmu>.

разрушения объектов инфраструктуры военными ударами по Украине. В качестве интертекста заимствуются цитаты В. Путина для поддержки политики проведения СВО и поддержки российской армии. Например, цитата В. Путина о героизации российских военных при помощи унижения звезд российского шоу-бизнеса в экспрессивной форме: «Настоящая элита страны должна формироваться из тех, кто защищает Родину, а не из чудиков, обнажающих гениталии»¹⁴. Деятельность Ю. Подоляки ориентирована на сбор средств в поддержку российской армии техническими средствами, одеждой, медикаментами, демонстрируя прагматическую ориентацию политического медиадискурса вражды. Ю. Подоляка осуществляет обратную связь с аудиторией, отвечая на вопросы пользователей. Информационное влияние канала Ю. Подоляки отразилось на появлении сайтов групп поддержки блогера. Среди всех выбранных каналов в сети *Telegram* у страницы *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»* самый высокий уровень просмотра публикаций – 59%. Кроме Ю. Подоляки по теме СВО лидерами в социальных сетях являются военный блогер М. Звинчук, имеющий канал *Рыбарь* (1,1 млн подписчиков в *Telegram*) и политический эксперт Б. Ронжин с каналом *Colonielcassad* (800 тыс. подписчиков).

Среди военных инфлюенсеров во время проведения СВО оказались военные корреспонденты – А. Коц, С. Пегов, Е. Поддубнов, А. Сладков. Количество подписчиков в *Telegram* данных авторов составляет 0,5–1 млн пользователей, в *VK* – 40–293 тыс. подписчиков. Частота выхода публикаций оказывается ниже каналов новостной сводки СВО. Среди военных корреспондентов по выходу в социальные сети больше всего каналов имеет *WarGonzo* С. Пегова – 4, А. Коц и Е. Поддубный имеет выход в 3 социальные сети, А. Сладков – всего 2. По формату А. Коц использует различные рубрики с интерпретацией политических новостей и повестки в зоне СВО – «Вечерний звон», «Тыль», «Опрос», «Оружейка», «Дурилка». Свою политическую позицию А. Коц называет «поддержкой русского мира». С. Пегов на своих каналах выпускает интервью с бойцами на линии боевого соприкосновения, авторские статьи, карты обстановки на фронте. Е. Поддубный осуществляет перепост близких по направленности каналов и оставляет авторский комментарий к происходящим событиям. А. Сладков публикует интервью с линии боевого соприкосновения, перепосты близких каналов. Также А. Сладков записывает подкасты оценки текущего положения на линии боевого соприкосновения, оценки политической ситуации в России и мире. В целом, политический медиадискурс вражды военных корреспондентов схож. Коммуникативными стратегиями выступают героизация российской армии, дискредитация Украины, США, ЕС, дегуманизация украинской армии. Образ противника оказывается более детализированным: политическая система Украины описывается как «людоедский режим», находящийся в зависимости от США; украинское руководство представляется как «шайка бандитов», а государственная идеология – как нацистская и русофобская; СМИ Украины обозначают терминами «пропаганда» и «пособники режима». Действия

¹⁴ Пост с канала «Мир сегодня с «Юрий Подоляка»». (2024, 27 января). Страница «Мир сегодня с «Юрий Подоляка»» в *Telegram*. Взято 26 февраля 2024, с <https://t.me/yurasumy/12844>

украинской армии с высокими потерями обозначаются понятием «мясной штурм». Однако, важно отметить, что враждебный дискурс российских военных корреспондентов, направленный против украинских властных кругов, ВСУ, украинских СМИ, совершенно естественно сочетается в их профессиональной деятельности с использованием сетевых технологий для сбора денег и средств для оказания помощи фронтовым товарищам. Таким образом военные корреспонденты фактически являются гибридными инфлюенсерами, поскольку одновременно занимаются и формированием в массовом сознании неприглядного образа врага и оказанием материальной и духовной поддержки российским фронтовикам.

Отдельно можно выделить в качестве военного инфлюенсера по проблематике СВО командира батальона «Восток» А. Ходаковского, *Telegram*-канал которого имеет аудиторию более 500 тыс. подписчиков. На канале публикуются редкие авторские материалы жанра аналитической статьи с разбором военной обстановки. Описание военной обстановки, трудностей российской армии подается аккуратно, в лексике используется такой оборот как «инструмент сдерживания России», отмечается, что сопоставление ресурсов воюющих сторон складывается не в пользу Украины.

В отдельную группу военных инфлюенсеров можно выделить анонимные каналы *Операция Z: военкоры русской весны*, *NE.SAXAP*, *Повернутые на Z войне*, *Военный осведомитель*, *Старше Эдды*, *Война с фейками*, *Спецоперация Z*. Самую большую аудиторию *Операция Z: военкоры русской весны* имеет в *Telegram* – 1,3 млн подписчиков, тогда как в *VK* – только 60 тыс. пользователей. Меньше всех подписчиков имеет канал *Спецоперация Z* – 0,5 млн пользователей. Каналы *Операция Z: военкоры русской весны*, *NE.SAXAP*, *Спецоперация Z* выступают в качестве медиаресурса, представленного военными корреспондентами, занятыми в зоне СВО. Канал *Военный осведомитель* представлен профессиональной редакцией, занимающейся обзором новостей отечественных и зарубежных вооруженных сил. *Старше Эдды* – популярный анонимный канал в социальной сети *Telegram*, авторы которого занимаются патриотической повесткой и входят в число избранных авторов *RT*. Канал *Война с фейками* представлен только в *Telegram* и занимается опровержением фейков о России и российской армии. Основными невербальными материалами этих каналов выступают карты боевых действий и военных ударов по территории Украины, видеозаписи о ходе СВО, видеоролики уничтожения техники и солдат ВСУ, фотографии военной техники, фото и видео военных ударов по Украине, репосты патриотических каналов, международные новости, военные репортажи. Анонимные каналы осуществляют также дискредитацию конкретных групп противника. Например, *Telegram*-канал *NE.SAXAP* использовал троллинг украинских семинаристов, назвав песню «Батька наш Бандера» бесовством. На канале *Спецоперация Z* новости подписываются короткими комментариями в виде смешных фраз. Для дегуманизации украинской армии транслируются видеоролики и фотографии, где показана гибель погибших от обстрелов ВСУ мирных граждан. Канал *Война с фейками* построен на технологии поиска и опровержения фейков, которые используют в медиапространстве украинские СМИ.

Заключение

Проведенное исследование показало, что такие новые информационные акторы как инфлюенсеры оказывают значительное политическое влияние на молодежную среду, поскольку используют богатый спектр технологий сетевого воздействия на усиление внимания публики к определенной тематике, в частности, применяют технологию кликбейтинга, связанную с активным использованием методов эмоционального воздействия.

В традиционных и сетевых СМИ проведение Россией Специальной военной операции (СВО) вызвало целые потоки дискурса вражды как со стороны враждебных нашей стране сил, так и со стороны отечественных властных и гражданских структур, значимых персон, включая медийных инфлюенсеров. Сегодня можно говорить о том, что политический медиадискурс вражды стал важной частью информационной повестки СВО.

Коммуникативные стратегии политического медиадискурса вражды традиционных медиа и политических инфлюенсеров включают такие общие моменты как дискредитация Украины, США, Европы, российской оппозиции, дегуманизация украинской армии и, напротив, – героизация российских военнослужащих. Различие заключается в том, что инфлюенсеры гораздо чаще, чем традиционные СМИ, занимаются критическим анализом деятельности военного командования России, ее политиков и оппозиционных деятелей, ведущих борьбу против собственной страны. Все авторы, продвигающие политический медиадискурс вражды, прибегают к использованию разнообразных экспрессивных стилистических средств и идеологических ярлыков.

По мере укрепления военно-политического, экономического и международного авторитета России в ходе осуществления стратегических целей СВО неизбежно будет возрастать воздействие на массовую аудиторию политического медиадискурса вражды, распространяемого как зарубежными, так и отечественными информационными каналами. Однако важно помнить, что успешность Специальной военной операции, проводимой Россией на Украине, в значительной степени зависит от слаженной и скоординированной работы как традиционных российских медиа, так и сетевых информационных каналов, руководимых инфлюенсерами.

Список литературы

1. Абагекян, Р. К. (2023). Дискурсивные поля в популярных политических телеграм-каналах в период СВО. В О. В. Гаман-Голутвина, М. М. Мчедлова, Л. Н. Тимофеева (Ред.), *Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: материалы Всерос. конф. РАПН с междунар. участием (1–2 дек. 2023, Москва)* (с. 26–27). Москва: РУДН.
2. Быков, И. А., Курушкин, С. В. (2022). Военкоры как профессиональное сообщество журналистов: проблемы типологизации. В С. Г. Корконосенко (Отв.

ред.), *Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 нояб. 2022, Санкт-Петербург)* (с. 43–46). Санкт-Петербург: Медиапапир.

3. Гаврикова, О. А. (2019). Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе. *Политическая лингвистика*, (3), 22–30. <http://doi.org/10/26170/p119-03-02/>

4. Дудкина, А. В. (2022). Роль инфлюенсеров Instagram в формировании ценностных ориентиров российской молодежи. *Коммуникативные исследования*, 9(4), 767–781. [http://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(4\).767-781](http://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(4).767-781)

5. Есакова, М. Н., Кольцова, Ю. Н. (2021). «Кликбейт» как новая форма привлечения внимания читателей. *Русский язык и культура в зеркале перевода*, (1), 340–348.

6. Ефанов, А. А. (2022). Инфлюенсер как особый тип лидера общественного мнения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 27(4), 767–774. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-767-774>

7. Захаркин, Р. А., Аргылов, Н. А. (2021). Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации. *Власть*, 29(6), 27–37. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8674>

8. Кислицына, А. А. (2019). Маркетинг влияния в современных политических кампаниях. *Общество: политика, экономика, право*, (8), 54–58. <https://doi.org/10.24158/пер.2019.8.9>

9. Кушнерук, С. Л. (2023). Telegram как социально-политическое и языковое явление: география и проблематика новейших исследований. *Политическая лингвистика*, (4), 12–24.

10. Попова, О. В. (2023). Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных телеграм-каналах. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 19(2), 215–229. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.205>

11. Русакова, О. Ф., Курильченко, С. С. (2019). Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (4), 28–48. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10402>

12. Фурсов, К. К. (2022). Политический медиадискурс вражды информационной провокации в Буче 2022 года: структурно-коммуникативный подход. *Современный дискурс-анализ*, (2), 104–111.

13. Чиркин Д. Ю., Колмаков А. Д., Скупов М. В. (2023). Феномен z-телеграма в освещении событий на Украине. *Социодинамика*, (12), 171–191. <https://dx.doi.org/10.25136/2409-7144.2023.12.69206>

14. Шуйская, Ю. В. (2023). Лингвистические особенности дискурса телеграм-каналов как нового типа медиа. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание*, (3), 45–57. <https://doi.org/10.31249/ling/2023.03.03>

15. Dubois, E., & Gaffney, D. (2014). The multiple facets of influence: Identifying political influentials and opinion leaders on Twitter. *American Behavioral Scientist*, 58(10), 1260–1277. <https://dx.doi.org/10.1177/0002764214527088>

16. Mormol, P. (2019). “I Urge You to See this...”. Clickbait as One of the Dominant Features of Contemporary Online Headlines. *Social Communication*, 5(2), 1–10. <https://doi.org/10.2478/sc-2019-0004>

References

1. Abagekyan, R. K. (2023). Diskursivnye polya v populyarnykh politicheskikh telegram-kanalakh v period SVO [Discursive fields in popular political telegram channels during the SMO period]. In O. V. Gaman-Golutvina, M. M. Mchedlova, & L. N. Timofeeva (Eds.), *Politicheskaya nauka v menyayushchemsya mire: novye praktiki i teoreticheskiy poisk: materialy Vseros. konf. RAPN s mezhdunar. uchastiem (1–2 dek. 2023, Moskva)* (pp. 26–27). Moscow: RUDN.
2. Bykov, I. A., & Kurushkin, S. V. (2022). Voenkory kak professional'noe soobshchestvo zhurnalistov: problemy tipologizatsii [Military correspondents as a professional community of journalists: problems of tipologisation]. In S. G. Korkonosenko (Resp. ed.), *Zhurnalistika XXI veka: vozvrashchayas' k professional'noy ideologii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (18–19 noyab. 2022, Sankt-Peterburg)* (pp. 43–46). St. Petersburg: Mediapapir.
3. Chirkin D. Yu., Kolmakov A. D., & Skupov M. V. (2023). Fenomen z-telegrama v osveshchenii sobyitii na Ukraine [The z-telegram phenomenon in covering events in Ukraine]. *Sotsiodinamika*, (12), 171–191. <https://dx.doi.org/10.25136/2409-7144.2023.12.69206>
4. Dubois, E., & Gaffney, D. (2014). The multiple facets of influence: Identifying political influencers and opinion leaders on Twitter. *American Behavioral Scientist*, 58(10), 1260–1277. <https://dx.doi.org/10.1177/0002764214527088>
5. Dudkina, A. V. (2022). Rol' influenserov Instagram v formirovani tsenostnykh orientirov rossiyskoy molodezhi [The role of Instagram influencers in the formation of value guidelines for Russian youth]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 9(4), 767–781. [http://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(4\).767-781](http://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(4).767-781)
6. Esakova, M. N., & Koltsova, Yu. N. (2021). “Klikbeyt” kak novaya forma privlecheniya vnimaniya chitateley [“Clickbait” as a new tool of attracting the reader’s attention]. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*, (1), 340–348.
7. Fursov, K. K. (2022). Politicheskii mediadiskurs vrazhdy informatsionnoy provokatsii v Buche 2022 goda: strukturno-kommunikativnyy podkhod [Political media discourse of hostility and information provocation in Bucha 2022: a structural and communicative approach]. *Sovremennyy diskurs-analiz*, (2), 104–111.
8. Gavrikova, O. A. (2019). Klikbeyting kak faktor sozdaniya lozhnogo narrativa v politicheskom mediadiskurse [Clickbait as a Factor of False Narrative Creation in Political Mass Media Discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, (3), 22–30. <http://doi.org/10/26170/p119-03-02/>
9. Kislitsyna, A. A. (2019). Marketing vliyaniya v sovremennykh politicheskikh kampaniyakh [Influence marketing in modern political campaigns]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, (8), 54–58. <https://doi.org/10.24158/pep.2019.8.9>

10. Kushneruk, S. L. (2023). Telegram kak sotsial'no-politicheskoe i yazykovoe yavlenie: geografiya i problematika noveyshikh issledovaniy [Telegram as Political, Social and Linguistic Phenomenon: Geography and Problems of the Latest Research]. *Politicheskaya lingvistika*, (4), 12–24.

11. Mormol, P. (2019). “I Urge You to See this...”. Clickbait as One of the Dominant Features of Contemporary Online Headlines. *Social Communication*, 5(2), 1–10. <https://doi.org/10.2478/sc-2019-0004>

12. Popova, O. V. (2023). Osobennosti kommunikatsii politizirovannykh soobshchestv v russkoyazychnykh telegram-kanalakh [Communication peculiarities of politized communities in russian-language telegram channels]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 19(2), 215–229. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.205>

13. Rusakova, O. F., & Kurilchenko, S. S. (2019). Politicheskii mediadiskurs: voprosy teoretiko-metodologicheskogo i regional'nogo analiza [Political media discourse: issues of theoretic-methodological and regional analysis]. *Nauchnyy zhurnal “Diskurs-Pi”*, (4), 28–48. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10402>

14. Shuyskaya, Yu. V. (2023). Lingvisticheskie osobennosti diskursa telegram-kanalov kak novogo tipa media [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie*, (3), 45–57. <https://doi.org/10.31249/ling/2023.03.03>

15. Yefanov, A. A. (2022). Influenser kak osoby tip lidera obshchestvennogo mneniya [Influencer as a special type of public opinion leader]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 27(4), 767–774. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-767-774>

16. Zakharkin, R. A., & Argylov, N. A. (2021). Influensery kak mediaznachimye drugie: sovremennye trendy vtorychnoy sotsializatsii [Influencers as media significant others: modern trends of secondary socialization]. *Vlast'*, 29(6), 27–37. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8674>

Информация об авторе

Фурсов Кирилл Константинович, соискатель Уральского института управления – филиала РАНХиГС, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5989-8973>, e-mail: biathlon91@mail.ru

Information about the author

Fursov Kirill Konstantinovich, PhD applicant, Ural Institute of Management – a branch of RANEP, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5989-8973>, e-mail: biathlon91@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОВЫРАЖЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИА И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Владимир Иванович Красиков,

Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России),
Москва, Россия,
KrasVladIv@gmail.com

Получена 08.10.2023.

Поступила после рецензирования 24.12.2023.

Принята к публикации 15.01.2024.

Для цитирования: Красиков В. И. Национальное самовыражение в контексте цифровых медиа и социальных сетей // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 188–202. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_188

Аннотация

Хотя изначально цифровые технологии рассматривались как предвестники глобализации и космополитизма, сейчас все чаще отмечается их особая роль в трансформации традиционных форм сознания и социальности. Актуальность предлагаемой статьи задается востребованностью анализа новых форм национального самовыражения – как в Интернете, так и в социальных сетях. Подобная проблематика становится предметом повышенного интереса и интенсивного изучения в контексте настоящего ренессанса национализма и правого популизма. Выясняется, что цифровые технологии воспроизводят наше укорененное чувство принадлежности к этническому, но, скорее, менее заметными способами. Научная проблема, решаемая здесь, заключается в недостаточной проработанности аналитических обобщений в отношении специфики присутствия национального самовыражения в новых коммуникациях. Целью данной статьи и является анализ, выявление и суммирование возникших в наши дни новых форм и коммуникационных механизмов, в рамках которых

© Красиков В. И., 2024

сегодня и происходит общение людей, включающих в себя явственную этническую компоненту. В настоящее время современная глобальная цифровая экосистема предлагает три ключевых механизма, которые мемориализуют национальные формы и, следовательно, способствуют воспроизведению повседневных форм национального самовыражения в их цифровых вариантах: архитектура системы доменных имен в Интернете, предвзятость алгоритмов, укоренившихся в цифровых платформах и формирование национальных цифровых экосистем. Основные особенности повседневного «цифрового национального самовыражения» – это его массовизация и диверсификация, фрагментация и поляризация межличностного национального общения, его коммодификация и коммерциализация.

Ключевые слова:

национальное самовыражение, цифровые медиа, социальные сети, массовизация, диверсификация, межличностное национальное общение, коммодификация, коммерциализация

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>.

UDC 323.1

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_188

NATIONAL SELF-EXPRESSION IN THE CONTEXT OF DIGITAL MEDIA AND SOCIAL NETWORKS

Vladimir I. Krasikov,

All-Russian State University Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russia,
KrasVladIv@gmail.com

Received 08.10.2023.

Revised 24.12.2023.

Accepted 15.01.2024.

For citation: Krasikov, V.I. (2024). National Self-Expression in the Context of Digital Media and Social Networks. *Discourse-P*, 21(2), 188-202. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_188

Abstract

Primarily researchers considered digital technologies to designate globalization and cosmopolitanism; in practice they started to play a special role in transforming traditional forms of consciousness and sociality. However, the issue of new forms of national expression appearing both on the Internet and in social networks remains a very promising topic for the research. Many scholars are actively studying these forms, especially in the context of the renaissance of nationalism and right-wing populism we see nowadays. They note that digital technologies reproduce our deep-rooted sense of ethnicity, but rather in less visible ways. The main problem to be considered in this paper is the fact of national self-expression in new communications being not sufficiently enough elaborated in analytical generalizations. Thus the goal is set to analyze, identify and summarize those new forms and communication mechanisms that have emerged recently, including ethnic component, and within the framework of which people communicate. Three such mechanisms are brought into discussion, namely the architecture of Internet domains, algorithmic bias, and the formation of national digital ecosystems. The main characteristics of modern online communication are also considered in terms of national issues that may be related to recent shifts in global communication ecology, namely diversification, fragmentation and commodification. It can be stated that currently the modern global digital ecosystem offers three key mechanisms to memorialize national forms and, therefore, contribute to the reproduction of everyday forms of national expression in their digital versions. These include the architecture of the Internet domain name system, the bias of algorithms ingrained in digital platforms, and the formation of national digital ecosystems. The main features of everyday *digital nationalism* are discovered to be massification and diversification of national self-expression, fragmentation and polarization of interpersonal national communication, its commodification and commercialization.

Keywords:

national self-expression, digital media, social media, massification, diversification, interpersonal national communication, commodification, commercialization

Funding:

the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>.

Введение

События последнего десятилетия, такие как Brexit, президентство Д. Трампа в США, Ж. Болсонару в Бразилии, Н. Моди и подъем правого индуистского национализма в Индии, успехи на выборах националистических и антииммигрантских лидеров в Италии, Венгрии, Польше, Австрии, Испании, Швеции и др. побудили многих политиков и ученых провозгласить наступление эры ренессанса чувства национальной идентичности и популизма, а также выразить серьезную озабоченность по поводу будущего либеральной демократии (Гуселетов, 2023). Цифровые СМИ часто рассматриваются как один из решающих факторов в этом очевидном «возвращении» национального самосознания из сформировавшегося было «глобалистского либерального человеичника», который взаимосвязан с рядом других факторов, начиная с экономического кризиса 2008 г., демографических и культурных сдвигов, связанных с миграцией, пандемией ковида и заканчивая трансформацией мирового порядка в связи с новой стратегической установкой ряда независимых государств на формирование многополярного мира и осуществлением Россией на Украине Специальной военной операции (СВО). Причем именно Интернет играет главную роль в коммуникационных стратегиях лидеров и партий во всем мире, которые полагаются на цифровые медиа для распространения своей идеологии (Fuchs, 2020). Однако чтобы уяснить суть нового, «цифрового национального самовыражения», мы должны понять, насколько данный феномен отличается от своих предшествующих исторических форм, и являются ли эти различия следствием новой, цифровой коммуникационной экологии?

Таким образом, актуальность предлагаемой статьи задается востребованностью анализа новых форм национального самовыражения, получающих свою цифровую репрезентацию как в Интернете, так и в социальных сетях. Подобная проблематика становится предметом повышенного интереса и интенсивного изучения в контексте настоящего ренессанса национальных чувств и правого популизма. Цифровые технологии выступают способами воспроизводства и широкого распространения чувственно-эмоциональных дискурсов, обуславливающих принадлежность представителей той или иной национально-культурной общности к определенной этнической группе.

Научная проблема, решаемая здесь, заключается в недостаточной проработанности аналитических обобщений в отношении специфики присутствия дискурса национального самовыражения в структуре новых цифровых коммуникаций. Целью данной статьи – выявление, анализ и обобщение возникающих в наши дни новых коммуникационных механизмов и форм, в рамках которых сегодня происходит общение людей, включающее компоненты этнической чувственности и национального самовыражения.

Результаты исследования

Цифровые СМИ и «новое национальное самовыражение»

Существует ряд объяснений современного ренессанса чувств национального самовыражения, включая демографические сдвиги, экономическую и иную незащищенность уязвимых слоев населения в большинстве стран. Наличие резкого идейно-политического, культурного и экономического разрыва между «победителями» и «проигравшими» в геополитической борьбе, обострение мирового культурно-конфессионального кризиса, а также кризиса национальной идентичности у представителей той или иной социальной общности – все это знаменует собой наступление завершающего этапа эпохи глобализации (Паин, 2023).

Происходящие социальные трансформации создают благодатную почву для роста общественного беспокойства по поводу безопасности «своих» и распространения враждебности по отношению к «чужакам», для принятия населением нарратива «наш народ – лучший среди остальных». Причем, и цифровые медиа, и платформы социальных сетей зачастую поощряют развитие чувства нетерпимости в отношении к социально маргинальным группам посредством создания управляемых алгоритмами «эхо-камер», при помощи которых люди как бы находятся внутри «идеологического купола», состоящего из односторонних, предвзятых взглядов так называемых единомышленников, которым не присущи критически-рациональные подходы и оценки (Cardenal et al., 2019). Это ведет к фрагментации и разобщенности публичной сферы, к ее политической поляризации, что в итоге способствует падению уровня терпимости, утверждению языка вражды и ненависти как общественно приемлемого, формирует почву для роста экстремизма.

Зададимся далее вопросом: в чем состоят особенности современного национального самовыражения (национализма) в отличие от «старого»? Предварительно дадим следующее пояснение. Так, в отечественном словоупотреблении исторически сложилась примечательная особенность семантики слов «национальный» и «национализм». По сути, они дихотомизировались, превратившись в своего рода бинарную оппозицию: слово «национальный» трактуется положительно, а термин «национализм» имеет в основном отрицательные коннотации. Этим отличается употребление данных слов в русском языке, в то время как в других языках, к примеру, в английском, оба понятия трактуются либо в позитивном ключе, либо обладают нейтральным значением. Потому-то, учитывая это обстоятельство, мы будем употреблять слово «национальное самовыражение» (а не национализм) в двух модусах: нормальное и экстраординарное.

Не имея возможности подробно рассмотреть дебаты по национализму в широком смысле этого слова (Осколков, 2020), мы предлагаем собственную интерпретацию понятия «национальное самовыражение», выделяя два способа его трактовки. В первой трактовке (которая особенно распространена в популярном или политическом дискурсе) внимание фокусируется на ярко выраженных,

часто крайне радикальных проявлениях национального самовыражения, таких как сепаратистские движения, институционализованные формы исключения по национальному признаку, ксенофобия и правый экстремизм. С позиции второй точки зрения «национальное самовыражение» трактуется как чувство принадлежности человека и социальной группы к той или иной этнической (народной)¹ общности, определяющей на уровне повседневной жизни и мирских практик особый способ видения мира, который предполагает, что человечество естественным образом и самоочевидно разделено на народы.

Первая форма национального самовыражения – экстраординарна, вторая – нормальна. Первая проявляется не все время, скорее, она становится очевидной и массовой лишь в исключительные моменты социальной жизни – во времена конфликтов и войн или в периоды крупных изменений и потрясений, таких как смена режимов и моделей общественного развития, мировые экономические, политические, культурные и другие кризисы, стихийные бедствия и т.п. Такие экстраординарные моменты временно переворачивают принятые за само собой разумеющиеся формы нашей повседневной жизни и вызывают бурные дискуссии относительно происхождения и особенностей той или иной нации, о характеристиках национальной идентичности, об ее символических границах, о своем прошлом и будущем. Подъем национальных чувств, который российский народ сейчас переживает, как раз является одним из таких экстраординарных моментов, когда в общественном мнении все активнее акцентируются национально-культурные различия между этносами, при этом наблюдается усиление антимигрантских настроений, а также расширяется сфера употребления антиглобалистской риторики (Горшков, Баграмов, 2020).

В Интернете можно обнаружить присутствие обеих форм репрезентации чувств национального самовыражения как экстраординарной формы, так и нормальной. Современная глобальная сеть предлагает следующие информационные механизмы, способствующие воспроизведению повседневных форм переживания национальных чувств: архитектуру системы доменных имен, заданность алгоритмов, укоренившихся на цифровых платформах, что позволяет говорить о формировании посредством Интернета национально-государственных цифровых экосистем.

Эволюция системы доменных имен в Интернете, а именно адресов веб-сайтов, представляет собой наглядный пример сохранения «повседневного» национального чувства в цифровой сфере или «этно-страновой спецификации» цифровой архитектуры. Особый интерес здесь представляет история

¹ Понятия «народ», «нация», «этнос» в данном случае мы понимаем как различные культурно-исторические состояния одного и того же. Большинство представителей социально-гуманитарных наук, по крайней мере, отечественных, считает этнос самой широкой родовой категорией. «Народ» – состояние этноса в традиционных обществах, «нация» – в индустриальных. Возможно, уместнее было бы говорить об «этническом самовыражении», однако, как можно заметить, это вообще режет слух. Потому-то нами используется словосочетание «национальное самовыражение». Вот так «язык передевает мысли».

доменов верхнего уровня, которые указаны в последней части адреса каждого сайта. В то время как первые доменные имена верхнего уровня, разработанные в США, различали разные кластеры доменов по их функциям (к примеру, .gov для государственных доменов, .com для коммерческих доменов и .edu для образовательных доменов), национальные особенности развития глобальной сети привели к созданию отдельных доменов «уровня страны», где для каждой страны были разработаны новые обозначения (к примеру, ru, рф, su – для России, sp – для Китая, ir – для Исламской Республики Иран). Существование таких доменов верхнего уровня или уровня той или иной страны считается само собой разумеющимся и, следовательно, представляет собой прекрасный пример чувства «повседневной» национально-языковой самоидентификации, которая рутинно воспроизводится каждый раз, когда мы перемещаемся в онлайн-среде. В глобалистских социальных сетях, таких, к примеру, как *Facebook (Meta)*² или *YouTube*, переходы в разные национально-языковые сектора прослеживаются совершенно определено (Kohl, 2017).

Другой способ, с помощью которого цифровые медиа способствуют воспроизведению не только повседневного, но также и «экстраординарного» национального самовыражения, заключается в эффектах так называемой «алгоритмической дискриминации» (Falletti, 2023). Последняя укореняется в работе поисковых систем, настройках рекомендаций отдельных цифровых платформ, вызванных как коммерческими императивами, так и неявными мировоззренческими установками. Словом, поисковые системы – далеко не нейтральные «окна» в мир: как и любая другая среда, они действуют в качестве определенных фильтров. В одной из работ было отмечено, что алгоритмы, управляющие некоторыми из наиболее широко используемых цифровых платформ, воспроизводят устоявшиеся гендерные, расовые и этнические предубеждения (Харитоновна, Савина, Паньини, 2021).

Возможно, архитектура доменных имен верхнего уровня и особенности алгоритмического национального самовыражения объединяются, чтобы сформировать то, что лучше всего рассматривать как сеть национально-языковых (страновых) цифровых экосистем. Они, конечно, взаимозависимы и часто опираются на одни и те же цифровые модели, но, тем не менее, предлагают довольно разные описания мира.

И хотя интернациональные платформы, такие как *Google*, подчеркивают свой глобализм, потенциально предлагая доступ к информации по всему миру, на практике они адаптировались к национально-страновой архитектуре Интернета и разработали соответствующие – и часто довольно по-разному акцентированные – версии своих продуктов, которые автоматически направляют пользователей к версии их веб-сайтов, подчиненных домену верхнего уровня на уровне страны (например, www.google.ru в РФ или www.google.com.br в Бразилии). Эти версии дают разные результаты поиска в зависимости от того, какая языковая платформа используется, тем самым способствуя формированию

² Запрещен в РФ.

национально-страновой цифровой экосистемы. Кроме того, по коммерческим и/или юридическим причинам, особенно в случае аудиовизуального контента, пользователи не могут легко переключаться с одной версии на другую, поэтому между ними устанавливаются четкие цифровые национально-языковые границы (Воронов, Сидоров, 2021).

Цифровые экосистемы разных стран значительно различаются между собой по степени развитости собственной инфраструктуры. Самыми мощными выступают базирующиеся в США корпорации «большой пятерки» – *Google, Amazon, Facebook (Meta), Apple и Microsoft*. Примеры более независимых, самодостаточных цифровых экосистем можно найти в странах, которые разработали платформы, конкурирующие с доминированием «большой пятерки». Наиболее успешной среди них можно признать китайскую, которая включает в себя успешные аналоги всех основных западных платформ, начиная от поисковой системы *Baidu* и социальных сетей *Weibo, WeChat* и *Tencent QQ* и заканчивая сайтами электронной коммерции, такими как *Alibaba, Taobao* и *JD* (Джан, Чен, 2019). Создание этих платформ было мотивировано опасениями по поводу возможного ограничения государственно-национального суверенитета страны. Хотя Китай представляет собой наиболее полную, автономную и успешную государственно-национальную цифровую экосистему, стоит отметить, что другие страны пробовали разрабатывать свои аналогичные цифровые платформы и социальные сети. Однако большинство из них не выдержало давления конкурентов. Это, к примеру, немецкая *studivZ*, латвийская *Draugiem*, польская *Nasza Klasa*, французская *Skyrock*, японская *Mixi* или вьетнамская *Zing*³, пытавшиеся, и некоторое время даже успешно, бороться за аудитории своих стран, но в итоге все же были вытеснены детищем Марка Цукерберга. Однако все же есть знаменательное исключение, и оно – наше: социальные сети «Одноклассники» и «ВКонтакте».

Рассмотрев некоторые из способов, которыми современные медиа способствуют воспроизведению национального чувства в повседневной жизни, перейдем к обсуждению его основных особенностей в ипостаси «цифры». Мы имеем в виду три характеристики современного национального чувства, отчасти связанные с цифровыми технологиями: массовизация и диверсификация национального самовыражения, фрагментация и поляризация межличностного национального общения, его коммодификация и коммерциализация.

Массовизация и диверсификация национального самовыражения

Ключевое изменение, вызванное цифровыми технологиями, может быть выражено как более широкое участие, диверсификация, своего рода «демократизация» самовыражения национального чувства в киберпространстве. Классические работы о СМИ и национализме (Андерсон, 2016) часто подчеркивали важнейшую роль «старых» СМИ (газет, фильмов, радио и телевидения)

³ «Несостоявшиеся ВК»: национальные соцсети, проигравшие Facebook (2022, 16 апреля). Взято 12 февраля 2024, с <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/661199/>

как центростремительных сил, создающих форум, на котором развиваются, поддерживаются, обновляются или оспариваются господствующие представления, нарративы и мифы о нации. Хотя часть аудитории прежних СМИ и могла формировать рефлексивно-критическую позицию, для большинства их шансы на создание и распространение альтернативных сведений о нации были довольно ограничены.

Простота использования и относительная дешевизна новых цифровых технологий привели к важному сдвигу в общении, когда оно обретает гораздо большее число участников, делая свои взгляды потенциально видимыми (публичными) многим. Такой сдвиг стирает границы между производителями медиа и их потребителями: многие из нас непосредственно участвуют в «производстве контента». Это порождает заметное разнообразие голосов, видимых в публичной сфере, возникает своего рода демократизация социальной коммуникации, которая ослабляет версии национальной идентичности, навязываемые социуму доминирующими группами.

Вместе с тем, не следует и преувеличивать лишь кажущуюся «власть» средних пользователей цифровых медиа, она весьма ограничена. Возможность высказать свое мнение в Интернете не означает, что ко всем мнениям внимательно прислушиваются, не говоря уже о том, что они на что-то влияют. Разумеется, отдельные пользователи действительно могут создать ряд различных представлений о своем народе, однако их способность эффективно распространять эти нарративы, превращать их в «общие якоря идентичности», ограничена. Все же корпоративные и государственные игроки на цифровой арене контролируют многое, имея большую власть, чем отдельные пользователи, и, следовательно, они заведомо лучше подготовлены для продвижения своих идей и установок. Твиты и посты авторитетных политических и экономических деятелей или тех, у кого больше средств для инвестирования в онлайн-продвижение, получают большую известность и больше репостов и ретвитов, чем сообщения обычных граждан. Таким образом, чувство расширения возможностей народных масс через цифровые медиа в определенной степени иллюзорно – расширение возможностей вполне может означать просто возможность репостить твит националистически настроенного политического лидера.

Фрагментация и поляризация межличностного общения.

Коммерциализация цифровых коммуникаций

Вместе с тем цифровые коммуникационные инфраструктуры не только массовизируют и диверсифицируют общение. Они, как и многое в этом мире, диалектически сопряжены и со своей противоположностью – могут способствовать фрагментации и поляризации того же общения. Это ведет к расхождению, с одной стороны, между более либеральными, инклюзивными формами национальной принадлежности, открытыми для разнообразия и иммиграции, и с другой стороны, между более эксклюзивными, местными формами привязанности, которые подчеркивают важность этнонациональных корней как ключевого критерия национальной принадлежности.

Связь изменяющейся коммуникационной средой с политической или идеологической поляризацией широко обсуждается среди ученых в области коммуникации и медиа. Хотя избирательное воздействие, а именно склонность аудитории следовать источникам, соответствующим их политическим взглядам, известно давно, некоторые авторы утверждают, что это явление стало более острым и широко распространенным в онлайн-среде, что привело к беспрецедентной фрагментации публичной сферы и возникновению «эхо-камер», в которых люди получают доступ только к материалам, которые им нравятся или с которыми они согласны, а не извлекают выгоду из доступа к множеству различных точек зрения (Бадмацыренов и др., 2021). Эти своего рода идеологически самозамкнутые «пузыри», вероятно, были усилены политико-экономическими решениями, такими как изменения в алгоритме *Meta*, которые делают упор на публикации «друзей», а не издателей или информационных агентств.

Пессимисты утверждают, что подобные онлайн-практики приводят к опустошению общего публичного пространства, где в норме для выработки консенсуса необходимо, чтобы сталкивались и оспаривались разные мнения. Это приводит к росту поляризации общественных дебатов, где более крайние мнения получают большую видимость и поддержку, чем в офлайн-среде.

Следует напомнить, что необходимо с осторожностью рассматривать предположения о способностях цифровых медиа формировать новую коммуникативную экологию с равными условиями для всех акторов коммуникации или поверить утверждению, что эра общенационального нарратива закончилась. Дело в том, что устойчивость иерархической системы власти может проявляться и в цифровой коммуникативной среде, в ней же развиваются ключевые экономические отношения, складываются заинтересованные группы, занимающиеся решением коммерческих вопросов, специализирующиеся на продаже и потреблении информационного контента разного профиля и формата, уровня правдивости, степени актуальности и перформативного качества.

В самих цифровых коммуникационных технологиях нет ничего, что делало бы их «склонными» к коммерциализации и коммодификации. Скорее, эти черты являются результатом политической экономии цифровых платформ и, в частности, того факта, что они действуют как коммерческие организации, предназначенные для получения прибыли. Коммодификация представляет собой ключевой механизм, который доминирующие в настоящее время цифровые платформы, такие как *Google* и *Amazon*, внедряют в социальное взаимодействие. Она включает в себя платформы, преобразующие онлайн-овые и офлайн-овые объекты, действия, эмоции и идеи в торгуемые товары, которые оцениваются как минимум четырьмя различными типами «валюты»: вниманием, данными, пользователями и деньгами (Новицкая, 2023). Это наблюдение не в последнюю очередь является важным, потому что многие учреждения, наиболее сильно затронутые цифровыми платформами – от радиовещания и библиотек до образовательных и медицинских учреждений, – часто либо финансируются государством, либо предназначены для служения общественному

благу. Таким образом, в зависимости от социально-политического контекста распространение цифровых платформ может способствовать усилению влияния экономических (коммерческих и потребительских) проявлений национального самовыражения.

Коммерциализация и товаризация национального самовыражения в онлайн-среде видны на нескольких уровнях. Наиболее очевидные примеры можно найти в коммерческих сделках в Интернете. Благодаря своей анонимности и глобальному охвату Интернет предлагает идеальную среду для продажи товаров с правой символикой: *Thor Steinar*, *White Trash Rebel*, *Dirty Tees* и *Doberman's Aggressive* (Miller-Idriss, 2018). Современные молодые люди отошли от жесткого стиля скинхедов в пользу изысканных и модных коммерческих брендов, использующих закодированные экстремистские символы. Да, они продаются на международном уровне, в разных странах, однако они актуализируют именно экстраординарные формы национального самовыражения на местных уровнях. Практически неотличимые по стилю от другой популярной одежды, эти новые бренды используют глобальные символы и лозунги на английском языке, пропитанные закодированными ультраправыми смыслами, снижая тем самым пороги эмпатии потребителей, дегуманизируя их потенциальных жертв.

Заключение

Итак, в момент своего появления цифровые технологии рассматривались как предвестники глобализации и космополитизма, которые окончательно отправят национальное на свалку истории. Однако, как в свое время отмечал Н. Бердяев по другому поводу, ветхозаветный Адам оказался, как обычно, сильнее, исконные антропологические формы естественной социальности все также являются одними из основ нашей видовой интенциональности. Однако это не означает, что они не претерпевают известных изменений. В этом-то мы и пытались разобраться, разумеется, при первом приближении.

Оказалось, что цифровые технологии воспроизводят наше укорененное чувство принадлежности к этническому, но, скорее, сейчас менее заметными способами. Устойчивая тысячелетиями, воспроизводимая этническая среда языка и обычаев – как первичная и пожизненная идентификация – так же, как и ранее, сохраняется в неприкосновенности, просто она *переходит* в другую форму, подобно неизменности иерархических отношений власти, сохраняющейся и в цифровой коммуникативной среде.

Нами было выявлено, что эволюция системы доменных имен в Интернете, а именно адресов веб-сайтов, представляет собой наглядный пример сохранения «повседневного» национального чувства в цифровой сфере или «этно-страновой спецификации» цифровой архитектуры. Существование доменов верхнего уровня или доменов той или иной страны считается само собой разумеющимся, демонстрируя прекрасный пример чувства «повседневной» национально-языковой самоидентификации, которое рутинно воспроизво-

дится каждый раз, когда мы перемещаемся в онлайн-среде. Именно язык или языковая платформа с «вшитыми» в них смыслами и ценностями формируют специфику национально-страновой цифровой экосистемы. Соответственно, хотя пользователи и могут переключаться с одной языковой платформы на другую с помощью переводчика или своего знания некоторых языков, однако они прекрасно сознают свою большую ограниченность в переключении и понимании истинных этно-культурных смыслов. Поэтому, как и в офлайне, между ними устанавливаются четкие цифровые национально-языковые границы. Были также рассмотрены некоторые, часто противоречивые, особенности выражения современного национального чувства, отчасти связанные с цифровыми технологиями. Их простота использования и относительная дешевизна приводят к важному сдвигу в общении этнически-культурно близких сред, когда общение становится более насыщенно-массовым, а взгляды большего количества участников становятся известны многим. Такой сдвиг стирает границы между производителями медиа и их потребителями, многие непосредственно участвуют в «производстве контента». Тем самым возникает заметное разнообразие голосов, видимых в публичной сфере, происходит своего рода демократизация социальной коммуникации, которая ослабляет версии национальной идентичности, навязываемые социуму доминирующими группами. Такое происходит на уровне больших интернет-форумов, крупных информационных ресурсов с обратной связью. Это открывает выход на модернизацию и расширение форм выражений национальных чувств.

Напротив, в случае «мелкоячеистых» социальных сетей часто происходят их фрагментации на множество относительно небольших онлайн-сообществ, аудитория которых самоформируется (не в последнюю очередь благодаря политике платформ), образуя замкнутые, гомогенные (по их мировоззренческим предпочтениям) самоподдерживающиеся «эхо-камеры». Соответственно, этот процесс атомизирует и политизирует национально-культурную среду, превращает ее в «банку скорпионов».

Как всегда, нет простых и однозначных решений, все противоречиво: на крупных, массовых интернет-уровнях могут возникать инклюзивные формы национальной принадлежности, открытые для разнообразия и иммиграции; на более лично-интимных уровнях социальных сетей могут формироваться более эксклюзивные, местные формы привязанности, которые подчеркивают важность этнонациональных корней как ключевого критерия национальной принадлежности. Однако, и это тоже из области «как всегда». Подобная противоречивость цифровых коммуникаций – необходимый стимул их дальнейшей эволюции.

Список литературы

1. Андерсон, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле.
2. Бадмацыренов, Т.Б., Цыденов, А.Б., Хандаров, Ф.В. (2021). «Третье пространство», «эхо-камеры» и онлайн-сообщества: воспроизводство политических идеологий в социальных сетях. *Политическая наука*, (1), 183–204. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.08>
3. Воронов, С. А., Сидоров, И. А. (2021). Механизмы поисковой системы Google, используемые в информационном противоборстве. *Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии*, 19(1), 26–38. <https://doi.org/10.25205/1818-7900-2021-19-1-26-38>
4. Горшков, М.К., Баграмов, Э.А. (2020). «Новый национализм» и проблема наций в трактовке американских социальных теоретиков. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 20(4), 733–751. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751>
5. Гуселетов, Б. П. (2023). Успехи ультраправых партий на парламентских выборах в Швеции и Италии: причины и последствия. *Россия и современный мир*, (2), 122–135. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.02.08>
6. Джан, Л., Чен, С. (2019). Цифровая экономика Китая: возможности и риски. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 14(2), 275–303. <https://doi.org/10.17323/1996-78452019-02-11>
7. Новицкая, Т. Е. (2023). Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма. *Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия*, (1), 181–186. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2023-269-1-33>
8. Осколков, П. (2020). Феномен национализма: концептуализации и типологии. *Современная Европа*, (3), 108–116. <https://doi.org/10.15211/soveurope32020108116>
9. Паин, Э. А. (2023). Национализм под покровом стабильности: изучение латентных факторов дезинтеграции СССР (уроки брежневской эпохи). *Мир России*, 32(1), 87–108. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-87-108>
10. Харитонов, Ю. С., Савина, В. С., Паньини, Ф. (2021). Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, (53), 488–515. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
11. Cardenal, A. S., Galais, C., Pérez-Montorol, M., & Aguilar, C. (2019). Digital Technologies and Selective Exposure: How Choice and Filter Bubbles Shape News Media Exposure. *The International Journal of Press/Politics*, 24(4), 465–486. <https://doi.org/10.1177/1940161219862988>
12. Falletti, E. (2023). Algorithmic Discrimination and Privacy Protection. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 387–420. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.16>
13. Fuchs, C. (2020). *Nationalism on the Internet: Critical theory and ideology in the age of social media and fake news*. New York; London: Routledge.

14. Kohl, U. (Ed.) (2017). *The net and the nation state: Multidisciplinary perspectives on internet governance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
15. Miller-Idriss, C. (2018). *The extreme gone mainstream: Commercialization and far right youth culture in Germany*. Princeton: Princeton Univ. Press.

References

1. Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
2. Badmatsyrenov, T. B., Tsydenov, A. B., & Khandarov, F. V. (2021). “Tret'e prostranstvo”, “ekho-kamery” i onlayn-soobshchestva: vosproizvodstvo politicheskikh ideologiy v sotsial'nykh setyakh [“Third space”, “echo-cameras” and online-communities: reproduction of political ideologies in social media]. *Politicheskaya nauka*, (1), 183–204. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.08>
3. Cardenal, A. S., Galais, C., Pérez-Montorol, M., & Aguilar, C. (2019). Digital Technologies and Selective Exposure: How Choice and Filter Bubbles Shape News Media Exposure. *The International Journal of Press/Politics*, 24(4), 465–486. <https://doi.org/10.1177/1940161219862988>
4. Falletti, E. (2023). Algorithmic Discrimination and Privacy Protection. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 387–420. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.16>
5. Fuchs, C. (2020). *Nationalism on the Internet: Critical theory and ideology in the age of social media and fake news*. New York; London: Routledge.
6. Gorshkov, M. K., & Bagramov, E. A. (2020). “Novyy natsionalizm” i problema natsiy v traktovke amerikanskikh sotsial'nykh teoretikov [“New nationalism” and the issue of nations in the interpretation of American social theorists]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, 20(4), 733–751. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751>
7. Guseletov, B. P. (2023). Uspekhi ul'trapravnykh partiy na parlamentskikh vyborah v Shvetsii i Italii: prichiny i posledstviya [The success of far-right parties in parliamentary elections in Sweden and Italy: causes and consequences]. *Rossiya i sovremennyy mir*, (2), 122–135. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.02.08>
8. Kharitonova, Yu. S., Savina, V. S., & Pagnini, F. (2021). Predvzyatost' algoritmov iskusstvennogo intellekta: voprosy etiki i prava [Artificial intelligence's algorithmic bias: ethical and legal issues]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (53), 488–515. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
9. Kohl, U. (Ed.) (2017). *The net and the nation state: Multidisciplinary perspectives on internet governance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
10. Miller-Idriss, C. (2018). *The extreme gone mainstream: Commercialization and far right youth culture in Germany*. Princeton: Princeton Univ. Press.
11. Novitskaya, T. E. (2023). Agentnost' i otchuzhdenie v usloviyakh tsifrovogo kapitalizma [Agency and alienation in the conditions of digital capitalism]. *Trudy*

BGTU. Ser. 6. Istoriya, filosofiya, (1), 181–186. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2023-269-1-33>

12. Oskolkov, P. (2020). Fenomen natsionalizma: kontseptualizatsii i tipologii [The nationalism phenomenon: conceptualization and typologies]. *Sovremennaya Evropa*, (3), 108–116. <https://doi.org/10.15211/soveurope32020108116>

13. Pain, E. A. (2023). Natsionalizm pod pokrovom stabil'nosti: izuchenie latentnykh faktorov dezintegratsii SSSR (uroki brezhnevskoy epokhi) [Nationalism Under the Cover of Stability: Exploring the Latent Factors of Soviet Disintegration (The Lessons of the Brezhnev Era)]. *Mir Rossii*, 32(1), 87–108. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-87-108>

14. Voronov, S. A., & Sidorov, I. A. (2021). Mekhanizmy poiskovoy sistemy Google, ispol'zuemye v informatsionnom protivoborstve [Google search engine mechanisms used in information warfare]. *Vestnik NGU. Seriya: Informatsionnye tekhnologii*, 19(1), 26–38. <https://doi.org/10.25205/1818-7900-2021-19-1-26-38>

15. Zhang, L., & Chen, S. (2019). Tsifrovaya ekonomika Kitaya: vozmozhnosti i riski [China's digital economy: opportunities and risks]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 14(2), 275–303. <https://doi.org/10.17323/1996-78452019-02-11>

Информация об авторе

Владимир Иванович Красиков, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-5550>, e-mail: KrasVladIv@gmail.com

Information about the author

Vladimir Ivanovich Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-5550>, e-mail: KrasVladIv@gmail.com

УДК 32.019.52

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_203

ПРИЗМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Рецензия на книгу: Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко. Москва: Весь мир, 2023. 512 с.

Елена Георгиевна Пономарева,

Московский государственный университет
международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия,
nastya304@mail.ru

Получена 07.02.2024.

Поступила после рецензирования 15.04.2024.

Принята к публикации 15.05.2024.

Для цитирования: Пономарева Е. Г. Призма идентичности // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 203–216. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_203

Аннотация

Идентичность – одна из базовых характеристик современного общества. Ее значение определено не только эвристической ценностью, но и существенным влиянием на социально-политические процессы. Характер идентичности – не обязательно природная и/или историческая данность, хотя культурно-цивилизационные основания в нем играют существенную роль. Во многом от того, какая идентичность доминирует в конкретном социуме, зависит степень его конфликтности и конформности, его открытость или агрессивность, способность противостоять вызовам и угрозам. Не случайно государственные, общественные, а в последние годы международные, наднациональные и транснациональные институты все большее внимание уделяют проблематике идентичности. В практической плоскости существенную роль играет конструктивистский подход, умело учитывающий идентификационную специфику

© Пономарева Е. Г., 2024

личностных и гражданских самопредставлений и позволяющий создавать (как правило, в интересах ведущих акторов) новые идентичности. Несмотря на довольно большое количество работ, посвященных различным аспектам политики идентичности, исследовательское поле изобилует множеством лакун. Поэтому рецензируемая книга своевременна и востребованна. Авторы коллективной монографии решили масштабную задачу – обосновали значение идентичности и идентитарных исследований в политической науке и практической политике; рассмотрели идентичность как социальный конструкт с самых разных ракурсов и позиций. Цель данной статьи – дать краткое, но при этом довольно полное представление о серьезных исследованиях, проводимых российскими учеными по раскрытию понятийно-категориального аппарата и определению новых контуров концептуального поля идентичности; о трансформации дискурса и нарративов данной предметной области.

Ключевые слова:

идентичность, политизация дискурсов и нарративов, тренды идентификации, борьба за идентичность, политика идентичности, новые идентичности

UDC 32.019.52

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_203

PRISM OF IDENTITY

Book review: Semenenko, I. (Ed.) (2023). *Identity: the Individual, Society and Politics*. New Outlines of the Research Field. Moscow: Ves Mir.

Elena G. Ponomareva,

Moscow State Institute of International Relations (University) of
the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
nasty304@mail.ru

Received 07.02.2024.

Revised 15.04.2024.

Accepted 15.05.2024.

For citation: Ponomareva, E. G. (2024). Prism of Identity. *Discourse-P*, 21(2), 203–216 (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_208

Abstract

Identity is one of the fundamental characteristics of contemporary society. Its significance goes beyond its heuristic value as it has a substantial impact on social and political

processes. The nature of identity is not necessarily inherent or historically given, although cultural-civilizational foundations do play a significant role in it. The dominance of a particular identity in a specific society largely determines its level of conflict and conformity, openness or aggression, and its ability to withstand challenges and threats. It is no coincidence that state, public, international, supranational, and transnational institutions are paying increasing attention to issues of identity. In practical terms, a constructivist approach plays a significant role in understanding identity as it takes into account the identification specificity of personal and civic self-representations and allows to create new identities (usually in the interests of dominant actors). Despite the abundance of works dedicated to various aspects of identity politics, the research field is still riddled with gaps. Therefore, the reviewed book is well-timed and relevant. The authors of the collective monograph have tackled a massive task. They have justified the importance of identity and identity studies in political science and practical politics, examined identity as a social construct from various perspectives and positions, and explored its conceptual and categorical apparatus. The aim of this article is to provide a brief but comprehensive overview of the significant research being carried out by Russian scholars in the field of uncovering the key concepts of identity politics and its conceptual field, as well as the transformation of its discourse and narratives.

Keywords:

identity, politicization of discourses and narratives, trends of identification, struggle for identity, identity politics, new identities

Введение

Несмотря на влияние глобализации с точки зрения унификации многих сфер жизни общества и ослабление силы культурных кодов, мир не стал единым целым. Наоборот, усиливаются процессы фрагментации социально-политического поля и, как следствие, растёт конфликтный потенциал, а «солидарные коллективы пытаются оградить себя от чужих влияний, угрожающих их культурной идентичности» (Звягельская, 2022, с. 23). В поиске причин, объясняющих происходящее, отечественные и зарубежные исследователи все чаще обращаются к феномену идентичности как особому измерителю, во многом определяющему поведение отдельных социальных групп, народов и государств.

В политических решениях и действиях идентичность не всегда определима, особенно в парадигме *Realpolitik*. Между тем, «выбирая различные варианты, политический деятель с большей вероятностью примет те, которые соответствуют национальной идентичности, и отвергнет не соответствующие ей», а «сильная национальная идентичность может снабжать политических акторов дополнительными ресурсами для мобилизации необходимой социальной поддержки» (Кочетков, 2010, с. 19). Примером такого «дополнительного ресурса» стала культурно-историческая связь населения Крыма и Севастополя с Российской

Федерацией, что обеспечило весной 2014 г. процесс мирного воссоединения региона с большой родиной.

Именно (гео)политическая сущность идентичности определяет не только академическую, но и практическую значимость ее изучения. Понять логику поведения элитных групп, объяснить, почему государственный интерес при определенных обстоятельствах уступает место историческим фобиям и мифам, а статусные представления и амбиции становятся непреодолимой силой, невозможно без анализа феномена идентичности. Иными словами, понимание и предсказание тех или иных социальных и политических событий будет максимально релевантным, если анализировать происходящее через призму идентичности. Но прежде, чем приступить к эвристическим деталям, к конкретным идентитарным примерам, необходимо иметь прочный теоретико-методологический фундамент. Рецензируемая работа коллектива российских авторов обладает таковым, поскольку построена по принципу от общего к частному: как известно, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натывать” на эти общие вопросы»¹. Сразу следует отметить, что это не первая работа исследовательской команды под руководством И.С. Семененко. В 2017 г. было опубликовано масштабное издание «Идентичность: Личность, общество, политика» (Семененко, 2017). Его принципиальное отличие от нового проекта – энциклопедичность, что выразилось в словарном и биографическом подходах. В частности, центральный раздел Идентичности-2017 представляет словарь, включающий более 80 понятий, значимых для концептуализации индивидуальной и групповой идентичностей. Важное значение имеют разделы, посвященные биографиям ученых, внесшим наибольший вклад в развитие исследовательского поля идентичности (всего 42 фамилии), а также раскрывающие ракурсы профессиональной идентичности политологов. Отличительная особенность рецензируемой книги – интересные методологические ракурсы, а также прикладные – (гео)политические и социокультурные – аспекты в изучении концепта идентичности.

Результаты исследования

Проблематика идентичности занимает прочные позиции в мейнстриме политической науки и на протяжении последних лет находится в фокусе публичной политики. «Сегодня можно однозначно утверждать, что исследования динамики массового сознания в соотнесении с индивидуальным, личностным восприятием социальных реалий, изучение политической культуры и поведения не обходятся без обращения к идентичности» (Семененко, 2023а, с. 9). Однако подходить к этой проблеме можно с самых разных сторон, что и демонстрирует хорошо продуманная структура сборника: книга включает пять разделов и 44 главы.

¹ Ленин, В. И. (1972). Отношение к буржуазным партиям. В В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений* (5-е изд. Т. 15, с. 368–388). Москва: Политиздат. С. 368.

Представленный анализ идентичности (*первый раздел: «Идентичность в концептуальном пространстве современного научного дискурса»*) – результат многолетних изысканий, размышлений и споров признанных авторитетов российской науки (В. В. Лапкина, И. В. Мирошниченко, И. Л. Прохоренко, И. С. Семененко) о природе меняющейся социальной и политической реальности, о влиянии дискурсивных практик на этот процесс. На основе анализа основных реперных точек научных подходов и новых тенденций авторам удалось выявить и обосновать возможности использования идентичности как нематериального ресурса общественного развития, «отследить “переливание” и переформатирование смыслов из научного поля в политическое, происходящее в процессе политизации научных дискурсов» (Семененко, 2023b, с. 14). Предмет особого внимания авторского коллектива – сложившиеся в научном поле понятийные ряды, очевидные расхождения в трактовке некоторых концептов, а также появившиеся недавно и отражающие произошедшие изменения социальной реальности и ее восприятия понятия.

Представленные в этой части работы теоретические обобщения – существенный вклад в парадигмальное пространство исследований идентичности. Особое место занимают новаторские подходы к осмыслению специфики разделенных и сложных обществ; идентичности экстерриториальных сообществ; нематериальных ресурсов развития; соотношения политических пространств и политического времени; дискурсов полицентричного мира и «новой нормальности». Справедливо замечено, что «в состоятельности и в возможности взаимного усиления традиций и инноваций как механизмов самоорганизации общества и заключен потенциал координации общественных трансформаций в условиях той системной нестабильности, которые переживает современный миропорядок» (Семененко, 2023a, с. 53).

(Гео)политические ракурсы дискурса идентичности, фиксирующие серьезные современных трансформаций, представлены во *втором разделе* книги («Дискурсы идентичности: мир-политические ракурсы»). В мире, болеющем постправдой и остро нуждающемся в «цифровой гигиене» (Ашманов, Касперская, 2022), особую актуальность и практическую значимость имеют исследования идентичности в глобальном медиадискурсе (автор – Н. А. Остроглазова) и дискурсах цифровой трансформации (автор – И. П. Удовенко). Этнокультурные и диаспоральные дискурсы представляются в новом эвристическом свете (автор – С. П. Артеев). Цивилизационные нарративы «как факторы, задающие эпистемологические ракурсы политической картины мира» (Мчедлова, 2023, с. 165) занимают в идентитарном поле все более прочные позиции, «их разработка становится важной составляющей *дискурсивной силы* государств, стремящихся противостоять претендующему на универсальность “порядку, основанному на правилах”» (Семененко, 2023b, с. 15). В условиях обострения борьбы за власть, информацию и ресурсы правильно понятый социальный конструкт идентичности делает политику государств более предсказуемой. С одной стороны, он обозначает культурные, социальные, метафизические границы государства для внешних игроков; с другой – объясняет своим гражда-

нам, кто такие «другие» (Попадьева, 2021, с. 96). Таким образом, идентичность позволяет конструировать реальность, обосновывать и определять стратегии поведения. Что же касается понятия «дискурсивная сила», то в текущей реальности гибридных войн оно требует более пристального внимания.

Формирование идентичности непосредственно связано с политизацией дискурсов и нарративов. Появляющимся в таких условиях вызовам посвящен *третий раздел («Идентичность: вызовы политизации дискурсов и нарративов»)*. В этой части монографии подняты такие темы, как социальная справедливость и солидарность (авторы – Е. С. Садовая, В. А. Сауткина); нацестроительство и национализм (автор – Т. И. Попадьева); архаизация и неотредиционализм (автор – Л. В. Сагитова); регионализация и регионализм (автор – М. М. Мчедлова). Крайне важны исследования причин дискредитации идентичности и дискурсов социальной дискриминации (эйджизм) (автор – Е. Н. Синдяшкина). Персонафикация, а также травма идентичности, равно как и ресурсы городской идентичности – перспективные направления анализа (авторы – М. В. Назукина, А. Н. Кимберг, А. Л. Бардин). Повышение роли религиозных нарративов свидетельствует о растущем стремлении противостоять кризису идентичности и обрести смыслы в условиях нарастающей неопределенности (автор – М. В. Назукина).

Изучение дискурсов и нарративов в предметном поле идентичности позволило выявить актуальные практики социального конструирования, а также обосновать концепт идентизма как противовеса расколу идентичностей в разделенных обществах. По мнению автора посвященной этой проблеме статьи, идентизм «имплицитно или явно присутствующий в современном общественно-политическом пространстве во всех регионах мира, раздвинул рамки прежних представлений о “столкновении цивилизаций”» (Лункин, 2023, с. 248). Конкретный социум может стать единым, обладая прочными горизонтальными связями – социокультурными, экономическими, политическими, рождая или воспроизводя тем самым «всеохватывающую и очень устойчивую сеть человеческих коммуникаций, способную сохранять и развивать дальше свои каналы» (Дойч, 2000, с. 84). Это единство, в противовес границам «свой – чужой», является набором представлений о «мы – сообществе», прекрасно описанном Б. Андерсоном, где основным является не «принадлежность»–«исключенность», а то, кто такие «мы». Единое политическое сообщество возникает при наличии легитимных политических институтов, унифицированных правил и норм, общего информационного пространства, общей исторической памяти и гражданской идентичности, возникающей не только из ответа на вопрос «кто я?», но и «кто мы?» (Пономарева, Попадьева, 2019, с. 104).

Почти четыре века назад Р. Декарт сформулировал важнейший принцип не только любой исследовательской деятельности, но и повседневности человеческого бытия: «...если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было

их раскрыть»². Данное утверждение зафиксировало принципиальной важности эпистемологическую традицию – императивом научного знания является требование методологически четкого определения понятий, а также того, «какими средствами и в каких пределах возможно решать даже неизвестные задачи»³.

Научное понимание и прогнозирование политических и социальных процессов особенно в условиях турбулентности требует от настоящего ученого четкой понятийной рамки, что следует рассматривать не только, как *conditio sine qua pop* (непрерывное условие – *лат.*) исследования, но и как его суть. В *четвертом разделе («Идентичность: расширение понятийного ряда»)* определены и концептуализированы понятия идентичности «с прилагательными»: цивилизационная (автор – В. И. Пантин), позитивная/негативная (автор – О. Ю. Бойцова), инклюзивная (автор – И. В. Самаркина), глобальная (автор – Т. А. Нестик), экологическая (автор – Т. И. Хайнацкая), сельская (автор – Е. В. Морозова), мигрантская (автор – И. П. Цапенко).

Например, особое мировидение и мироощущение, основанное на открытости по отношению к «другому», но с четким пониманием и уважением границ «своего» и «другого» определяет инклюзивную или включающую идентичность. Причины и механизмы ее формирования ученые определяют через метафору «иммунного ответа» (Соловьев, 2013, с. 8) на вызовы глобализации. Автор статьи придерживается мнения, что «инструментами формирования инклюзивной идентичности в стратегическом смысле является политика развития, а в тактическом, в первую очередь, диалоговая политика памяти и символическая политика» (Самаркина, 2023, с. 327). Представляется, что размышления о роли двух последних направлений и сфер деятельности в формировании идентичности следует дополнить анализом государственного режима политики памяти как «системы доминирующих в обществе стратегических властных установок относительно способов интерпретаций и оценок исторического прошлого страны и соответствующая данным установкам система коммеморативных практик» (Русакова, 2023, с. 35). Учитывая усиление конфликтов памяти и их серьезную политизацию, такой ракурс исследований идентичности видится востребованным не только в академической среде.

Не менее политизированными оказываются разного рода экологические нарративы. Все чаще они являются ключевыми факторами, определяющими «принятие активных проэкологических привычек в повседневной жизни и участие или неучастие в экологических движениях» (Schulte et al., 2020), обосновывающими стремление представителей различных социальных групп влиять на процессы принятия политических решений в этой сфере. «Экологические проблемы уже не воспринимаются как “отдаленные” или “чужие”, важным для человека становится сочувствие к природе и сопереживание с ней» (Irkhin, 2020). К сожалению, это «сочувствие» очень активно используют в своих интересах

² Декарт, Р. (1989). Рассуждения о методе. В Р. Декарт, *Сочинения: в 2 т.* (Т. 1, с. 250–296). Москва: Мысль. С. 261.

³ Там же. С. 262.

не только политики, но и крупный, прежде всего, транснациональный бизнес. Понимание сложности явления сегодня, как и во времена Декарта, начинается с понятийного аппарата.

В российской науке используется только одно понятие – *экологическая идентичность*, в то время как в зарубежном научном поле применяются два термина – *environmental identity* и *ecological identity*. Зачастую они трактуются как взаимозаменяемые, однако между ними есть различия. Первый отражает формы идентификации индивидов или групп, на которую могут влиять разные значимые для них идентичности, например, локальная или социокультурная, а также их социальные связи, в то время как второй термин в большинстве случаев описывает самоощущение, которое формируется у индивидов или утверждается на групповом уровне на основе осознания связей с окружающей средой (Sierra-Barón et al., 2023). В сборнике экологическая идентичность определяется как «связь индивида / группы людей с природной средой, идентификацию себя как ее неотъемлемой части, что находит отражение в восприятии проблем окружающей среды и индивидуальном / групповом поведении, стимулируя природозащитную деятельность и другие формы экологической активности» (Хайнацкая, 2023, с. 342).

В силу своей природы социальная наука не может претендовать на получение абсолютно объективных, эмпирически безупречных фактов. Вероятностный характер ее прогнозов предопределен в том числе, потому что за рамками анализа остаются важные, но не поддающиеся точной верификации явления социальной жизни. «Прежде всего, речь идет о таких явлениях, как ценности, привычки, неосознаваемые навыки поведения – обо всем том, что укладывается в понятие “иррационального”» (Цыганков, 1995, с. 75–76). Все эти неучтенные «явления» определяют идентитарный фундамент. Именно с ценностно-исторического и конструктивистско-технологического подходов особый интерес представляет пятый раздел монографии («*Борьба за идентичность и борьба идентичностей: метафоры в научном дискурсе*»).

Борьба за идентичность ведется на самых разных уровнях и с помощью новейших технологий. Поэтому крайне важен анализ перманентного кризиса (автор – Л. А. Фадеева), постправды (автор – А. И. Кольба), войн памяти и культуры отмены (автор – В. И. Пантин). Ученые предостерегают коллег – простор для множественных интерпретаций еще не до конца оформленных научных дефиниций, который дают политические метафоры, может служить не только начальной стадией теоретизации новых категорий идентичности, но и приводить к дискредитации и расчеловечиванию образа отдельных сообществ и целых народов.

Существенно, что любая метафора, предполагая целеполагание, содержит в себе три содержательных измерения. Это онтология – бытийная система координат; аксиология – ценностное измерение, задающее критерии того, что хорошо, а что плохо; «и наконец, это процедурное измерение, уровень практик, которое регламентирует, какие действия нужно предпринимать в рамках достижения цели» (Коктыш, 2019, с. 19). На уровне онтологии метафора формулирует

ответ на вопрос, зачем нужно предпринимать конкретные действия, и к чему они должны привести. На уровне ценностного измерения метафора отвечает на вопрос, как оценивать действия, что можно считать удачей и успехом, а что – провалом, проигрышем, злом. На уровне процедуры звучит ответ на вопрос, что именно должно быть предпринято. При анализе политической ситуации, используя/реконструируя метафору, «мы можем выяснить мотивы и целеполагания сторон даже лучше, чем это представляют себе ее непосредственные участники» (Коктыш, 2019, с. 20).

Например, метафора балканизации, описывающая различные фрагментации (от политических сообществ до медицинских феноменов и процессов в интернет-пространстве), зачастую в политической науке используется «для дискредитации идентичности балканских народов: через стереотипизацию и клеймение обесценивается коллективная балканская идентичность так, что балканизация не мыслится в отрыве от людей, проживающих на Балканах, и звучит как угроза повторения балканского сценария для других территорий» (Попадьева, 2023, с. 396–397). Действительно, понятие «Балканы» в сознании современного человека вызывает сложный ассоциативный ряд, связанный прежде всего с войнами, разрушениями, национальными и государственными конфликтами и международными кризисами. Но является ли конфликтность природной и уникальной особенностью балканских народов? Вовсе нет. Балканский полуостров на протяжении веков был и остается ареной борьбы великих держав, которая и определила феномен балканизации.

История Балкан, как история вообще, «демонстрирует не прямые пути развития, а... закрученные спирали “нелинейной” эволюции» (Лем, 2008, с. 30). Применительно к региону закрученная и нелинейная эволюционность уже на старте формирования национальной государственности в значительной степени была определена внешним фактором. Огромное влияние на социокультурный климат и политический выбор народов региона оказало его включение в орбиту империй – политических и духовных. Здесь устанавливали свой порядок Ватикан и Венеция, Византия и Священная Римская империя, Османская Турция и Австро-Венгрия, Третий Рейх и Советский Союз. Российская империя, не имея на полуострове собственных владений, с первой половины XIX в. покровительствовала православным, бережно опекала сербов. После Второй мировой войны влияние СССР, прежде всего политическое и идеологическое, часто зависело от установок и мировоззрений советских лидеров.

«Балканы всей своей историей доказали, что конструирование, целенаправленное изобретение и социальная инженерия играют важнейшую роль в формировании национальной идеи, столь необходимой при государственном строительстве» (Вишняков, Пономарева, 2018, с. 19). Причем, именно Ватикан, Вена, Венеция, Берлин, Лондон, Рим (позже в этот процесс включился Вашингтон) конструировали «сверху» и «снизу» многие балканские нации, создавали и разрушали государства. Так что балканизация – это продукт столкновения интересов великих держав и в современных условиях может быть рассмотрена

как технология «стереотипизации и клеймения» проживающих на полуострове народов. И в рецензируемой монографии это убедительно доказано.

Заключение

Мир переживает перманентную трансформацию. Кризисные явления (в экономической, социальной, информационной, политической, военной сферах), многочисленные конфликты и войны суммировались в глобальный кризис, который кардинально меняет образ «старого» мира и создает предпосылки для вызревания нового. Что произойдет в обозримом будущем? Что будет целью и ценностью для стран и народов? Как России пройти «бутылочное горлышко» глобального кризиса и сохранить независимость? Дать максимально широкие и объективные ответы на эти и целый ряд других вопросов современной науки и практики невозможно без понимания того, «кто мы?». Ответ на этот вопрос невозможен без тонкого и глубокого понимания природы идентичности.

Дать развернутое представление 500-страничного труда, включающего 44 главы, в написании которых приняли участие 32 российских автора, не представляется возможным. Поэтому подводя итог краткому анализу монографии, следует отметить, что именно концептуальный микс дает возможность исследовать предмет идентичности с разных сторон, рассмотреть не только фасад явления, но заглянуть «за кулисы», а значит, четко определить новые контуры исследовательского поля, спрогнозировать влияние вызовов политизации на трансформацию дискурсов и нарративов.

Без преувеличения, в данной книге реализован «принцип Дидро», ставший основанием Великой Энциклопедии XVIII в.: привести знания в систему, «для людей, с которыми мы живем, и передать их людям, которые придут за нами: дабы труды минувших веков не были бесполезны для веков грядущих, дабы наши потомки, став образованнее, стали также добродетельнее и счастливее»⁴. Возможно, кто-то не согласится с Дидро в том, что знания делают людей «добродетельнее и счастливее», но очевидно, что они позволяют понять причины происходящего, двигатель которого – человек, его духовные ориентиры и нравственный выбор, его мировосприятие и самооценка. Иными словами, взгляд через призму идентичности позволяет выявить трансформационные сдвиги в самоощущении и самосознании отдельных личностей, социальных групп и стран, а значит объективно оценивать возможности и перспективы развития мировой политики.

⁴ Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. (1994). *Энциклопедический словарь* (Репр. изд. 1890 г. Т. 80). Москва: Терра – Terra. С. 879.

Список литературы

1. Ашманов, И. С., Касперская, Н. И. (2022). *Цифровая гигиена*. Санкт-Петербург: Питер.
2. Вишняков, Я. В., Пономарева, Е. Г. (2018). Сербия на Балканах: изобретение «порохового погреба Европы». *Современная Европа*, (7), 108–121. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72018115129>
3. Дойч, К. (2000). Рост наций. В А. А. Прузаускас (Ред.), *Этнос и политика* (с. 62–75). Москва: УРАО.
4. Звягельская, И. Д. (Ред.) (2020). *Ближний Восток: Политика и идентичность*. Москва: Аспект-Пресс.
5. Коктыш, К. Е. (2019). *Теория метафоры и политические институты*. Москва: МГИМО-Университет.
6. Кочетков, В. В. (2010). Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, (1), 5–26.
7. Лем, С. (2008). *Сумма технологии*. Москва: АСТ.
8. Лункин, Р. Н. (2023). Идентизм: поиски новой идеологии. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 242–249). Москва: Весь мир.
9. Мчедлова, М. М. (2023). Цивилизационные нарративы в политическом дискурсе: ценности и смыслы. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 164–174). Москва: Весь мир.
10. Пономарева, Е. Г., Попадьева, Т. И. (2019). Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии. *Дискурс-Пи*, (3), 98–119. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10307>
11. Попадьева, Т. И. (2021). Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины. *Вестник МГИМО-Университета*, 14(4), 91–106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106>
12. Попадьева, Т. И. (2023). Балканизация. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 394–399). Москва: Весь мир.
13. Русакова, О. Ф. (2023). К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ. *Дискурс-Пи*, 20(1), 27–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_27
14. Самаркина, И. С. (2023). Инклюзивная идентичность. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 320–329). Москва: Весь мир.
15. Семененко, И. С. (2023а). Дискуссии о развитии в контексте политики развития. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество,*

политика. *Новые контуры исследовательского поля* (с. 45–56). Москва: Весь мир.

16. Семененко, И. С. (2023b). Идентичность в мейнстриме политической науки и фокусе публичной политики. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 9–16). Москва: Весь мир.

17. Семененко, И. С. (Ред.) (2017). *Идентичность: Личность. Общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва: Весь мир.

18. Соловьев, Э. Г. (2013). Идентичность без границ. *Мировая экономика и международные отношения*, (12), 115–122.

19. Хайнацкая, Т. И. (2023). Экологическая идентичность. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 338–349). Москва: Весь мир.

20. Цыганков, А. П. (1995). *Современные политические режимы: структура, типология, динамика*. Москва: Интерпракс.

21. Irkhin, B. D. (2020). Who Benefits from Environmental Identity? Studying Environmental Identity and Mental Wellbeing in Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(3), 66–78. <https://doi.org/10.11621/PIR.2020.0305>

22. Schulte, M., Bamberg, S., Rees, J., & Rollin, P. (2020). Social Identity as a Key Concept for Connecting Transformative Societal Change with Individual Environmental Activism. *Journal of Environmental Psychology*, 72(101525). <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101525>

23. Sierra-Barón, W., Olivos-Jara, P., Gómez-Acosta, A., & Navarro, O. (2023). Environmental Identity, Connectedness with Nature, and Well-Being as Predictors of Pro-Environmental Behavior, and Their Comparison between Inhabitants of Rural and Urban Areas. *Sustainability*, 15(5), 1–14. <https://doi.org/10.3390/su15054525>.

References

1. Ashmanov, I. S., & Kasperskaya, N. I. (2022). *Tsifrovaya gigiena* [Digital hygiene]. St. Petersburg: Piter.

2. Deutsch, K. (2000). Rost natsii [The Growth of Nations]. In A. A. Prazauskas (Ed.), *Etnos i politika* (pp. 62–75). Moscow: URAO.

3. Irkhin, B. D. (2020). Who Benefits from Environmental Identity? Studying Environmental Identity and Mental Wellbeing in Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(3), 66–78. <https://doi.org/10.11621/PIR.2020.0305>

4. Khaynatskaya, T. I. (2023). Ekologicheskaya identichnost' [Ecological identity]. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 338–349). Moscow: Ves' mir.

5. Kochetkov, V. V. (2010). Identichnost' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: teoreticheskie osnovy i rol' v mirovoy politike [Identity in international relations: theoretical foundations and role in world politics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, (1), 5–26.

6. Koktysh, K. E. (2019). *Teoriya metafory i politicheskie instituty* [The theory of metaphor and political institutions]. Moscow: MGIMO-Universitet.
7. Lem, St. (2008). *Summa tekhnologii* [Summa (Compendium) of Technology]. Moscow: AST.
8. Lunkin, R. N. (2023). Identizm: poiski novoy ideologii. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 242–249). Moscow: Ves' mir.
9. Mchedlova, M. M. (2023). Tsvivilizatsionnye narrativy v politicheskom diskurse: tsennosti i smysly. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 164–174). Moscow: Ves' mir.
10. Ponomareva, E. G., & Popadeva, T. I. (2019). Trendy identifikatsii v molodezhnoĭ srede Bosnii i Gertsegoviny i Severnoĭ Makedonii [Youth identity trends in Bosnia and Herzegovina and North Macedonia]. *Diskurs-Pi*, (3), 98–119. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10307>
11. Popadeva, T. I. (2021). Yazykovaya politika kak instrument formirovaniya grazhdanskoĭ identichnosti: na primere Bosnii i Gertsegoviny [The politics of language in constructing civil identity: case of Bosnia and Herzegovina]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 14(4), 91–106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106>
12. Popadeva, T. I. (2023). Balkanizatsiya [Balkanization]. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 394–399). Moscow: Ves' mir.
13. Rusakova, O. F. (2023). K voprosu o ponyatii “rezhim politiki pamyati”: metodologicheskii analiz [On The Issue of the Concept of “Regime of Memory Politics”: Methodological Analysis]. *Diskurs-Pi*, 20(1), 27–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_27
14. Samarkina, I. S. (2023). Inklyuzivnaya identichnost' [Inclusive identity]. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 320–329). Moscow: Ves' mir.
15. Schulte, M., Bamberg, S., Rees, J., & Rollin, P. (2020). Social Identity as a Key Concept for Connecting Transformative Societal Change with Individual Environmental Activism. *Journal of Environmental Psychology*, 72(101525). <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101525>
16. Semenenko, I. S. (2023). Diskussii o razvitii v kontekste politiki razvitiya [Discussions on development in the context of development policy]. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 45–56). Moscow: Ves' mir.
17. Semenenko, I. S. (2023). Identichnost' v meynstrime politicheskoy nauki i fokuse publichnoy politiki [Identity in the mainstream of political science and the focus of public policy]. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 9–16). Moscow: Ves' mir.
18. Semenenko, I. S. (Ed.) (2017). *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, Politics. An Encyclopedia]. Moscow: Ves' mir.

19. Sierra-Barón, W., Olivos-Jara, P., Gómez-Acosta, A., & Navarro, O. (2023). Environmental Identity, Connectedness with Nature, and Well-Being as Predictors of Pro-Environmental Behavior, and Their Comparison between Inhabitants of Rural and Urban Areas. *Sustainability*, 15(5), 1–14. <https://doi.org/10.3390/su15054525>
20. Soloviev, E. G. (2013). Identichnost' bez granits [Identity without borders]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (12), 115–122.
21. Tsygankov, A. P. (1995). *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika* [Modern political regimes: structure, typology, dynamics]. Moscow: Interpraks.
22. Vishnyakov, Ya. V., & Ponomareva, E. G. (2018). Serbiya na Balkanakh: izobretenie “porokhovogo pogreba Evropy” [Serbia in the Balkans: The Invention of “Europe’s Gun powder Magazine”]. *Sovremennaya Evropa*, (7), 108–121. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72018115129>
23. Zvyagelskaya, I. D. (Ed.) (2020). *Blizhniy Vostok: Politika i identichnost'* [The Middle East: politics and identity]. Moscow: Aspekt-Press.

Информация об авторе

Елена Георгиевна Пономарева, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, Москва, Россия, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8370-8597>, e-mail: nastya304@mail.ru

Information about the author

Elena Georgievna Ponomareva, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8370-8597>, e-mail: nastya304@mail.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуючную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуючные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуючными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательно подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию,

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. **Information about the author**

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitija territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс * *Пи*
Екатеринбург – 2024

